

ГЛЕБ МОРЕВ

ОСИП
МАНДЕЛЬШТАМ

Фрагменты литературной
биографии

НОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ГЛЕБ МОРЕВ

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

ФРАГМЕНТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ БИОГРАФИИ
(1920–1930-Е ГОДЫ)

МОСКВА, 2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М79

Издатель Андрей Курилкин

Дизайн Дарья Яржамбек, Юрий Остроменцкий

Редактор Андрей Курилкин

В оформлении суперобложки использована фотография Осипа Ман-
дельштама начала 1930-х годов (?) из собрания Государственного музея
истории российской литературы имени В.И. Даля

Морев Г.А.

М79 Осип Манделъштам: Фрагменты литературной биографии (1920–
1930-е годы). — М.: Новое издательство, 2022. — 220 с. — (Новые материалы
и исследования по истории русской культуры).

ISBN 978-5-98379-264-7

Литературная биография Осипа Манделъштама советских лет — это исто-
рия его попыток быть писателем и зарабатывать литературным трудом
в эпоху радикальных социальных изменений, касавшихся и самого статуса
литературы, и устройства ее существования в обществе. Детальная рекон-
струкция советского литературного быта 1920–1930-х годов и новый взгляд
на социальные стратегии Манделъштама — в книге Глеба Морева.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-98379-264-7

© Новое издательство, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Осип Мандельштам. <i>Фрагменты литературной биографии (1920–1930-е годы)</i>	15
Приложение. «Кто дал им право арестовать Мандельштама?» <i>Сталинская резолюция на письме Бухарина и ее последствия</i>	185
Список сокращений	209
Указатель произведений О. Мандельштама	210
Указатель имен	212

Себя губя, себе противореча...

«К немецкой речи», 1932

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1975 году декабрьский выпуск американского славистического ежеквартальника *Slavic Review* открывался сенсационной публикацией неизвестных стихов Мандельштама — его так называемой «Оды» Сталину, написанной в начале 1937 года¹.

О существовании неких стихов Мандельштама, «где он хвалит Сталина», впервые стало известно из воспоминаний Анны Ахматовой, опубликованных в Нью-Йорке в 1965 году². Ахматова цитировала одну строку из этих стихов («Мне хочется сказать не Сталин — Джугашвили») и датировала их предположительно 1935 годом. Появление такого рода стихотворения у Мандельштама Ахматова объясняла сказанными ей словами поэта: «Я теперь понимаю, что это была болезнь»³.

В декабре 1967 года в *Slavic Review* появилась обширная статья Кларенса Брауна, одного из первых славистов, занявшихся творчеством Мандельштама. Она была посвящена вопросу о существовании текста, восхваляющего Сталина (Браун впервые печатно назвал его «одой»), и контексту окружающих его воронежских стихов 1937 года. Браун с 1965 года был вхож в московский дом Н.Я. Мандельштам и был одним из ее доверенных лиц. В конце 1965 года он переправил на Запад рукопись первой книги ее мемуаров. «Воспоминания» Н.Я. Мандельштам (еще до их публикации в 1970 году) и разговоры с ней стали для Брауна источником сведений о существовании «оды» (это жанровое определение он, несомненно, заимствует из одноименной главы «Воспоминаний»). Как стало понятно после публикации аудиозаписей разговоров Брауна с Н.Я. Мандельштам, состоявшихся весной 1966 года⁴, именно беседы с вдовой поэта полностью определили канву опубликованного в *Slavic Review* в 1967-м исследования.

---

¹ Mandelstam's "Ode" to Stalin // *Slavic Review*. 1975. Vol. 34. № 4. P. 683–691.

² Ахматова А. Мандельштам (Листки из дневника) // Воздушные пути: Альманах / Ред.-изд. Р.Н. Гринберг. Нью-Йорк, 1965. [Вып.] IV. С. 38.

³ Там же. Характерно, что эта же — медицинская — объяснительная рамка возникает и в «Воспоминаниях» Н.Я. Мандельштам при разговоре о «желании [Мандельштама] примириться с действительностью и найти ей оправдание» (в посвященной душевному здоровью поэта главе «Врачи и болезни» [НМ. Т. 1. С. 205]).

⁴ Браун К. Воспоминания о Н.Я. Мандельштам и беседы с ней / Пер. с англ. В. Литвинова, коммент. В. Литвинова, П. Нерлера, предисл. П. Нерлера // «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / Сост. П.М. Нерлер. М., 2015. С. 451–454.

Остается открытым вопрос, знал ли Браун полный текст «Оды» к этому моменту: в статье он приводит из нее четыре строки и называет их отдельным стихотворением⁵. Мотивы ее (предположительного, как следует из текста Брауна) создания освещались им в полном соответствии с версией, предложенной ранее Ахматовой и содержащейся в доступной ему рукописи «Воспоминаний» Н.Я. Мандельштам, — стихотворение трактовалось как вынужденная попытка поэта спасти свою жизнь; попытки этой он впоследствии стыдился.

В своей статье Браун проблематизировал уместность обращения к «Оде» на фоне только что сложившейся репутации Мандельштама как «единственного русского поэта, чудом оставшегося отчужденным от советской реальности» и обладавшего «уникальной способностью противостоять искушению [режимом], которому поддались буквально все — включая Ахматову и Пастернака — [советские] писатели»⁶. Даже если «Ода» и существует, написанный под давлением текст, по мысли Брауна, очевидным образом не может служить противовесом имевшемуся ко второй половине 1960-х годов корпусу уже опубликованных стихотворений Мандельштама, легшему в основу вышеприведенной характеристики поэта. В целом статья Брауна выглядит сегодня как упреждающий неизбежное появление «Оды» жест, призванный нейтрализовать эффект от будущей публикации текста. Заметим, что такая тактика целиком соответствует тактике Н.Я. Мандельштам, направленной обычно на «превентивное» устранение «опасностей», связанных с появлением неподконтрольной ей информации о Мандельштаме.

После выхода на Западе «Воспоминаний» Н.Я. Мандельштам ситуация стала еще более противоречивой. С одной стороны, из главы «Ода» весь мир узнал о ее решении не скрывать факт написания Мандельштамом посвященного Сталину стихотворения. С другой — сам текст «Оды» по-прежнему оставался неизвестным. С декабрьской публикацией *Slavic Review* 1975 года положение изменилось.

Через несколько месяцев после публикации «Оды» в Америке этот же текст Мандельштама увидел свет в шведском ежегоднике *Scando-Slavica* в составе публикации Бенгта Янгфельдта «Osip Mandel'stam's Ode to Stalin»⁷. По сравнению с первой публикацией,

⁵ *Brown C. Into the Heart of Darkness: Mandelstam's Ode to Stalin // Slavic Review. 1967. Vol. 26. № 4. P. 594.*

⁶ *Ibid. P. 603.*

⁷ *Jangfeldt B. Osip Mandel'stam's Ode to Stalin // Scando-Slavica. 1976. Vol. 22. № 1. P. 35–41. Параллельно фрагмент «Оды» был опубликован в книге К.Ф. Тарановского «Essays on Mandelstam» (Cambridge, MA; London, 1976. P. 113).*

текст *Scando-Slavica* был более полным⁸. Однако ни американская публикация (которая вообще была анонимной), ни шведская не сопровождались какой-либо ссылкой на источник текста. Эти нетипичные для академической эдиционной практики детали многое объясняют в не лишенной драматизма истории рецепции мандельштамовского наследия.

Анонимными авторами предисловия и публикаторами «Оды» в *Slavic Review* были американские слависты Роберт П. Хьюз и Джон Мальмстад. Текст был получен ими от их коллеги Уильяма М. Тодда, который получил его от Г.Г. Шмакова⁹. (Нам представляется наиболее вероятным, что Шмаков, в свою очередь, получил текст от Л.Я. Гинзбург¹⁰.) Не составляет труда предположить, что человеком, передавшим «Оду» Янгфельдту, был имевший полный доступ к архиву Мандельштама Н.И. Харджиев — 1975 годом датируется начало их тесного общения в Москве, оборвавшегося в 1977-м¹¹.

Причины, по которым публикаторы в одном случае предпочли сохранить анонимность и в обоих — уклонились от указания на источник текста, в первую очередь связаны, очевидно, с тем, что обе публикации не были согласованы с вдовой поэта, воздерживавшейся от обнародования «Оды».

Вне всякого сомнения, главным мотивом, побудившим Харджиева в обход Н.Я. Мандельштам инициировать публикацию ставшего к середине 1970-х легендарным текста, был не столько личный конфликт с вдовой поэта, сколько категорическое несогласие с той

По сообщению Ю.Л. Фрейдина, Тарановский получил копию «Оды» от него, с разрешения Н.Я. Мандельштам.

⁸ В публикации *Slavic Review* отсутствовали в целом семь строк «Оды», в *Scando-Slavica* — одна.

⁹ Приносим живейшую благодарность И.А. Паперно, способствовавшей выяснению этого факта. Сообщения об авторстве публикации и источнике текста содержатся в электронных письмах Роберта П. Хьюза, Уильяма М. Тодда и Джона Мальмстада к И.А. Паперно от 16, 18 и 27 августа 2021 года. Благодарим Роберта П. Хьюза, Уильяма М. Тодда и Джона Мальмстада за разрешение обнародовать полученную от них информацию.

¹⁰ Л.Я. Гинзбург в 1960-е годы была вовлечена в процесс подготовки книги Мандельштама в «Библиотеке поэта» и, в частности, во взаимоотношения Н.Я. Мандельштам с их «общим другом» — составителем и комментатором готовившегося издания Н.И. Харджиевым, в то время держателем архива Мандельштама (Переписка Н.Я. Мандельштам с Л.Я. Гинзбург (1959–1968) / Подготовка текста, предисл. и коммент. О.Е. Рубинчик // *Toronto Slavic Quarterly*. 2018. № 64. С. 25). Мы предполагаем, что текст «Оды» мог стать известным Гинзбург через Харджиева, с которым она (после его конфликта с Н.Я. Мандельштам в 1967 году) сохраняла дружеские отношения.

¹¹ См.: Мейлах М. Кража века, или Идеальное преступление: Харджиев против Янгфельдта // *OpenSpace.ru*. 2012. 12 апреля.

интерпретацией обстоятельств возникновения и смысла «Оды», которую она настойчиво продвигала, и в целом со складывавшимся, по мнению Харджиева, у Мандельштама «фальшивым ореолом», «размножающим тех истерических „почитателей“, которых не следует смешивать с настоящими читателями стихов»¹². Это подтверждается тем, что Харджиев (не названный по имени, но обозначенный в Scando-Slavica как «близкий друг Мандельштамов того времени»), принципиально скупой (в то время) на воспоминания¹³, прямо засвидетельствовал Янгфельдту, что «Мандельштам не стеснялся „Оды“ <...> и несколько раз читал ее [в кругу знакомых] после возвращения из воронежской ссылки»¹⁴.

Сравнительно широко доступным полный текст «Оды» стал в 1981 году, когда с разрешения Н.Я. Мандельштам он был опубликован по авторизованной машинописи из ее архива в четвертом, дополнительном томе зарубежного Собрания сочинений Мандельштама¹⁵. Несмотря на то что текст был сопровожден комментарием, целиком заимствованным из «Воспоминаний» Н.Я. Мандельштам, включение

¹² Из письма Харджиева 1969 года В.Н. Орлову (*Нерлер П. Con amore: Этюды о Мандельштаме*. М., 2014. С. 681).

¹³ Ср. свидетельство М.В. Ардова: «Году в семидесятом мы с Михаилом Мейлахом пришли к Харджиеву. Там мы застали Эмму Григорьевну [Герштейн]. Хозяин сидел за своим письменным столом, а Герштейн на стуле перед ним. В какой-то момент Эмма Григорьевна произнесла: — Вы просто обязаны написать мемуары. И тут Харджиев, дотолка сидевший в довольно статичной позе, весьма проворно сложил два кукиша и моментально поднес их к самому лицу собеседницы... Ни я, ни Мейлах не в силах забыть эту „немую сцену“» (*Ардов М. Вокруг Ордынки*. СПб., 2000. С. 63). В письме к нам от 20 августа 2021 года М.Б. Мейлах подтвердил это воспоминание.

¹⁴ *Jangfeldt B. Op. cit.* P. 41. Позднее факт чтения Мандельштамом «Оды» в Москве подтвердила Э.Г. Герштейн: «<...> бывая нелегально у Осмеркиных в 1937–1938 гг., Осип Эмильевич с большим пафосом читал забегавшим туда на огонек знакомым вот эту самую свою „Оду“» (*Герштейн*. С. 417).

¹⁵ *Мандельштам О. Собрание сочинений / Под ред. Г. Струве, Н. Струве, Б. Филиппова*. Париж, 1981. [Т.] IV, дополнительный. С. 23–26. Неизвестно, была ли эта машинопись передана Н.Я. Мандельштам в 1973 году на Запад в составе мандельштамовского архива, в 1976 году поступившего из Парижа на хранение в библиотеку Принстонского университета (США) — в Принстоне она отсутствует. Ныне ее местонахождение неизвестно. (Теоретически можно предположить, что она осела в парижском архиве Н.А. Струве, готовившего во второй половине 1970-х четвертый, дополнительный, том Собрания сочинений Мандельштама.) По фотокопии с этой машинописи, сделанной Ю.Л. Фрейдиным, текст «Оды» опубликован А.Г. Мецем в Полном собрании стихотворений (СПб., 1995) и Полном собрании сочинений и писем (М., 2009. Т. 1) Мандельштама. По свидетельству Ю.Л. Фрейдина, Н.Я. Мандельштам считала бессмысленным уничтожать текст «Оды» после того, как архив поэта побывал у Н.И. Харджиева, имея в виду, что тот обязательно опубликует текст по снятой им копии. Заметим, однако, что решение передать «Оду» Н.А. Струве для дополнительного тома Собрания сочинений она приняла лишь после того, как такая публикация состоялась.

«непопулярной»¹⁶ среди поклонников Мандельштама 1970-х годов «Оды» в Собрание сочинений вызвало критику одного из рецензентов издания, Е.Г. Эткинда, который, опираясь на сообщенные в «Воспоминаниях» же сведения о том, что, уезжая из Воронежа, поэт просил Н.Е. Штемпель уничтожить имевшийся у нее экземпляр «Оды», задавался вопросами, в публицистически-заостренном виде представлявшими собой версию риторических вопросов из статьи Кларенса Брауна 1967 года:

Стоит ли гнаться за эфемерной «академической полнотой» ценой компрометации поэта? <...> Мандельштамовская «ода» извлечена из черновиков, из архива, для чего? Чтобы очернить поэта? Воспользоваться тем, что <...> он не успел сжечь рукопись сам, а поручил другим, обманувшим его?¹⁷

На этом, казалось бы, частном примере — истории первых публикаций так называемой «Оды» и ее рецепции — нам хотелось показать, что уже к середине 1970-х годов наследие Мандельштама стало предметом и даже орудием противостояния. Акторы его определились сразу — это были, с одной стороны, вдова поэта и утверждаемый ею (авто)биографический нарратив и, с другой, несогласные с ним современники¹⁸ (а впоследствии и исследователи¹⁹). Чрезвычайная влияние книг Н.Я. Мандельштам, являющихся выда-

¹⁶ См.: Непопулярные стихи Николая Заболоцкого и Осипа Мандельштама / Вступ. заметка и републикация К. Кириллова [С.В. Дедюлина] // Северная почта: Журнал стихов и критики. 1979. № 4. С. 71–77. Публикация представляет собой воспроизведение «Горийской симфонии» Заболоцкого и «Оды» Мандельштама в ленинградском самиздатском журнале, выходившем в 1979–1981 годах под редакцией С.В. Дедюлина и В.Б. Кривулина. Стихи Мандельштама напечатаны со ссылкой на публикацию Янгфельдта «с некоторыми исправлениями опечаток и пропусков» (републикатор располагал копией полного текста, происхождение которой сегодня восстановить затрудняется).

¹⁷ Эткинд Е. Размышления о последнем томе О. Мандельштама и о первом томе М. Цветаевой // Русская мысль. 1981. 7 мая. С. 10.

¹⁸ Если говорить о людях из ближайшего окружения Мандельштама, то к Н.И. Харджиеву в 1980-е годы присоединилась Э.Г. Герштейн, выпустившая книгу «Новое о Мандельштаме» (Paris, 1986). Следует учесть, что небольшие по объему, но чрезвычайно весомые воспоминания Б.С. Кузина — еще одного близкого друга Мандельштамов в 1930-е — также были написаны (в 1970 году) в качестве «корректирующего» ответа на «Воспоминания» Н.Я. Мандельштам. Особняком стоит незавершенная книга Л.К. Чуковской «Дом Поэта» (1972–1976; опубл. 2001; отд. изд.: М., 2012), целиком посвященная полемике с Н.Я. Мандельштам.

¹⁹ Необходимо упомянуть здесь пионерскую работу Г.М. Фрейдина: *Freidin G. Mandel'shtam's Ode to Stalin: History and Myth // The Russian Review. 1982. Vol. 41. № 4. P. 400–426.* Важнейший вклад в становление независимого

ющимися памятниками новой русской прозы и ставших мировыми бестселлерами²⁰, в сочетании с объективными фактами биографии Мандельштама — прежде всего, его беспрецедентным выступлением против Сталина в 1933 году и мученической гибелью в советском концлагере — определили напряженность этого противостояния и первоначальное неравенство сил в нем.

Авторитет книг Н.Я. Мандельштам и создаваемого ими образа поэта были следствием не только художественного дара их автора, но и его социальной чуткости: они шли навстречу возникающему в СССР в конце 1950-х годов отчетливому общественному запросу на фигуру, репрезентирующую безупречное нравственное сопротивление сталинскому режиму. Ставший жертвой государственного террора великий поэт вырастал в идеологический символ.

Ощущалась близость судеб и жизни — нашей и Мандельштама (в отличие от классиков и даже Пастернака) — со всеми должными оговорками. Его конец был как бы нашим (потенциальным) концом. Мандельштам был как бы символом, парадигмой существования свободной души в тоталитарном государстве,

— от имени (по)читателей Мандельштама 1960–1970-х годов формулировал, отказываясь в изменившихся с наступлением горбачевских реформ социокультурных условиях продолжать свои мандельштамовские штудии, один из первопроходцев изучения поэта в СССР Ю.И. Левин²¹.

Однако по мере того как советский тоталитаризм становился достоянием истории, ограниченность подхода к жизни и творчеству Мандельштама как к «символу» антитоталитарного сопротивления делалась очевидной. Такой подход все более входил в противоречие с накапливавшейся массой документальных свидетельств, касающихся биографии поэта, а его герменевтический потенциал выглядел в свете новых данных все более недостаточным. Назрела, с нашей точки зрения, необходимость реконструкции и реинтерпре-

---

от установок Н.Я. Мандельштам изучения наследия поэта внесли также М.Л. Гаспаров и Е.А. Тоддес.

²⁰ См.: *Нечипорук Д.* Рецепция мемуаров Н.Я. Мандельштам в США // Осип Мандельштам и XXI век: Материалы международного симпозиума. Москва. 1–3 ноября 2016 г. / Ред.-сост. Л. Видгоф, Д. Зуев, О. Лекманов, П. Нерлер. М., 2016. С. 233–238.

²¹ *Левин Ю.* Почему я не буду делать доклад о Мандельштаме [Выступление на лондонской конференции к 100-летию Мандельштама 2 июля 1991 года] // Русская мысль. 1991. 26 июля. С. 14–15.

тации на основе широкой документальной базы ключевых сюжетов мандельштамовского биографического текста советского периода. Попытка такой реконструкции предпринята нами в предлагаемой работе.

Считаем своим приятным долгом поблагодарить коллег, содействовавших в написании этой книги. Мы искренне признательны М.В. Акимовой, Е.В. Берштейну, Д.Н. Бутрину, Л.М. Видгофу, Т.М. Двинятиной, В.В. Зельченко, Р.Г. Лейбову, Ю.П. Левингу, Г.А. Левинтону, О.А. Лекманову, Т.Ф. Нешумовой, И.А. Паперно, А.Л. Соболеву, С.И. Субботину, Р.Д. Тименчику за разнообразную и щедрую помощь. Текст писался в непрерывном и обогащающем диалоге с Марией Степановой, которая стала его первым внимательным читателем и критиком. Все возможные ошибки и спорные гипотезы остаются, разумеется, на совести автора.

17 мая 1938 года, ровно через четыре года после первого ареста, Мандельштам был допрошен в рамках заведенного на него 30 апреля следственного дела № 19390 по обвинению в контрреволюционной деятельности. Отказавшись признать вину в антисоветской агитации, Мандельштам показал:

Должен признать свою вину в том, что, несмотря на запрещение и не имея разрешения, я неоднократно приезжал в Москву [в 1937–1938 годах]. Цель моих поездок, в сущности, сводилась к тому, чтобы через Союз писателей получить необходимую работу, т.к. в условиях г. Калинина я не мог найти себе работы. Помимо этого я добивался через Союз писателей получения критической оценки моей поэтической работы и потребности творческого общения с советскими писателями¹.

На взгляд проводившего допрос младшего лейтенанта госбезопасности П. Шилкина такое объяснение не могло не выглядеть достаточно экзотически: только что отбывший трехлетнюю административную высылку по обвинению в антисоветской деятельности литератор, лишенный права проживания в Москве и не являющийся ни членом, ни кандидатом в члены Союза советских писателей СССР, *добивается* от Союза получения оплачиваемой работы и положительной оценки своих новых произведений. Это неконвенциональное с точки зрения установившегося во второй половине 1930-х годов советского обихода поведение было истолковано НКВД как «враждебная агитация», что, в свою очередь, требовало от органов госбезопасности вновь «подвергнуть Мандельштама аресту и изоляции»².

Для Мандельштама такая стратегия была, однако, совершенно органичной.

Истоки этого драматического взаимонепонимания, приведшего к губительным для поэта последствиям, следует искать в системе мировоззренческих установок, сложившейся у Мандельштама в конце

---

¹ *Нерлер П.* Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С. 102.

² Там же. С. 99.

1910-х годов и названных в свое время Е.А. Тоддесом его «поэтической идеологией»³.

2

В начале 1970-х годов, готовя на основе своих дневниковых записей работу о Мандельштаме, А.К. Гладков в одном из фрагментов оставшейся ненаписанной статьи замечает:

<...> если, освободясь от гипноза страстной, умной, горькой диалектики книги Н.Я. [Мандельштам «Воспоминания»], от поразительной правды общей картины времени, нарисованной ей, попробовать независимо от ее точки зрения взвесить только факты судьбы Мандельштама до его последнего ареста, то неожиданно выясняется, что, пожалуй, никто из беспартийных писателей, не бывших «деятелями», не имел таких многочисленных контактов с членами правительства, людьми власти. Долгое и неплатоническое покровительство Бухарина. Персональная пенсия еще в молодые годы. Помощь Енукидзе, Кирова, Гусева, Ломинадзе, Молотова. Их толчки в издательских делах, в устройстве командировок, пребывания в высокопоставленных санаториях. Квартиру он получил среди первых в среде писателей: до этого жил во флигеле Дома Герцена, где жили и Фадеев, Тренев, Павленко. Пастернак получил отдельную квартиру позже. У него был договор на собрание сочинений, за который он успел получить 60%. Первый приговор был мягчайшим, утя содеянное. В конфликте с Горнфельдом был виноват скорее всего он сам. Откуда же это постоянно[е] ощущение отщепенства и травли?⁴

Исторически совершенно корректное наблюдение Гладкова⁵, аккумулируя имена в разные годы помогавших Мандельштаму высокопоставленных советских деятелей (их ряд может быть продолжен,

³ Это определение, послужившее названием классической уже работы Е.А. Тоддеса (1991), отличает известная метафоричность; корректнее, на наш взгляд, говорить об авторской идеологии Мандельштама.

⁴ Гладков А.К. <Глоссы о Мандельштаме> / Публ. и подгот. текста М. Михеева, П. Нерлера, С. Василенко // Михеев М.Ю. Александр Гладков о поэтах, современниках и — немного о себе... (Из дневников и записных книжек) / 2-е изд. М., 2019. С. 235 (здесь и далее не оговоренные особо выделения в тексте принадлежат авторам).

⁵ Трудно согласиться с Ю.Л. Фрейдиным, утверждающим в письме к публикатору дневниковой записи Гладкова от 9 августа 1971 года, которая легла в основу цитированного нами текста, что «каждая позиция Гладкова может быть опровергнута фактами» (Гладков А. Дневниковые записи. 1971 год / Публ. и коммент. М. Михеева // Знамя. 2015. № 6. С. 141).

по крайней мере, Луначарским, Дзержинским, Томским и менее известным личным секретарем Ленина Н.П. Горбуновым⁶) и факты его писательской биографии, проницательно касается центрального для понимания судьбы поэта обстоятельства: с одной стороны, это его теснейшее взаимодействие с советской литературной системой и литераторской средой, а с другой — глубоко конфликтный и травмирующий характер этого взаимодействия.

После публикации 24 мая 1918 года в левоэсеровской газете «Знамя труда» стихотворения «Гимн» (в позднейшей редакции «Сумерки свободы»), манифестировавшей принятие Мандельштамом — после периода сомнений рубежа 1917–1918 годов — большевистского переворота и его последствий, «отношение поэта к советскому социуму (что не тождественно отношению к революции) колебалось»⁷. О природе этих колебаний пойдет речь далее, однако уже сейчас необходимо отметить, что принципиальные положения о соотношении культуры и нового государства, высказанные Мандельштамом в 1918–1920 годах, никогда не были подвергнуты им пересмотру. Речь идет, прежде всего, о написанной в 1918 году, в период службы Мандельштама в Наркомпросе⁸, статье «Государство и ритм» и статье 1920 года «Слово и культура». Первая из них, помимо полной идентификации автора с «нашим молодым государством»⁹, замечательна тем, что, по наблюдению Е.А. Тоддеса, «государство (революционная диктатура) и культура оказываются в одном ценностном ряду. Это представление в течение последующих семи десятков лет [существования советского режима] поддерживалось и государством, и людьми культуры, причем <...> каждая сторона руководствовалась своими мотивами: государство стремилось сделать культуру государственной, а люди культуры надеялись, как Мандельштам

⁶ См.: Мец А.Г. Осип Мандельштам в Кремле (1918) // *Toronto Slavic Quarterly*. 2015. № 54.

⁷ Тоддес Е. А. <Мандельштам и Рудаков> // *Тоддес*. С. 595. Мы, вслед за Е.А. Тоддесом (Там же. С. 352), безусловно, разделяем предположение о том, что «народный вождь» в «Гимне» — это Ленин.

⁸ Об этом периоде, включая колоритные подробности выполнения поэтом «ответственных заданий», см.: Документы О.Э. Мандельштама в архиве Наркомпроса: Возвращение к теме / Публ. Н.В. Котрелева // *Окно из Европы: к 80-летию Жоржа Нива* / Сост. А.Е. Парнис, Г.В. Нефедьев, В.Л. Скуратовский. М., 2017. С. 658–693; особ. см. с. 692 с воспоминаниями С.Г. Вышеславцевой.

⁹ Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. / Сост. А.Г. Мец. М., 2009–2011. Т. 2. С. 44. Далее ссылки на это издание даются непосредственно в тексте: римские цифры указывают на номер тома, арабские — на номер страницы.

в 1918 г., что государство станет культурным»¹⁰. Эти надежды стояли и за высказанным в «Слове и культуре» тезисом о том, что «намечается и органический тип новых взаимоотношений, связывающий государство с культурой, наподобие того, как удельные князья были связаны с монастырями. Князья держали монастыри для совета» (II: 51)¹¹. Функция поэта мыслится как «экспертная», гуманизирующая «грядущую социальную архитектуру». Непременной социальной и идеологической рамкой остается при этом принятие нового государственного устройства — советской власти. Последнее, по справедливому замечанию Е.А. Тоддеса, в свою очередь требовало «принять современность и литературный быт»¹². «По возвращении в Советскую Россию [из Крыма в 1920 году] я вступаю <sic> в советскую действительность первоначально через литературный быт, а впоследствии непосредственной работой: редакционно-издательской и собственно-литературной», — показывал Мандельштам в ОГПУ 25 мая 1934 года¹³.

¹⁰ Тоддес Е.А. Поэтическая идеология // Тоддес. С. 353.

¹¹ Именно эти строки вызвали отдельный полемический выпад Цветаевой в посвященной «Шуму времени» статье «Мой ответ Осипу Мандельштаму» (1926): «Если бы Вы были мужем, а не „...“, Мандельштам, Вы бы не лепетали тогда в 18 г. об „удельно-княжеском периоде“ и новом Кремле, Вы бы взяли винтовку и пошли сражаться» (Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост. А. Саакянц и Л. Мнухина. М., 1994. Т. 5. С. 310; пропуск в рукописи). К этому же времени относится свидетельство Эренбурга: «Мандельштам, изведав прелесть службы в каком-то комиссариате, гордо возглашает: как сладостно стоять ныне у государственного руля!» (Эренбург И. Стилистическая ошибка // Возрождение (Москва). 1918. 5 июня; цит. по: Эренбург И. Портреты русских поэтов / Изд. подгот. А.И. Рубашкин. СПб., 2002. С. 178); статья начинается с описания не названного по имени Мандельштама: «Недавно в одном литературном салоне некий небезызвестный поэт, безукоризненный эстет из „Аполлона“, с жаром излагал свои большевистские идеи» (Там же. С. 175). К 1967 году относится свидетельство Е.Я. Хазина о том, что «в первые годы (1920) [Мандельштам] был настроен очень революционно, что „присяга четвертому сословию“ была не случайна» (Лето 1967 года в Верее: Н.Я. Мандельштам в дневниковых записях Вадима Борисова / Публ. и подгот. текста С. Василенко, А. Карельской, Г. Суперфина // «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / Сост. П.М. Нерлер. М., 2015. С. 495). 24 января 1925 года М.А. Кузмин фиксировал в дневнике: «Мандельшт<ам> удивляется моей ярости по отношению к большевикам» (РГАЛИ, сообщено А.Б. Устиновым). В конце 1925 года «политическая» опечатка «белый Мандельштам» (вместо «белый») казалась И.Г. Эренбургу «гомерически» смешной (см. его письмо Е.Г. Полонской от 2 декабря 1925 года: Эренбург И. Дай оглянуться...: Письма 1908–1930 / Изд. подгот. Б.Я. Фрезинским. М., 2004. С. 476).

¹² Тоддес Е.А. Поэтическая идеология // Тоддес. С. 370.

¹³ Нерлер П. Указ. соч. С. 46.

Тесное соположение этих двух понятий («современности» и «литературного быта») в политическом контексте неслучайно. Одним из важнейших социокультурных последствий октябрьского переворота стало радикальное изменение традиционных основ профессиональной писательской жизни в России. «Октябрьская революция опрокинула <...> целый общественный режим, основанный на буржуазной собственности. Этот режим имел свою культуру и свою официальную литературу. Крушение режима не могло не стать — и стало — крушением дооктябрьской литературы», — писал Л.Д. Троцкий¹⁴. Монополизация государством печатного станка в 1918 году и немедленное введение политической цензуры изменили и экономические и моральные основания деятельности русского литератора. Переход к нэпу на время ослабил государственное давление, но не изменил принципиальных идеологических основ большевистской диктатуры. Фактически подводя итоги десятилетнему существованию послеоктябрьской литературы, Б.М. Эйхенбаум в статье 1927 года, остро проблематизирующей самую проблему «литературного быта»¹⁵, с чрезвычайной точностью диагностировал: «Вопрос о том, „как писать“, сменился или, по крайней мере, осложнился другим — „как быть писателем“».

Не будет преувеличением сказать, что решать этот критически важный вопрос пришлось в той или иной степени каждому из оставшихся в СССР литераторов. Мандельштам не был исключением.

В конце декабря 1930 года Н.Я. Мандельштам из санатория Академии наук СССР, устроенного в 1929 году в бывшей усадьбе В.С. Беллей¹⁶ в Старом Петергофе, обращается с большим письмом к В.М. Молотову, только что назначенному председателем Совнаркома СССР. Адресатом письма жены поэта Молотов стал, однако, в прежнем своем качестве — многолетнего секретаря ЦК ВКП(б), которому подчинялся, в частности, занимавшийся литературной жизнью Отдел агитации, пропаганды и печати ЦК, преобразованный в январе 1930 года в Отдел культуры и пропаганды (Н.Я. Мандель-

¹⁴ Троцкий Л. Литература и революция. М., 1923. С. 15.

¹⁵ Эйхенбаум Б. Литература и литературный быт // На литературном посту. 1927. № 9. В «Моем временнике» Эйхенбаума (Л., 1929. С. 49–58) текст получил название «Литературный быт». Цитируется нами по этому изданию.

¹⁶ Урожденной Вейнберг, тетки поэта Г.В. Адамовича (сестры его матери), в 1920 году эмигрировавшей во Францию (см.: Колмогоров А. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой. М., 2013. С. 331).

штам именуется его принятым сокращением «Культпроп»), заместителем заведующего которым был (с 1929 года) упоминаемый в начале письма А.Н. Гусев¹⁷.

Уважаемый тов. Молотов!

Нынешней весной вы слышали должно быть о тяжелом состоянии поэта Мандельштама. Тогда же тов. Гусев — заместитель заведующего Культпропа Ц.К. В.К.П.(б) организовал отъезд Мандельштама — в Сухум, в Дом Отдыха, а затем, по желанию Мандельштама, на юг, в Армению: врачи, консультировавшие Мандельштама, рекомендовали после отдыха стать на работу на какой-нибудь из южных окраин, по возможности, не русских, чтобы в новых условиях ликвидировать нервное заболевание, вызванное травмой (это было результатом травли, которая велась против Мандельштама).

Однако наладить работу в Армении для Мандельштама не удалось — из-за незнания армянского языка — и после нескольких месяцев отдыха нам пришлось вернуться на север. В Закавказьи Мандельштам вполне оправился от болезни, но попав на север в те же — вернее, более тяжелые бытовые условия, он, несомненно, скоро расшатает свое здоровье и все вернется к прежнему положению.

Дело в том, что почва для болезни Мандельштама подготавливалась годами и причина ее коренилась в той жизни, которую мы вели и изменить которую были не в силах.

Основная беда в том, что Мандельштам не может прокормиться чисто литературным трудом — своими стихами и прозой. Скупой и малолитный автор, он дает чрезвычайно малую продукцию. Последнюю свою прозаическую вещь, изданную в 28 году Гизом, — он писал около двух лет (1½ листа). Полное собрание Мандельштама — плод двадцатилетней работы — расцененное издательской бухгалтерией полистно и построчно, дало ему несколько лет назад 1.500 р.

Так, литературный гонорар являлся в сущности случайным, а жил Мандельштам переводами. Более ядовитой профессии для писателя,

---

¹⁷ Л.Д. Троцкий так характеризовал эту, относящуюся к концу 1920-х — 1930 году, ситуацию: «Высшее руководство художественным словом оказалось в руках Молотова, который есть живое отрицание всего творческого в человеческой природе. Помощником Молотова — час от часу не легче! — оказался Гусев, искусник в разных областях, но не в искусстве» (*Троцкий Л.* Самоубийство В. Маяковского // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 11. Май. С. 40). Функции Молотова перешли после его ухода в Совнарком к Л.М. Кагановичу, на которого легла позднее часть подготовки к объединению писателей на основе резолюции Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций».

особенно для стихотворца нельзя себе представить. В течение десяти лет изо дня в день Мандельштаму приходилось переводить, т.е. беспрерывно подлаживаться под чужие стили, истощать мозг лжеизобретательством, холостым творчеством. Переводы исключали всякую возможность личной работы. Сотни переведенных Мандельштамом листов — это каторжный труд, в течение многих лет разрушавший его нервную систему. К тому же положение переводчика в издательствах было ужасным: на переводную работу смотрели, как на нечто вроде собезного пособия для безработных интеллигентов и получить перевод было не легче, чем его сделать. Хронические безработицы постоянно выбивали из-под ног почву, не давали возможности сколько-нибудь прочно устроиться. Борьба за существование отнимала все силы и на моих глазах в течение многих лет разрушала человека.

Сейчас к переводам возврата нет — мы предпочтем любой исход прежней лямке.

После тяжелого жизненного кризиса, после перенесенной болезни, Мандельштам — пожилой и утомленный человек — очутился у разбитого корыта.

У него нет профессии, которая бы его обеспечила, нет жилья, ничего нет... То, что он умеет делать, никак не котируется на трудовой бирже. А в любом учреждении не решатся принять на работу лирического поэта, да к тому же с ярлыком правого попутчика. Если Мандельштам самостоятельно придет предлагать свои услуги — он, в лучшем случае, устроится неквалифицированным библиотекарем или техническим работником в каком-нибудь архиве и т.п. ... на 90 р. в месяц — без квартиры и при семье в три человека.

Вопрос о работе Мандельштама — это вопрос принципиальный и он должен быть разрешен раз и навсегда.

В сущности, речь идет о праве Мандельштама на жизнь: нужно или не нужно сохранить Мандельштама?

А чтобы его сохранить, нужно создать для него нормальные условия жизни — дать ему академическую спокойную работу (хотя бы исторически-архивную, которую он сам получить не может, т.к. ему отвечают — «нет нужды, нет штатов, вы не марксист, раз вы писатель так пишите, а у нас есть печи и т.д. ...»).

Второй вопрос квартирный. Все эти годы у нас не было средств, чтобы купить себе квартиру. Уезжая в Армению, мы потеряли свое жилье и остались буквально на улице. Та работа, на которой может быть использован Мандельштам, не может дать ему квартиры. Нигде, ни в одном городе нельзя получить жилплощади. Мандельштам оказался беспризорным во всесоюзном масштабе.

Но существует же какой-то жилищный фонд и нужные люди у нас не остаются на улице. Один раз нужно счесть не спеца таким человеком, а поэта, чтобы он не метался из города в город, ища пристанища. Если это невозможно в Москве, то нужно устроить Мандельштама хотя бы в одном из южных городов.

Я повторяю, что это не просто бытовые неувязки, а вопрос о праве на жизнь. Позади — долгие годы борьбы и труда; не под силу изворачиваться, искать мелких заработков, бегать по редакционным прихожим за работишкой. А именно это предстоит Мандельштаму, если не будет решительного вмешательства в его судьбу. Ему помогли оправиться от болезни, но причины, приведшие к заболеванию, не устранены... Если раз навсегда не устроить Мандельштама, то каждый год его будет загонять в тупик и роскошные санатории будут чередоваться с настоящим бродяжничеством.

Тяжелая жизнь лирического поэта, конечно, не в диковинку, но близкому человеку — жене — не под силу смотреть, как разрушается жизнеспособный человек, в самом разгаре творческих сил.

Но я надеюсь, что это письмо не останется без ответа.

Надежда Мандельштам¹⁸

<...>

Центральный тезис этого письма, ярко резюмирующего социальное положение Мандельштама к 1931 году, заключен в словах: «В сущности, речь идет о праве Мандельштама на жизнь: нужно или не нужно сохранить Мандельштама?» Эти же слова (неслучайно, но, разумеется, помимо авторской воли) напрямую отсылают нас к трем центральным текстам, документирующим кризис старой модели литературного быта и утверждение его новых, по большей части уродливых, пореволюционных форм. Речь идет об «Апокалипсисе нашего времени» В.В. Розанова и предисловии к «эпопее» «Я» и статье «Дневник писателя» Андрея Белого¹⁹.

¹⁸ Григорьев А., Петрова И. [Мец А.Г., Сажин В.Н.] Мандельштам на пороге тридцатых годов // *Russian Literature*. 1977. Vol. 5. № 2. P. 182–184. Одновременно: Два письма Н.Я. Мандельштам / [Публ. и коммент. А.Б. Рогинского, С.В. Дедюлина] // *Память: Исторический сборник*. М., 1976/Нью-Йорк, 1978. Вып. 1. С. 302–304.

¹⁹ Подробный разбор этих текстов в связи с проблемой литературного быта см.: Морев Г. «Нет литературы и никому она не нужна»: К истории писательского самоопределения в России, 1917–1926 // *Un Radioso Avvenire? L'impatto della Rivoluzione d'Ottobre sulle scienze umane* / A cura di E. Mari, O. Trukhanova, M. Valeri. Roma, 2019. P. 201–214.

«Устал. Не могу. 2–3 горсти муки, 2–3 горсти крупы, пять круто испеченных яиц может часто спасти *день мой*. <...> Сохрани, читатель, своего писателя, и что-то завершающее мне брезжится в последних днях моей жизни. В.Р. Сергиев Посад, Московск. губ., Красюковка Полевая ул., дом свящ. Беляева». Это, ставшее знаменитым, печатное обращение к читателю было помещено в выпуске 6–7 «Апокалипсиса нашего времени», издававшегося Розановым в Сергиевом Посаде с конца 1917 года. Фактически являющийся беспрецедентной в истории русской литературы *печатной просьбой о милостыне* текст Розанова лег в основу позднейшей традиции писательских обращений о помощи, включившей в себя имена Клюева и Мандельштама²⁰. Обращение Розанова стало первым свидетельством полного краха традиционной модели писательского выживания за счет гонорарной оплаты литературного труда. Коммерчески успешный автор²¹, Розанов, начиная выпуск «Апокалипсиса», рассчитывал на продажу издания и подписке на него получить необходимые «средства жизни»²². Однако цензурные репрессии и монополизация печатной жизни большевиками сделали этот план неосуществимым. Как и абсолютное большинство русских литераторов, Розанов оказывается лишен, по слову Блока, «*простого права писательского*»²³ — права на публикацию и оплату своих текстов, позволяющую жить литературным трудом.

Эти слова Блока были написаны им 21 ноября 1918 года в записной книжке поперек перечня дел в Театральном отделе Наркомпроса, где поэт вынужден был работать ради «средств жизни». Проблему полной социальной невостребованности литератора, который «падает под бременем работы, ему чуждой» и «месяцами не имеет возможности сосредоточиться и окончить хотя бы недописанную фразу»²⁴, будучи занят на бесконечных советских службах, поднял в текстах 1919–1921 годов Андрей Белый. «В социалистическом государстве же я, пролетарий, пока обречен на голодную смерть, если я захочу жить действительным делом своим, а не кидаться в „ко-

²⁰ Мы имеем в виду эпистолярные обращения ссыльных поэтов из Колпашева и Томска (1934–1937) и из Воронежа (1937).

²¹ В 1915–1916 годах читательский успех позволил Розанову выпустить в издательстве М.А. Суворина «Опавшие листья» («Короб 2-й») и переиздать там же «Уединенное», первоначально изданные за свой счет (см. коммент. В.Г. Сукача в изд.: *Розанов В.В. О себе и жизни своей* / Сост. В.Г. Сукача. М., 1990. С. 760).

²² Там же. С. 784.

²³ Блок А. Записные книжки. 1901–1920 / Сост. Вл. Орлова. М., 1965. С. 436.

²⁴ Белый А. Вместо предисловия // *Записки мечтателей*. 1919. № 1. С. 11.

миссии“, где я все только путаю», — писал Белый²⁵. Центральный мотив его нашумевших печатных обращений к общественности — Мандельштам в рецензии (III: 100) отметил их «апокалиптический тон» (объединяющий, добавим, Белого с Розановым) — «нужен ли он кому-нибудь, т.е. нужен ли „Петербург“, „Серебряный голубь“ и др. произведения автора»²⁶.

С этими же, впервые печатно поднятыми Розановым и Белым, темами физического сохранения писателя и необходимости писательства как функции в общественном организме связан и другой, ставший лейтмотивным в литературной среде 1920-х годов, тезис — о депрофессионализации как способе выхода из катастрофы, постигшей социальное бытование литератора в СССР. В том случае, пишет Белый, если бы он не надеялся все-таки найти возможность существовать как писатель, «автор немедленно положил бы перо и старался бы найти себе место среди чистильщиков улиц, чтобы не изнашивать свою душу суррогатами литературной деятельности»²⁷. Свое буквальное воплощение тема перемены статуса получила в произведшем на современников шокирующее впечатление скандальном жесте А.И. Тинякова, сознательно превратившегося в 1926 году из профессионального литератора в профессионального нищего²⁸. Случай Тинякова уникален²⁹. Большинство вынуждено

²⁵ Белый А. Дневник писателя. Почему я не могу культурно работать // Записки мечтателей. 1921. № 2–3. С. 127.

²⁶ Белый А. Вместо предисловия. С. 12.

²⁷ Там же.

²⁸ Подробнее см.: Морев Г. Указ. соч. С. 179–201.

²⁹ В том же 1926 году, по словам Н.А. Клюева, он, начав поэму «Деревня», «впервые в жизни вышел на улицу с протянутой рукой за милостыней» (из заявления в Правление ВССП от 20 января 1932 года: *Клюев Н. Словесное древо: проза / Сост., подгот. текста и примеч. В.П. Гарнина. СПб., 2003. С. 408*). Других подтверждений этого буквального воплощения Клюевым содержащегося в его стихотворении «Стариком, в лохмотья одетый...» (опубл. 1922) образа поэта, просящего милостыню, у нас нет. Однако, даже если принять заявление Клюева на веру и не считать его сделанным под впечатлением громкой истории Тинякова, приходится отметить, что его жест был противоположен тиняковскому: в отличие от Тинякова, демонстративно вставшего с плакатом «Подайте на хлеб писателю, впадшему в нищету» на Литейном проспекте у входа в одно из крупнейших ленинградских издательств, Клюев старался «не попадаться на глаза своим бесчисленным знакомым писателям <...> на задворках Ситного рынка» (Там же). Имеется в то же время свидетельство Б.А. Филиппова (1943) о том, что Клюев показал ему «на одного из нищих <...> и сказал: „Замечательный поэт... Но не может „приспособиться“ и жить литературой“» (Николай Клюев: Воспоминания современников / Сост. П.Е. Поберезкина. М., 2010. С. 305; по всей видимости, речь идет о Тинякове). По воспоминаниям И.М. Гронского, в 1932 году он узнал о том, что Клюев просит милостыню на паперти одной из московских церквей, указывая, что он «русский поэт» (*Гронский И.М. О крестьянских писателях / Публ. М. Никё // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1990.*

было довольствоваться как раз «суррогатами литературной деятельности». Одним из таких суррогатов стало в 1920-х обслуживание издательской машины по выпуску переводной литературы, имевшей рыночный спрос, названное в приведенном письме Н.Я. Мандельштам «холостым творчеством».

Как видим, письмо Н.Я. Мандельштам к Молотову аккумулирует эти, жизненно насущные для литературного быта 1920-х годов темы. Все они, разумеется, напрямую влияли и на построение мандельштамовского биографического текста. К 1930 году найденный им в начале десятилетия ответ на вопрос «как быть писателем» перестал выглядеть удовлетворительным.

4

Что я делаю? — писал Мандельштам отцу в конце ноября 1923 года. — Работаю для денег. Кризис тяжелый. Гораздо хуже, чем в прошлом году. Но я уже выровнялся. Опять пошли переводы, статьи и пр. «Литература» мне омерзительна. Мечтаю бросить эту гадость. Последнюю работу для себя я сделал летом. В прошлом году работал для себя еще много. В этом — ни-ни... (III: 386).

Судя по опубликованным к сегодняшнему дню документальным материалам, переводы, внутреннее рецензирование и газетно-журнальные статьи составляли основной и более-менее стабильный источник доходов Мандельштама на протяжении 1920-х годов — в отличие от крупных, но разовых гонораров за публикацию оригинальных стихотворений и прозы³⁰. Письма поэта полны упоминаний

Вып. 8. С. 148). Достоверно известно, что летом 1935 года в Томске Ключев просил «милостыню на кусок хлеба опальному поэту» (Николай Ключев: Воспоминания современников. С. 620). Нет, кажется, и оснований не верить словам из письма поэта Л.Э. Кравченко от 20 января 1935 года: «Я знаю, Вы, как никто, почувствуете мои кровавые слезы, когда я, мокрый от волнения, со страшно бьющимся сердцем, дожив до седин, в первый раз в жизни протянул руку за милостыней...» (Наследие комет: Неизвестное о Николае Ключеве и Анатолии Яре / [Сост.] Т. Кравченко, А. Михайлов. М.; Томск, 2006. С. 189).

³⁰ См., например, об оценке «по высшей квалификационной ставке — 25 коп. золотом за стихотворную строку» стихов Мандельштама в Госиздате: Динерштейн Е.А. А.К. Воронский: В поисках живой воды. М., 2001. С. 96. С выгодными гонорарными условиями публикации связано настойчивое стремление Мандельштама публиковаться «не где-нибудь, а в Госиздате — главном советском издательстве, претендовавшем на роль абсолютного монополиста в издательском деле», поддержанное в августе 1927 года Н.И. Бухариным (*Га-*

о бесконечных редакционно-издательских перипетиях, касающихся переводов; они тяготят Мандельштама, но связаны с необходимым заработком. Мандельштам пользуется поддержкой высокопоставленных советских издательских работников — Ф.М. Конара, М.Б. Вольфсона, В.И. Нарбута³¹, входит в тесную кооперацию с Бенедиктом Лившицем, организовавшим в Ленинграде то, что М.А. Кузмин назовет «фабрикой переводов»³², — фактически конвейер по литературной обработке и переизданию старых переводов зарубежной литературы. К 1928 году такой — пусть и вынужденный — способ существования в литературе приобрел для Мандельштама известную инерцию. Все изменил выход в сентябре 1928 года в издательстве «Земля и фабрика» книги Шарля де Костера «Тиль Уленшпигель», в основу которой были положены два изданных прежде русских перевода — В.Н. Карякина (1916) и А.Г. Горнфельда (1919) — отредактированные Мандельштамом. По ошибке издательства на титульном листе значилось «Перевод с французского О. Мандельштама».

Разразившийся вслед за этим скандал принято именовать «травлей Мандельштама» (именно его имеет в виду Н.Я. Мандельштам, когда упоминает в письме Молотову «травлю, которая велась против Мандельштама»). Однако, если на заключительном этапе этой истории действия оппонентов Мандельштама — в результате его встречных ходов — действительно приобрели внелитературный характер, то причины возникновения этого конфликтного сюжета и выхода его в публичное пространство лежат совсем в иной плоскости.

Инициировавший публичное разбирательство вокруг казуса с «переводом» «Тили Уленшпигеля» А.Г. Горнфельд оказался увековечен в истории русской литературы как герой «Четвертой прозы» Мандельштама, ставшей своеобразным художественным итогом противостояния поэта и его критиков. На чрезвычайную пристрастность портрета Горнфельда, данного Мандельштамом, уже указывали

лушкин А. Из разысканий об О.Э. Мандельштаме. 3: К истории издания книги «Стихотворения» (1928) // «Сохрани мою речь...». М., 2008. Вып. 4/1. С. 177–180.

³¹ Некоторый фактический материал (который должен быть отделен от сумасбродных концепций автора) собран в статье: Кацис Л.Ф. Проблема выявления политической реальности в документах О.Э. и Н.Я. Мандельштамов о М.Б. Вольфсоне, В.И. Нарбуте, Н.И. Бухарине // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 310–341. Отметим, что приписывание автором М.Б. Вольфсона к «руководителям советской политической цензуры» не имеет никаких подтверждений.

³² Дневниковая запись 14 февраля 1929 года (цит. по: *Летопись*. С. 343). «19 книг за 6 лет, не считая редактур», — указывает М.Л. Гаспаров, говоря о переводческой деятельности Мандельштама в 1924–1930 годах (*Гаспаров М. О русской поэзии: Анализы. Интерпретации. Характеристики*. СПб., 2001. С. 235).

исследователи³³, однако мотивы, которыми руководствовался Горнфельд в своем критическом выступлении и которые, с нашей точки зрения, имеют прямое отношение к выбору и конфликту моделей литературного поведения после революции, не рассматривались или, с нашей точки зрения, искажались³⁴.

Мишенью Горнфельда, опубликовавшего 28 ноября 1928 года в вечернем выпуске ленинградской «Красной газеты» «письмо в редакцию», озаглавленное «Переводческая страпня», был не столько персонально Мандельштам, сколько обычаи советских издательств «бросать на рынок старые переводы классиков в совершенно неподходящем виде»³⁵. Горнфельд, понесший материальные убытки в связи с публикацией фактически украденного у него издательством перевода, стремился, как он сам многократно подчеркивает в переписке по поводу «дела Уленшпигеля», не к судебной тяжбе с Мандельштамом и к возмещению убытков, но к вынесению проблемы на суд «общественности». Для него это был «процесс совсем не денежный, а принципиальный»³⁶. «Что касается моих претензий к О. Мандельштаму, то в этом отношении я добивался только гласности и суда общественного мнения и потому совершенно удовлетворен той оглаской, которую получило дело», — пишет Горнфельд правлению Всероссийского союза писателей 10 января 1929 года³⁷. Свою миссию Горнфельд (с начала 1920-х годов вовлеченный в обреченные попытки противостояния стремлению новой власти «морально разложить и исподволь полонить писателя»³⁸ и лично весьма щепетильный в вопросах социальной этики³⁹) видит в публичном

³³ См., например: *Эткинд Е.* О рыцарях со страхом и упреком // *Литературная газета.* 1992. 13 мая. С. 6; *Гаспаров Б.М.* «Извиняюсь» // *Культура русского модернизма: В приношение В.Ф. Маркову / Под ред. Р. Вроона, Дж. Мальмстада.* М., 1993. С. 115; *Тименчик Р.* Заметки на полях именных указателей [XVI] // *Новое литературное обозрение.* 1998. № 31. С. 272.

³⁴ См., например, предисловие П.М. Нерлера к собранной им ценной подборке документов «дела Уленшпигеля» (Знамя. 2014. № 2. С. 126–141).

³⁵ Цит. по: *Нерлер П.* Битва под Уленшпигелем // *Знамя.* 2014. № 2. С. 146.

³⁶ Там же. С. 153.

³⁷ Там же. С. 152.

³⁸ Из письма И.Г. Лежнева Горнфельду, 14 декабря 1922 года; цит. по: *Морев Г.А.* К истории независимой печати 1920-х годов // *Тыняновский сборник: Девятыне Тыняновские чтения. Исследования.* Материалы. М., 2002. С. 514.

³⁹ В 1923 году, после публикации в журнале «Россия», чьим обозревателем Горнфельд являлся, статьи В.Г. Тана, содержавшей оскорбительные выпады против деятелей белой эмиграции, Горнфельд прекратил сотрудничество с журналом (см.: Там же. С. 513). В 1926 году советский журналист иронически именовал Горнфельда «потерявшим корень в слове ЦИК» (имея в виду анализ Горнфельдом этой аббревиатуры в книге «Новые словечки и старые слова» [Пг., 1922. С. 15]; *Жизнь искусства.* 1926. 1 июня. № 22. С. 11). В целом трудно

вынесении *моральной* оценки советским литературным практикам и тем авторам, которые — осознавая, как Мандельштам, порочность этих практик — тем не менее принимают в них деятельное участие.

Сложившаяся в СССР литературная система, полагает Горнфельд, провоцирует писателей на безответственность — авторскую и/или поведенческую. Так, осуждая неосновательные, с его точки зрения, выводы очередной статьи Виктора Шкловского, Горнфельд пишет одному из своих корреспондентов: «<...> он [Шкловский] хочет иметь право на эту бесшабашность, как Мандельштам хочет иметь право на кражу. И из-за этого эти не плохие ведь и ценные люди стали мне врагами. Очень грустно»⁴⁰. Таким образом, прежнее эстетическое расхождение Горнфельда — «традиционно мыслящего, позитивистски настроенного интеллигента, которому „совершенно чужда“ вся культура модернизма»⁴¹ — и с Мандельштамом и со Шкловским осложняется столь же глубоким расхождением этическим, напрямую связанным с непроговариваемым вслух по цензурным условиям отношением к советской власти. Как, по точному замечанию Б.М. Гаспарова, в вопросах поэтики Горнфельд «не делает никакого различия между старшими и младшими символистами, между футуристами и акмеистами: для него все они — представители „декадентской“ глоссолалии»⁴², так и в вопросах этики (связанной с политикой) Горнфельд не отличает Мандельштама от, скажем, Маяковского⁴³ — для него все они адепты нового пореволюционного литературного устройства, противопоставившие себя традиционным моральным устоям русской литературы, хранителем которых он себя ощущает. В установках, с которыми Горнфельд подходит к «делу о переводах», отчетливо читается стремление вернуться к органичной для дореволюционной либеральной общественности

согласиться с замечанием Е.А. Тоддеса о том, что Горнфельд «по видимости легко вошел в „новый мир“ и получил его признание» (*Тоддес Е.А.* Мандельштам и опоязовская филология // *Тоддес*. С. 412).

⁴⁰ Из письма А.Б. Дерману, 4 февраля 1929 года (*Знамя*. 2014. № 2. С. 153). Об имевшей место в 1922–1924 годах печатной полемике Горнфельда и Шкловского см. комментарии А.Ю. Галушкина в изд.: *Шкловский В.* Гамбургский счет: Статьи. Воспоминания. Эссе (1914–1933) / Сост. А.Ю. Галушкина, А.П. Чудакова. М., 1990. С. 526.

⁴¹ *Гаспаров Б.М.* Указ. соч. С. 114.

⁴² Там же.

⁴³ Узнав о выступлении Маяковского против Мандельштама на Конфликтной комиссии Федерации писателей, Горнфельд пишет Р.М. Шейниной 27 мая 1929 года: «Из членов Комиссии особенно ругал Мандельштама Маяковский — едва ли по принципиальным, верно по личным мотивам» (*Знамя*. 2014. № 3. С. 144).

и, наоборот, экзотической для советской действительности конца 1920-х годов практике «публичных жестов»: так, демонстративно отказываясь — несмотря на скромное материальное положение и инвалидность — от получения денежной компенсации от издательства за несанкционированное использование его перевода, Горнфельд предлагает перевести эти деньги в Литературный фонд⁴⁴ — восстановленную в 1927 году организацию писательской взаимопомощи, наследующую (по мере предоставлявшейся большевиками возможности) закрытому в 1918 году прежнему Литературному фонду — Обществу для пособия нуждающимся литераторам и ученым, с которым Горнфельд в свое время сотрудничал.

Именно эту «старорежимность» Горнфельда в полемических целях педалирует Мандельштам в своем ответе ему, опубликованном 12 декабря 1928 года в «Вечерней Москве»: он подчеркивает чуждость Горнфельду советского «производственного языка», к которому сам демонстративно прибегает в своем «Письме в редакцию», противопоставляет себя олицетворяемому Горнфельдом типу традиционного переводчика («книжника-фарисея») как работника, призванного решать актуальную «культурную задачу» по «перевоплощению» для «молодежи» старых «культурных ценностей», именует Горнфельда «почтенным критиком-рецензентом» (то есть еще раз подчеркивает его дореволюционный стаж) и, наконец, прямо квалифицирует критическое выступление Горнфельда как «черный „литературный скандал“ в духе мелкотравчатых „понедельничных“ газет доброго старого времени».

С этим же противопоставлением по линии принадлежности к «старой» и «новой» литературе связан центральный тезис мандельштамовского ответа — об «извращении всего моего писательского облика» и «пренебрежении» к двадцатилетнему «самостоятельному труду» поэта.

Еще до выхода скандала с переводом «Уленшпигеля» на печатную поверхность, на стадии кулуарных переговоров Мандельштама с Горнфельдом, последний сообщал об их ходе своему confidentу А.Б. Дерману, передавая суть объяснений Мандельштама: «А во всем виноват Горн<фельд>. Да, — он принадлежит к „старым“, которые меня не признали. Если бы своевременно он понял и выяснил, кто такой Мандельштам, мне не пришлось бы прибегать для пропитания к таким способам»⁴⁵. Это важнейшее — пусть и в передаче оппонен-

⁴⁴ В письме правлению ВСП, 10 января 1929 года (Там же. № 2. С. 152).

⁴⁵ Из письма Горнфельда Дерману от 20 октября 1928 года (Там же. С. 142).

та — свидетельство указывает на тесную связь в сознании Мандельштама, с одной стороны, того способа «быть писателем», который он вынужденно выбрал в 1920-е годы, и, с другой, неудовлетворенности своим социальным и литературным статусом в целом. Высокая самооценка поэта, которую он не считал нужным скрывать (отчасти в полемических целях⁴⁶), не находила понимания у большинства современников, особенно «старших»: «<...> в Лицее живет (заходил возобновить знакомство) Мандельштам, по-прежнему считающий себя первым поэтом современности», — иронически сообщал, например, Иванов-Разумник Андрею Белому в ноябре 1926 года⁴⁷. Своего рода кульминацией в биографии Мандельштама этой темы «недооценки» современниками станет весной 1934 года прямо высказанное ему суждение принадлежавшего к одной с Горнфельдом и Ивановым-Разумником культурной генерации В.Д. Бонч-Бруевича:

Я сказал Вам, что оцениваю Вас совсем не тем масштабом, который Вы к себе прилагаете. Это мое право как Вашего усердного читателя, и думаю, что с этой моей оценкой согласны большинство Ваших читателей, что мне неоднократно приходилось выяснять в беседе с Вашими читателями и с товарищами по экспертной комиссии [Литературного музея]. Конечно, Вы можете не соглашаться с моей оценкой Вас, но думаю, что переоценка себя свойственна многим писателям нашего времени, и в частности поэтам. Мы все Вас любим и уважаем, но никак не можем ставить Вас на одну доску с классиками нашей поэзии (III: 827)⁴⁸.

⁴⁶ С.Б. Рудаков позднее (в связи с одним из эпизодов «саморекламы» Мандельштама в Воронеже) охарактеризовал этот комплекс как «манию величия, как следствие жизненной заганности при фактически первоклассных литературных данных» (Рудаков. С. 100).

⁴⁷ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и коммент. А.В. Лаврова, Дж. Мальмстада, подгот. текста Т.В. Лавровой, А.В. Лаврова, Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 410.

⁴⁸ Инцидент был связан с буквальной (денежной) недооценкой, по мнению Мандельштама, его архива при рассмотрении на предмет покупки Государственным литературным музеем. Заметим, что синхронные закупки бумаг из личных архивов Андрея Белого (см.: [Белый Андрей] Дневник. 1932-ой год // Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад. М., 2016. С. 971, 975; коммент. М.Л. Спивак), М.А. Кузмина (см.: Дневник Михаила Кузмина: архивная предыстория / Сообщение С.В. Шумихина // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. / Сост. и ред. Г.А. Морева. Л., 1990. С. 139–145) и А.А. Ахматовой (см.: Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой: 1889–1966 / 2-е изд., испр. и доп. М.,

Актуальность и чрезвычайная болезненность для поэта обеих этих тем (писательской самореализации и недооценки) определили эмоциональность (и, следовательно, уязвимость) его реакции на критику Горнфельда и — забегая вперед — на последующие за этим и связанные с «делом Уленшпигеля» события.

Несмотря на двадцатилетнюю работу в русской литературе и заявленную ею высокую, по слову Мандельштама, «жизненную задачу», к концу 1920-х годов его положение в литературном поле оценивалось современниками как положение «неудачника». Так, в набросках воспоминаний, создававшихся на рубеже 1930-х годов, бывший учитель Мандельштама в Тенишевском училище В.В. Гиппиус писал: «Основа моей когда его знал характеристики: литературный неудачник — ergo — завистник — или надутый собственник, прикрывающийся важностью»⁴⁹. Эта квалификация, идущая с 1910-х годов рука об руку со снисходительно-ироническим отношением к личным качествам поэта даже в дружеском кругу⁵⁰, самим Мандельштамом не в последнюю очередь связывалась с критической недооценкой его представителями предшествующих литературных поколений — такими, как критик Горнфельд или символисты. В 1935 году, в беседе с С.Б. Рудаковым Мандельштам признавался: «<...> я Кюхельбекер — комичная сейчас, а может быть, и всегда фигура... Оценку выковывали символисты и формалисты. Моя цена в полушку и у тех, и у других»⁵¹.

2008. С. 276) не вызвали никаких взаимонепониманий между ними и Бонч-Бруевичем.

⁴⁹ Рыкунина Ю.А. Владимир Гиппиус о Мандельштаме, Ахматовой и литературных поколениях // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 333. Ср. синхронную характеристику Мандельштама как «большого неудачника» в воспоминаниях (1932) О.А. Ваксель (*Ваксель О. Воспоминания / Подгот. текста И. Ивановой, Е. Чуриловой // «Возможна ли женщине мертвой хвала?..»: Воспоминания и стихи Ольги Ваксель / Сост. А.С. Ласкина. М., 2012. С. 129).*

⁵⁰ См., например: Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О.Э. Мандельштама / Публ. Т.Л. Никольской, Р.Д. Тименчика, А.Г. Меца, под общей ред. Р.Д. Тименчика. Stanford, 1997 (= Stanford Slavic Studies. Vol. 12); Тименчик Р.Д. Заметки комментатора. 7: К иконографии Осипа Мандельштама // Литературный факт. 2018. № 10. С. 368–384.

⁵¹ Рудаков. С. 63; историко-литературные коррективы Е.А. Тоддеса к этому высказыванию Мандельштама (относительно символистов и формалистов) см.: Там же. С. 20. Особо оскорбительным было для Мандельштама соединение недооценки его как поэта с персональными претензиями внелитературного характера или намеками на них — сохранились свидетельства его чрезвычайно резкой реакции на подобные случаи: см. его письма к М.А. Волошину от 15 июля 1920 года и к С.З. Федорченко от 9 июля 1924 года (III: 376, 390); ср. запись П.Н. Лукницкого от 12 мая 1926 года (*Лукницкий П.Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. М.; Paris, 1997. Т. II: 1926–1927. С. 152*). Текст Горнфельда, использовавшего метафору «краденного пальто» (замененного в ответе Мандельштама на «шубу», отсылающую к «семейности» литературы из «Шума времени»,

«Непризнание» дореволюционным литературно-критическим истеблишментом (к которому принадлежал, в частности, Горнфельд) определило, по мысли Мандельштама, его недостаточно высокий для возможности существовать, не прибегая к литературной поденщине, статус; это, в свою очередь, поставило его в унижительную для поэта зависимость от литературно-издательской бюрократии.

Именно она, воспользовавшись выступлением Горнфельда, нанесла Мандельштаму удар, который он «не мог назвать иначе как катастрофой» (письмо в Федерацию объединений советских писателей, февраль — март 1929 года: III: 475). Этот удар разрушал вынужденную, но дававшую постоянный заработок литературную нишу, в которой Мандельштам существовал в 1920-х годах.

5

Весной 1929 года в Москве, «в комнате, снимаемой где-то в районе Белорусского вокзала», Мандельштам диктует Э.Г. Герштейн статью, при публикации озаглавленную «Потоки халтуры». «Эта статья (напечатанная в „Известиях“ 7 апреля 1929 г.) была одним из звеньев в борьбе Мандельштама с Горнфельдом, разросшейся до крупного литературного скандала», — вспоминала Герштейн⁵². С этим утверждением трудно согласиться.

Выступление Мандельштама в «Известиях» было спровоцировано не Горнфельдом, выяснение отношений с которым было для поэта завершено публикацией письма в «Вечерней Москве», но гораздо более серьезной опасностью, исходившей не от одного из реликтов старой литературы, а от влиятельного издательского чиновника — И.И. Ионова, ставшего руководителем издательства «Земля и фабрика» («ЗиФ»), которое кормило Мандельштама-переводчика на протяжении 1920-х годов.

В сентябре 1928 года председатель правления «ЗиФ» В.И. Нарбут, товарищ Мандельштама по Цеху поэтов в 1911–1914 годах, руководивший издательством с 1925 года, находился в командировке на Кельнской книжной выставке. 15 сентября из ОГПУ в ЦКК ВКП(б) поступил компрометирующий Нарбута материал — обнаруженная копия его допроса белой контрразведкой в Ростове-на-Дону в 1919 году, не оставлявшая сомнений в его антибольшевистских

в пренебрежении которой Мандельштам и упрекает Горнфельда), несомненно, вставал для поэта в этот же болезненно-чувствительный ряд.

⁵² Герштейн. С. 17.

настроениях в тот период. 21 сентября, через день после возвращения из Германии, Нарбут был снят с работы и исключен из партии⁵³.

Новый председатель правления издательства И.И. Ионов работал в Петрограде в Госиздате в начале и середине 1920-х и был памятен многим из литераторов и издателей. По словам современного исследователя, «его истерический характер вошел в легенду»⁵⁴. Однако, по свидетельству А.Г. Горнфельда, Ионов «всегда относился [к нему] хорошо»⁵⁵. Прибыв для приема дел в Ленинград, Ионов расторг все договоры с Лившицем и Мандельштамом.

По сути, это означало выдачу Мандельштаму и Лившицу «волчьего билета», как сформулировал сам поэт в письме в Федерацию объединений советских писателей (ФОСП) в феврале — марте 1929 года. «После его [Ионова] декларации мне и Лившицу остается стать в очередь на Биржу Труда», — писал Мандельштам (III: 475). Призрак той самой депрофессионализации, о которой говорил Андрей Белый на рубеже 1920-х, которую так скандально реализовал Тиняков в 1926-м и которая к концу 1920-х являлась предметом тематизации в литературных кругах⁵⁶, стал для Мандельштама реальностью. И хотя усталость от переводческой лямки, фрустрация из-за ощущения своей недооцененности как поэта (наряду с поэтическим молча-

⁵³ См.: Киянская О.И., Фельдман Д.М. Словесность на допросе: Следственные дела советских писателей и журналистов 1920–1930-х годов. М., 2018. С. 72, 92, 100.

⁵⁴ Сажин В. Неистовый книгоиздатель // Распяты: Писатели — жертвы политических репрессий / Сост. З. Дичаров. СПб., 2000. Вып. 5. С. 106. Любопытное свидетельство повадок Ионова см., например, в письме С.М. Алянского Д.Е.Максимову (1970): «Я очень хорошо помню <...> мой визит к Ионову, который чуть не кончился для меня трагически. Прочтя письмо Блока, Ионов сначала спокойно, а потом распаясь все больше и больше, начал уже кричать на меня, что я восстанавливаю Блока против Госиздательства и его, что он сейчас арестует меня и, наконец, выхватив пистолет, закричал, что застрелит меня сейчас же, на месте. От неожиданности, должно быть, я не успел испугаться Ионова, а очень рассердился, схватил огромную, хрустальную чернильницу с его стола и с силой бросил ее на большое стекло, лежавшее на его столе. Грохот и осколки стекла с брызгами чернил и мой неистовый крик [о том, что он сошел с ума] сразу отрезвили Ионова. Он выронил пистолет и, как мешок с картофелем, рухнул на свое кресло и, с изумлением вытаращив на меня глаза, спросил: „Что вы разволновались?“» (Федотова С.В. «Мошенником меня еще никто не считал...»: письма С.М. Алянского к Л.Д. Блок (1922–1924) // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 123).

⁵⁵ Из письма Горнфельда А.Б. Дерману 20 января 1929 года (Знамя. 2014. № 2. С. 153).

⁵⁶ Ср., например, в письме М.М. Зощенко М.Л. Слонимскому от 12 сентября 1929 года в связи с нападками критики: «Если на меня будут слишком орать — сложу оружие. Напишу в газету письмо, что временно оставляю литературные занятия. <...> Наплюю на все. Но в случае чего кину литературу или, например, встану рядом с Тиняковым» (Вахитова Т.М. «Русский денди» в эпоху социализма: Валентин Стенич // Русская литература. 1998. № 4. С. 168–169).

нием с 1926 года) и ранее приводили Мандельштама к мысли о том, чтобы «иметь другую, не литературную специальность»⁵⁷, действия Ионова были восприняты им как оскорбительное «самодурство»⁵⁸, которое нуждалось в решительном отпоре. К тому же пауза в гонорарных отчислениях грозила материальной катастрофой⁵⁹. Ответом Мандельштама Ионову стали «Потоки халтуры».

Парадоксальным образом публикация этого газетного текста, вызванная для поэта необходимостью защитить свою профессиональную нишу и отстаивать право на литературный заработок, оказалась наивысшей точкой социального признания Мандельштама при его жизни. На рубеже 1930-х выход публицистического «подвала» (с анонсом на первой полосе) во второй по значению в СССР газете, редко обращавшейся в эти годы к литературной проблематике, был беспрецедентным случаем для писателя «с ярлыком правого попутчика» (по слову Н.Я. Мандельштам из письма Молотову). Достаточно сказать, что несколькими номерами ранее аналогичные место и объем были отданы в «Известиях» очерку Максима Горького «По Союзу Советов» (Известия. 1929. 4 апреля. С. 2). Это был серьезный удар — статью прочитали «все» (в том числе и помянутый Горький⁶⁰).

Путь, которым текст Мандельштама шел в «Известия», документально не установлен. После смерти осенью 1928 года И.И. Скворцова-Степанова исполняющим обязанности главного редактора газеты был И.М. Гронский. По его позднейшим воспоминаниям, он встречался с Мандельштамом «не часто»⁶¹, однако называл его среди тех, кто «мог заглянуть в кабинет редактора „Известий“ в любую минуту»⁶². Можно думать, что Мандельштам адресовался со ста-

⁵⁷ Запись в дневнике П.Н. Лукницкого от 17 августа 1928 года о разговоре с Мандельштамом: *Лукницкий П.Н. Дневник 1928 года: Асимiana. 1928–1929 / Публ. и коммент. Т.М. Двинятиной // Лица: Биографический альманах. СПб., 2002. Вып. 9. С. 435. Ср. ироническое отражение этих же настроений в письме Д.С. Усова Е.Я. Архиппову от 19 июня 1926 года: «В Петербурге видел еще: <...> О. Мандельштама (который больше совсем не пишет, а только переводит разные случайные книги и мечтает открыть ларек)» (Усов Д. «Мы сведены почти на нет...» / Сост., вступ. статья, подгот. текста, коммент. Т.Ф. Нешумовой. М., 2011. Т. 2: Письма. С. 390–391).*

⁵⁸ «Самодуром» Ионов назван в письме Мандельштама отцу от середины февраля 1929 года (III: 473).

⁵⁹ «Мы сидим без гроша», — писал Мандельштам М.А. Зенкевичу в начале января 1929 года (III: 466).

⁶⁰ См. его письмо А.Б. Халатову от 27 апреля 1929 года: *Знамя. 2014. № 2. С. 162.*

⁶¹ Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Сост. О.С. Фигурновой, М.В. Фигурнова. М., 2002. С. 192.

⁶² *Гронский И.М. Из прошлого... Воспоминания / Сост. С.И. Гронская. М., 1991. С. 160.*

тьей напрямую к Гронскому, но, скорее, надо предполагать участие неизвестных нам посредников — самой очевидной кандидатурой является сохранивший с Мандельштамом с 1910-х годов дружеские отношения С.М. Городецкий, заведовавший в «Известиях» литературным отделом⁶³. В любом случае, как следует из письма Мандельштама отцу от середины февраля 1929 года, задумав статью, он был «глубоко спокоен, уверен в себе как никогда»: «Мне обеспечена поддержка лучшей части советской литературы и печати. Я это знаю. Я первый поднимаю вопрос о безобразиях в переводном деле — вопрос громадной общественной важности, — и поверь, я хорошо вооружен» (III: 474).

Вопреки утверждениям о том, что защита Мандельштама сопровождалась подчеркиванием им «своего отщепенства, своей несовместимости с большинством окружающих людей»⁶⁴, мы видим, что поэт, наоборот, решительно утверждает свою принадлежность к советской общественности и право говорить от ее лица. Это в полной мере проявилось и на стилистическом уровне «Потоков халтуры», апеллирующих к понятиям актуального политического дискурса — «чистке», «ревизии», «ломке» и «идеологической выверенности», проникнутых пафосом огосударствления переводческого дела в противовес «предприимчивым кустарям» (то есть частным издателям, и так стремительно уничтожаемым в процессе свертывания нэпа)⁶⁵.

⁶³ Известно, что позднее, 30 мая 1932 года, он рекомендовал Гронскому стихи Мандельштама для «Нового мира» (*Мец А.Г., Видгоф Л.М., Лубяникова Е.И., Субботин С.И.* Дополнения к Летописи жизни и творчества О.Э. Мандельштама // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 359).

⁶⁴ *Лекманов О.* Осип Мандельштам. М., 2004. С. 123.

⁶⁵ Об органичности этих настроений для Мандельштама свидетельствует характерная реплика поэта, сказанная через полгода молодому журналисту, принесшему в редакцию очерк: «Что это такое?! Опять о кустарях <...>?! Поймите же: вся страна живет магнитостроями, строительством гигантов» (*Глухов-Щурицкий А.И.* О.Э. Мандельштам и молодежь // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж, 1990. С. 25–26). Этот неприкрыто «классовый» подход в статье Мандельштама встретил непонимание и осуждение Пастернака в письме к Цветаевой от 30 мая 1929 года: «Он напечатал в „Известиях“ фельетон <...> показавшийся мне глубоко антипатичным. Он там назвал изъясном дела то, что переводы поручаются (как бы сказать покороче) тем, кому бы я их только и поручал, т.е. людям нуждающимся, знающим языки, а не литераторам-специалистам» (*Пастернак Б.* Полное собрание сочинений: В 11 т. М., 2005. Т. VIII: Письма 1927–1934 / Сост. Е.В. Пастернак, М.А. Рашковской. С. 329–330). В статье Мандельштама уничижительно упоминались «деклассированные безработные интеллигенты, знающие иностранные языки» (ср. характеристику «переводной работы» как «нечто вроде собезного пособия для безработных интеллигентов» в письме Н.Я. Мандельштам Молотову). Ср. замечание Г.М. Фрейдина: «[В своей статье] Мандельштам использовал многое

Идентифицируя себя с «горсточкой мастеров и специалистов, сумевших удержаться на этом [переводческом] злосчастном фронте», Мандельштам обрушивается фактически на всю советскую издательскую практику (ГИЗ, «ЗиФ» и «Молодая гвардия»), требуя «коренной перестройки этого дела». Одновременно в статье реабилитируется практика «обработки» переводов, в которой упрекал Мандельштама Горнфельд, и дается высокая оценка опыту идеологического «внутреннего рецензирования», которым сам Мандельштам был занят во второй половине 1920-х (см.: III: 646)⁶⁶.

В целом статья Мандельштама представляет собой заявку на создание бюджетлируемой государством институции, призванной в противовес нынешней бездумно «рыночной» стратегии выпуска переводов выработать новую — с повышением качества продукции и одновременно ее идеологической выдержанности. Участие «мастеров переводов» (к которым Мандельштам относит себя) в достойно оплачиваемой работе такой институции подразумевалось. Таким образом, потеряв в результате действий Ионова прежнюю, ущербную, литературно-бытовую нишу, Мандельштам решает, подняв действительно актуальную проблему качества переводов, обустроить новую, во всех отношениях достойную своей квалификации.

Разумеется, столь резкий выпад, затрагивающий не столько идеологические, сколько *материальные* интересы крупнейших советских издательств, не мог не встретить столь же решительного противодействия с их стороны. Его первым осторожным свидетельством стало опубликованное в «Известиях» 19 апреля письмо заведующего литературно-художественным отделом Госиздата Г.Б. Сандомирского, отводящее критику Мандельштама от планируемого Собрания сочинений Гете. Однако организатором и центром кампании против Мандельштама становится «Литературная газета».

На той же полосе «Известий» от 7 апреля 1929 года, где была опубликована статья Мандельштама, вышла заметка под заголовком «Литературная газета», подписанная С. Канатчиковым. В ней извещалось о начале выпуска «с конца апреля» еженедельной газеты ФОСП. Решение об издании «Литературной газеты» было принято

из арсенала современной ему людоедской риторики» (*Freidin G. A Coat of Many Colors: Osip Mandelstam and His Mythologies of Self-Presentation. Berkeley; Los Angeles; London, 1987. P. 223*).

⁶⁶ Ср. также упоминание о «цензующем там [в Ленгосиздате] французские книги» Мандельштаме в письме В.Л. Войтинской к Н.С. Войтинской от лета 1925 года: *Летопись*. С. 287.

Политбюро ЦК ВКП(б) 26 июля 1928 года⁶⁷; 2 ноября ее главным редактором был утвержден подписавший заметку в «Известиях» старый большевик, бывший заведующий отделом печати ЦК ВКП(б), представитель РАППа в ФОСП и редактор «Красной нови» С.И. Канатчиков⁶⁸. Именно он и стал инициатором выступления газеты против Мандельштама. В качестве автора антимандельштамовского материала был привлечен опытный журналист, начинавший еще в дореволюционной печати, с февраля 1928 года сотрудник более ортодоксальной, нежели «Известия», «Правды» Д.И. Заславский⁶⁹.

Поднимая вопрос о качестве перевода в самой общей плоскости и отстаивая практику «обработки» перевода, Мандельштам, судя по всему, надеялся, что это позволит вывести за скобки дискуссии инцидент с «Тилем Уленшпигелем». Очевидная неосновательность этих надежд отсылает нас к истории с публикацией 3 июля 1926 года в «Красной газете» первой статьи Мандельштама о проблемах перевода — «Жак родился и умер», основной пафос которой совпадает с пафосом «Потоков халтуры» (за исключением практических предложений и выводов)⁷⁰. П.Н. Лукницкий засвидетельствовал реакцию прочитавшей статью Ахматовой:

АА говорит, что не может понять в Осипе одной характерной черты: статья по благородству превосходна. Но в ней Осип Мандельштам восстает, прежде всего, на самого же себя, на то, что он сам делал и больше всех. <...> Трудно будет его биографу разобраться во всем этом, если он не будет знать этого его свойства — с чистейшим благородством восставать на то, чем он сам занимался, или что было его идей⁷¹.

⁶⁷ Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 1999. С. 84.

⁶⁸ Огрызко В. «Я бы выдвинул на место Ленина Канатчикова...»: Жизнь и судьба первого главреда советской «ЛГ» // Литературная газета. 2019. 4 сентября. С. 18. Сообщение о том, что Канатчиков «занимал ранее пост заведующего Литературно-художественным отделом ГИЗ'а» (Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. Киев, 2000. С. 306), ошибочно.

⁶⁹ Уже в 1930 году он был назван Троцким «столпом сталинизма» (Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 11. Май. С. 40).

⁷⁰ В июне 1927 года статья Мандельштама была — без ссылок на первую публикацию — перепечатана в московском журнале «Журналист» (№ 6. С. 30–31), к которому были близки В.И. Нарбут и М.Б. Вольфсон, в рамках критического блока «О переводной литературе», пафос которого выражен в заголовке (соседней с мандельштамовской) заметки В. Берлинера — «Пора покончить с халтурой!» (Там же. С. 31).

⁷¹ Лукницкий П.Н. Acumiana. Т. II. С. 209 (запись от 8 июля 1926 года).

Проницательно указанной Ахматовой особенностью Мандельштама Заславский и воспользовался.

6

Через месяц после появления «Потоков халтуры», 7 мая 1929 года, на первой полосе только что начавшей выходить «Литературной газеты» была опубликована статья Заславского «О скромном плагиате и развязной халтуре». Эффектно скроенный фельетонный текст, используя доводы статьи Горнфельда в «Красной газете», фактически переадресовывал Мандельштаму все те обвинения в переводческой халтуре, которые сам поэт обращал к советским издательствам. Публикация Заславского умело (и предсказуемо) переводила вопрос из общей плоскости положения переводческого процесса в СССР к крайне невыгодному для Мандельштама обсуждению его конкретного случая. Из сильной, подкрепленной статусом «Известий», позиции он оказался в заведомо невыигрышном положении защищающегося. Все попытки поэта воспрепятствовать «инсценировке „дела Мандельштама“» (III: 803) успеха не принесли, а мобилизация в его защиту дружественных писательских имен только усилила скандал, подключив к нему, судя по всему⁷², уже не только литературные, но и партийные органы. Печатная, судебная и кулуарная тяжба Мандельштама с Заславским, «Литературной газетой», «ЗиФ» и ФОСП длилась без малого год. В поисках союзников в борьбе с Канатчиковым и его влиянием в ФОСП Мандельштам идет на неожиданный, казалось бы, ситуативный альянс с самой ортодоксальной частью советского литературного спектра — Российской ассоциацией пролетарских писателей (РАПП).

На присутствие фамилии главы РАППа Леопольда Авербаха среди подписавших письмо в защиту Мандельштама от Заславского и «Литературной газеты», опубликованное в «ЛГ» 13 мая 1929 года, справедливо обратил внимание в своей книге о Мандельштаме Г.М. Фрейдин⁷³. Однако интерпретация им этого факта как части «борьбы за руководство в сфере идеологии и культуры», грешит генерализацией (а установление связи «скорого падения Авербаха» с защитой им Мандельштама безосновательно). Имевшее самые существенные для Мандельштама последствия обращение за помо-

⁷² См. письмо Д.И. Заславского А.Г. Горнфельду от 27 мая 1929 года (Знамя. 2014. № 3. С. 143).

⁷³ Freidin G. Op. cit. P. 280.

щью к находящемуся в зените своего могущества Авербаху (в февральском письме 1930 года в ЦКК ВКП(б) Мандельштам упоминает о «моих с ним переговорах в апреле 1929 г.» [III: 596]) находит свое объяснение в конкретных событиях тогдашней литературно-политической жизни.

В конце октября 1928 года между Канатчиковым, представлявшим РАПП в ФОСП, и Авербахом произошел серьезный идеологический и личный конфликт, кончившийся заменой Канатчикова в ФОСП другим представителем РАППа⁷⁴. Именно после удаления из РАППа дружественные Канатчикову функционеры из Агитпропа ЦК выдвинули его на должность главного редактора «Литгазеты»⁷⁵. Поняв, что в истории вокруг «дела о переводах» Мандельштам выступает противником Канатчикова (а заодно и Ионова, которого рапповская критика именovala вкупе с Троцким «капитулянтом»⁷⁶), Авербах становится на его сторону.

В этот период РАПП претендует на то, чтобы стать объединяющей всех стоящих на советской платформе писателей институцией⁷⁷, максимально привлекая «попутчиков», отделяемых от немногочисленных «буржуазных писателей» (символами последних выступают Замятин и Булгаков). В рамках идеологии «массового попутничества»⁷⁸ Авербах воспринимает Мандельштама как попутчика, находящегося «на пути интеграции в советское общество»⁷⁹ в тот момент, когда, по его словам, «пролетписатели должны еще теснее сблизиться с подлинно советскими интеллигентскими писателями»⁸⁰. (Характерно, что в общеполитическом плане партийные круги, к которым

⁷⁴ См.: *Шежуков С.И.* Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х годов [3-е изд.] М., 2013. С. 201–202; *Огрызко В.* Указ. соч. С. 18.

⁷⁵ *Огрызко В.* Указ. соч. С. 18.

⁷⁶ *Ермилов В., Селивановский А., Сутырин В., Фадеев А.* Открытое письмо РАПП «Комсомольской правде» // Комсомольская правда. 1929. 3 августа. С. 3. В 1925–1926 годах в Ленинграде Ионов поддерживал находившихся в оппозиции к Авербаху сотрудников закрытого журнала «На посту» (см.: *Корниченко Н.В.* «Нэповская оттепель»: Становление института советской литературной критики. М., 2010. С. 335).

⁷⁷ См.: *Аймермахер К.* Советская литературная политика между 1917-м и 1932-м // В тисках идеологии: Антология литературно-политических документов. 1917–1927 / Сост. К. Аймермахера. М., 1992. С. 51.

⁷⁸ Заключительное слово тов. Авербаха [на 2-м пленуме правления РАПП] // Литературная газета. 1929. 30 сентября. С. 3.

⁷⁹ *Кларк К.* РАПП и институализация советского культурного поля в 1920-х — начале 1930-х годов // Соцреалистический канон / Под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб., 2000. С. 217.

⁸⁰ Из выступления Авербаха на Общем собрании членов ленинградского отдела ВСП 13 октября 1929 года. Цит. по: *Галушкин А.Ю.* Из истории литературной «коллективизации» // *Russian Studies*. 1996. Vol. II. № 2. С. 459.

в этот период принадлежал Авербах и которые к осени 1930 года оформились в так называемую группу Сырцова — Ломинадзе, также выступали против «спецеинства» — за большее доверие к старым специалистам и за более активное привлечение их к работе⁸¹. Не следует забывать и о том, что, по позднейшей характеристике Горького, возглавляемая Авербахом верхушка РАППа на рубеже 1930-х годов объединяла «наиболее грамотных и культурных из литераторов-партийцев»⁸² — и именно в этом контексте противопоставления Авербаха и его партийно-литературных оппонентов следует читать слова Георгия Адамовича о «парадоксальном положении: Авербах и его РАПП оказались защитниками писателей, последним легальным оплотом мысли и слова в России»⁸³.

Авербах не только подписывает письмо в защиту Мандельштама, но и предоставляет ему страницы своего журнала «На литературном посту» (1929. № 13) для интервью «О переводах», в котором Мандельштам в еще более радикальной, нежели в «Известиях», и органичной для рапповского издания стилистике призывает поставить «под контроль работу ГИЗа», «свернуть шею» «близорукому коммерческому подходу», избавиться от «бывших и лишних людей» среди переводчиков и, наконец, более решительно «обезвреживать» идеологическим комментарием политически не «стопроцентно» благонадежные книги. Неслучайно в тексте интервью Мандельштама присутствует «чуть ли не единственное» у него, по наблюдению О.А. Лекманова, «противопоставление газеты книге со знаком плюс»⁸⁴. Характерным образом оно оказывается связано с упоминанием «Комсомольской правды», в этот период близкой к Авербаху⁸⁵ и занятой, в частности,

⁸¹ См.: Хлевнюк О. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 70.

⁸² Из письма Горького Сталину от 24 марта 1932 года. Цит. по: Власть и художественная интеллигенция. С. 169.

⁸³ Адамович Г. «Конец Авербаха» // Последние новости. 1931. 10 декабря. С. 2. К теме «Авербах — „защитник литературы“» Адамович обращается и в статьях «Воронский» (Последние новости. 1931. 19 ноября) и «Литература в СССР» (Русские записки. 1938. № 7).

⁸⁴ Лекманов О. «Я к воробьям пойду и к репортерам...»: Поздний Мандельштам: Портрет на газетном фоне // Toronto Slavic Quarterly. 2008. № 25.

⁸⁵ «Боевым органом» партийной «группы [Л.А.] Шацкина — Авербаха — [Я.Э.] Стэна — [В.В.] Ломинадзе» названа «Комсомольская правда» в письме Сталина В.М. Молотову от 29 июля 1929 года (Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг.: Сборник документов / Сост. Л. Кошелевой и др. М., 1995. С. 135–137). «Они были все знакомы по совместной работе в начале 1920-х гг. в комсомоле», — отмечает современный исследователь (Горький и Л. Авербах: Неизвестная переписка / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. О.В. Быстровой // М. Горький: Материалы и исследования. М., 2005. Вып. 7: Горький и его корреспонденты. С. 571). В 1927 году перевод Мандельштама из Макса

последовательной критикой «Литературной газеты»⁸⁶. В разбирающей «дело Мандельштама» Конфликтной комиссии ФОСП представители РАППа и «Комсомольская правда» встают на его защиту⁸⁷.

Многomesячная тяжба вокруг «дела о переводах» обернулась для Мандельштама серьезнейшим личным кризисом. Неудовлетворенный той степенью солидарности, которую проявили по отношению к нему даже дружественно настроенные писатели, он заявляет о разрыве с «литературой» — в том самом ее понимании, в каком это слово было употреблено в его письме 1923 года отцу («„литература“ мне омерзительна») — то есть о разрыве с заказной, оплачиваемой, «разрешенной» (как это будет названо в «Четвертой прозе») литературной работой, позволяющей сводить концы с концами, но унижающей писателя и разрушающей его сознание. С этой «литературой» неразрывна «организованная писательская общественность» — в «Открытом письме советским писателям» в феврале 1930 года Мандельштам в лице ФОСП проклинает и ее.

Еще 27 июня 1929 года Д.И. Выгодский записывает в дневнике рассказ Е.К. Лившиц: «Мандельштам заявил, что он больше не русский писатель, что писать больше не будет, что хочет поступить на службу»⁸⁸. Неудачную попытку «бросить эту каторгу [переводы] и перейти на живой человеческий труд» (из письма Мандельштама отцу от середины февраля 1929 года: III: 474) поэт предпринял в самом начале «дела о переводах», зимой 1929 года в Киеве. Очевидно, именно помощь Авербаха позволила реализовать эту (спасительную в материальном смысле) идею в Москве: в августе 1929 года Мандельштам поступает на работу в редакцию «Московского комсомольца»⁸⁹:

Бартеля («Призыв») напечатал на «Литературной странице» «Комсомольской правды» (15 мая. С. 3) ответственный редактор газеты Тарас Костров (А.С. Мартыновский). В том же письме Сталина Молотову руководимый Костровым (с 1928 года) журнал «Молодая гвардия» упоминается как издание, которое указанная партийная группа Шацкого «пытается превратить <...> в свой теоретический журнал» (Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 136). Тогда же Костров был снят с работы в «Молодой гвардии».

⁸⁶ См. статью И.Н. Ломова «Классовый мир в „литературной промышленности“ с упоминанием «о возмутительной позиции» «Литгазеты» в «истории с т. Мандельштамом» (Комсомольская правда. 1929. 21 июля. С. 2) и совместное выступление РАППа и редакции «Комсомольской правды» с «требованием выправления линии „Литературной газеты“ и «укрепления руководства „Лит. газеты“, которое сейчас явно неудовлетворительно» (На литературном фронте // Комсомольская правда. 1929. 3 августа. С. 3).

⁸⁷ См. выписку из протокола заседания Исполбюро ФОСП от 5 августа 1929 года (Знамя. 2014. № 3. С. 161–162).

⁸⁸ *Летопись*. С. 355.

⁸⁹ Содействие со стороны РАППа и близких ему комсомольских организаций (напомним, что Авербах был одним из основателей советского комсомола

«Комсомольский литературный молодежь нуждается в старших союзниках», — пишет он члену правления РАППа В.М. Саянову 24 августа, приглашая к сотрудничеству в газете (III: 485)⁹⁰.

с большими связями в этой среде) стало для Мандельштама единственным реальным подспорьем в его борьбе за свои честь и достоинство в 1929–1930 годах; это понимали и его оппоненты — 5 февраля 1930 года А.Б. Дерман сообщал А.Г. Горнфельду: «Мандельштам ведет занятия по стихописанию с комсомольскими группами, редактирует Литературный отдел в одной комсомольской газете, — и это исходный пункт его силы и его демаршей» (*Летопись*. С. 363–364). Именно в контексте этого сближения следует рассматривать поданный исключительно в полемическом ключе эпизод из «Второй книги» Н.Я. Мандельштама с рассказом о визите к Мандельштаму в редакцию «Московского комсомольца» А.П. Селивановского, «второго по влиятельности (после Л.Л. Авербаха) члена рапповской верхушки <...> и, вообще, главного эксперта в РАППе по вопросам поэзии» (*Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб., 2005. С. 72–73), с «предложением сотрудничества» (*НМ*. Т. 2. С. 533). В августе 1929 года, будучи членом конфликтной комиссии ФОСПа по делу Мандельштама со стороны РАПП, Селивановский поддерживал поэта (см. письмо А.Б. Дермана Горнфельду от 28 августа: *Летопись*. С. 359). В 1932 году он продолжал утверждать, что Мандельштаму «нужно помогать, последовательной товарищеской критикой прежде всего» (*Селивановский А.* Разговор о поэзии // *Литературная газета*. 1932. 11 ноября. С. 2; статья опубликована на следующий день после вечера Мандельштама в редакции «Литгазеты», на котором Селивановский присутствовал, — см. дневник А.К. Гладкова: *Гладков А.К.* <О Мандельштаме, беседы и встречи с Н.Я.> // *Михеев М.Ю.* Указ. соч. С. 143), в 1934-м цитировал его неопубликованные стихи в печати (*Литературная учеба*. 1934. № 8. С. 33). В 1935 году Селивановский был одним из предполагаемых поэтом адресатов писем с «отчетом» о его поэтической работе в Воронеже (см.: *Рудаков С.* 103).

⁹⁰ После закрытия «Московского комсомольца» в январе 1930 года планы трудоустройства Мандельштама также оказываются определены его связями в (около)рапповской среде — это ташкентская газета «Комсомолец Востока» (см. его письмо жене от 24 февраля 1930 года: III: 496) и, что особенно любопытно, левая группа группировка новосибирских писателей «Настоящее», разгромленная в январе 1930 года постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О выступлениях части сибирских литераторов и литературных организаций против Максима Горького», — именно ее представитель имеется в виду в рассказе Н.Я. Мандельштам Кларенсу Брауну (1966): «Один раз в „Сибирские огни“ звал человек, такого лефовского типа он был, мы уже хотели в Новосибирск к нему ехать, но его арестовали, потому что он что-то невежливое сказал про Горького» (Кларенс Браун: *Воспоминания о Н.Я. Мандельштам и беседы с ней* / Пер. с англ. В. Литвинова // «Посмотрим, кто кого переупрямит...» С. 458–459). Речь идет о А.Л. Курсе (его фамилию Н.Я. Мандельштам вспомнила в биографической хронике, составленной в середине 1960-х [*НМ*. Т. 2. С. 960]), знакомом В.И. Нарбута и, действительно, близком к кругу ЛЕФа редакторе (с 1927 года) журнала «Настоящее» и газеты «Советская Сибирь». Восторженная рецензия Сергея Третьякова на журнал — «Настоящее „Настоящее“» — появилась в «Новом Лефе» в мае 1928 года (№ 5. С. 43–44). В начале 1930 года Курс был возвращен из Новосибирска в Москву, 1 ноября исключен из партии и 4 ноября допрошен начальником Секретного отдела ОГПУ Я.С. Аграновым по делу «группы Сырцова — Ломинадзе» (см.: *Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) 1923–1938 гг.* Т. 3: 1928–1938 гг. / Ред. кол. тома Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М., 2007. С. 288–290, 347; в декабре 1929 года С.И. Сырцов безуспешно пытался убедить Сталина смягчить постановление Политбюро о группе «Настоящее»: Большая цензура: Писатели и журналисты в стране Советов

Представляется, что «союзнничество» Мандельштама с Авербахом (чьей деятельности литературного критика он отдавал должное⁹¹) и РАППом было продиктовано не только конъюнктурными соображениями, и когда поэт (в связи с переговорами с Авербахом) говорит о «подготавливавшихся [им] политических выступлениях», от которых его «заставила временно <...> воздержаться <...> клеветническая кампания», «выбившая» его из «литстрога» и «заранее обесценившая»⁹² их, речь идет не о ритуальных формулах лояльности, а о реальном сближении Мандельштама с одним из полюсов социокультурной жизни СССР. Несомненно, прав Е.А. Тоддес, призывающий видеть в стилистике текстов Мандельштама в «Известиях» и особенно «На литературном посту» (которые он деликатно характеризует как «использующие элементы новоречи») «скорее сознательную установку автора, чем результат редакционного воздействия»⁹³.

Конфликт с ФОСП (начинавшийся как конфликт со «старой» литературой в лице Горнфельда) до предела обострил у Мандельштама ощущения эксплуатируемого, нуждающегося и борющегося за свои законные права члена социума. «Я, дорогие товарищи, не ангел в ризах, накрахмаленных Львовым-Рогачевским, но труженик, чернорабочий слова», — писал он в «Открытом письме советским писателям» (III: 488). Призма классового подхода⁹⁴ позволяла в этом случае идентифицировать себя как *пролетария* — тем более в противопоставлении, с одной стороны, со «старой» элитой (Горнфельд) и, с другой, с несравнимо более обеспеченными «рыночными» советскими авторами и стоящими с ними в одной связке чиновниками от литературы, чьи отношения с РАППом были, по преимуществу,

---

тов. 1917–1956 / Сост. Л.В. Максименков. М., 2005. С. 166). В апреле 1926 года Курс опубликовал (с выносом на обложке) в редактируемом им журнале «Советский экран» статью Мандельштама о фильме «Песнь на камне» («Татарские ковбои»; № 14. С. 4; редакционная врезка фактически солидаризировалась с резкой оценкой фильма Мандельштамом). Относительно привлечения к работе в медиа беспартийных авторов Курс, предвосхищая идеологический поворот начала 1930-х, декларировал: «Я считаю, что мы в настоящее время настолько сильны идеологически и организационно, что мы можем руками беспартийных литераторов, руками мастеров делать нужное нам дело» (Журналист. 1926. № 1. Январь. С. 40. Полтора года спустя Мандельштам и Курс соседствовали на страницах «Журналиста» [1927. № 6. Июнь]).

⁹¹ См. свидетельства Э.Г. Герштейн: *Герштейн*. С. 18–19, 30.

⁹² Письмо Мандельштама в ЦКК ВКП(б), 20-е числа февраля 1930 года (III: 596). Реальным комментарием к этим словам служат, по-видимому, воспоминания Э.Г. Герштейн о несостоявшемся выступлении Мандельштама на 2-м пленуме РАППа в сентябре 1929 года (*Герштейн*. С. 18).

⁹³ *Тоддес Е.А.* Мандельштам и опоязовская филология // *Тоддес*. С. 715.

⁹⁴ Не чуждого Мандельштаму и ранее; см.: *Тоддес Е.А.* Статья «Пшеница человеческая» в творчестве Мандельштама начала 20-х годов // *Тоддес*. С. 392–393.

как раз конфликтными. Не случайно упоминание о «великом, могучем, запретном понятии класса» возникает у Мандельштама в написанной как итог «дела о переводах» «Четвертой прозе» — заменившей для поэта подготовлявшуюся, но не произнесенную им на пленуме РАППа политическую речь.

7

История текста «Четвертой прозы», написанной на рубеже 1929–1930 годов, определяет трудность интерпретации этой вещи. По сообщению Н.Я. Мандельштам середины 1960-х годов, сохраненному А.А. Морозовым, в Воронеже ею была уничтожена первая главка текста. «В ней было: Кому нужен этот социализм, и если бы люди договорились построить ренессанс, то вышло бы не Возрождение, а в лучшем случае ресторан или кафе Ренессанс. Это не цитата, а передача смысла» (II: 690). Кроме того, Н.Я. Мандельштам исключила из текста заключительный фрагмент восьмой главки⁹⁵, следующий непосредственно за известным пассажем про филологию: «Чем была матушка филология и чем стала! Была вся кровь, вся нетерпимость, а стала пся крев, стала — всетерпимость...» Приведем этот текст, восстановленный А.А. Морозовым в примечаниях к изданию 2002 года⁹⁶:

Кто же, братишки, по-вашему больший филолог: Сталин, который проводит генеральную линию, большевики, которые друг друга мучают из-за каждой буквочки, заставляют отречься до десятых петухов, — или Митька Благой с веревкой? По-моему — Сталин. По-моему — Ленин. Я люблю их язык. Он мой язык.

Исключенный вдовой поэта в эпоху, точно названную Э.Г. Герштейн «периодом восстановления ею авторитета Осипа Мандельштама как поэта и общественного деятеля»⁹⁷, этот фрагмент по недо-

⁹⁵ В тексте «Четвертой прозы», который Ю.Г. Оксман передал в 1963 году на Запад (см. его письмо к Г.П. Струве от 31 мая 1963 года: *Флейшман Л.* Из архива Гугеровского института: Письма Ю.Г. Оксмана к Г.П. Струве // *Stanford Slavic Studies*. 1987. Vol. 1. P. 59), этого фрагмента уже не было. Текст «Четвертой прозы» впервые опубликован во 2-м томе Собрания сочинений Мандельштама под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова (Вашингтон, 1966). По другому списку из самиздата напечатан: *Грани*. 1967. № 63. С. 16–28.

⁹⁶ *Мандельштам О.* Шум времени / Примеч. А.А. Морозова, подгот. текста С.В. Василенко, А.А. Морозова. М., 2002. С. 283.

⁹⁷ *Герштейн.* С. 435.

разумению не вошел в основной текст «Четвертой прозы» в Полном собрании сочинений и писем Мандельштама (2010, 2017)⁹⁸. Безо всякого сомнения он меняет смысл всей вещи, не позволяя более говорить, что в «Четвертой прозе» поэт «окончательно сводит счеты со сталинизмом и литературными марионетками сталинской эпохи»⁹⁹.

Энергия, которой движется «Четвертая проза», есть энергия отторжения. В ее основе самоощущение человека, остро чувствующего свою конфронтацию с устоявшимися социальными структурами, если не десоциализацию. Эта конфликтность находит прямое отражение на уровне поэтики. Текст состоял из семнадцати главков. Первая (уничтоженная), судя по дальнейшему изложению, служила своего рода экспозицией, вводя развитую и детализированную в главке 2 тему «невероятного дела спасения [от расстрела] пятерых жизней»¹⁰⁰. Все остальные главки, варьируя четыре сюжета (борьба за арестованных, перипетии «дела Уленшпигеля», несостоявшаяся поездка в Ереван и служба Мандельштама в «Московском комсомольце»), структурированы одинаково — каждая из них строится вокруг некоей «взрывающей» текст оппозиции (гл. 2: пролетариат vs. буржуазия; гл. 3: комсомол vs. «агитмамушки» [ВКП(б)]; гл. 4: автор vs. сотрудники газетного объединения «Московская правда»; гл. 5: автор vs. ЦЕКУБУ; гл. 6, 7, 10, 12, 13, 14, 15, 16: автор vs. писатели/«литература»; гл. 8, 16: автор vs. социум; гл. 9: Благой vs. Сталин/Ленин, «старая» филология vs. «новая»; гл. 11: «правда/правдочка» vs. «Правда-Партия»).

Главка 9¹⁰¹, расположенная ровно посередине (восемь главков перед ней и восемь после), заканчивается *единственным во всем тексте* «положительным» тезисом-утверждением («Я люблю их [Ленина и Сталина; большевиков] язык. Он мой язык»). Она же — через стих Есенина «Не расстреливал несчастных по темницам...» — вводит важнейшую для Мандельштама тему «гуманизма». Однако, против ожидания, поэт никак не увязывает с ней (в отрицательном смысле)

⁹⁸ Эта ошибка исправлена в новейшем издании: Мандельштам О.Э. Большая проза: Шум времени. Феодосия. Египетская марка. Четвертая проза. Путешествие в Армению / Сост. и статья П.М. Нерлера, подгот. текста, коммент. П.М. Нерлера, С.В. Василенко. СПб., 2021.

⁹⁹ Дутли Р. «Век мой, зверь мой»: Осип Мандельштам. Биография / Пер. с нем. К. Азадовского. СПб., 2005. С. 219.

¹⁰⁰ Скорее всего, именно с опасным упоминанием дела, грозившего расстрелом (наряду с «социализмом»), связано уничтожение первой главки в Воронеже.

¹⁰¹ Здесь и выше мы учитываем при нумерации уничтоженную первую главку.

вождей большевиков (Ленина и Сталина; характерно их упоминание рядом). Декларируя «гуманизм» как «символ веры» «настоящего писателя — смертельного врага литературы» (той самой, которую поэт «презирает»), Мандельштам через фигуру «разрешенного большевиками» филолога «Митьки Благого» (метонимически связанного с олицетворяющим «разрешенную» же литературу Домом Герцена) противопоставляет «новую» филологию, паразитирующую на мертвой/убитой поэзии, — старой, «нетерпимой» к фальши¹⁰². При этом со старой, «подлинной» филологией парадоксальным образом стыкуется образ партийных чисток, проводимых Сталиным в борьбе за генеральную линию партии, — с их строгостью в поиске и выборе формулировок партийного языка. Этот партийный язык объявляется Мандельштамом своим. Напомним, это единственное «положительное», не поставленное под вопрос стилистической иронией или сарказмом, утверждение автора во всей вещи. Если верна датировка М.Д. Вольпина, то именно к периоду написания «Четвертой прозы» относится реплика Мандельштама, заявившего ему в ответ на возмущение писательским безразличием по отношению к ужасам советской жизни: «Ну, знаете, вы не замечаете бронзового профиля Истории!»¹⁰³

Разумеется, к «Четвертой прозе» вполне применимо наблюдение Е.А. Тоддеса по поводу «непредсказуемого „анархо-эстетического“ характера <...> рассуждений»¹⁰⁴ Мандельштама, и наивно было бы искать в ней воплощения последовательной социополитической программы. Раздвоенность, растерянность видны в переписке Мандельштама этого времени, где он в границах одного письма то упоминает о том, что в газете, где он работает, «не люди, а рыбы страшные», то вспоминает, что ему «люди нужны, товарищи, как в „Моск<овском> Комс<омольце>“» (письмо Н.Я. Мандельштам, 13 марта 1930 года: III: 498–499). Эта же амбивалентность хорошо видна в оценке Мандельштамом собственно комсомола, с одной стороны, представляющего в «Четвертой прозе» в образе «барчука», приучаемого «агитмамушками, бабушками, нянюшками» (то есть партийцами, «старшими товарищами» комсомольцев)

¹⁰² Возможен и еще один уровень противопоставления: по воспоминаниям М.А. Торбин, в 1920-х годах Д.Д. Благой участвовал в работе над составлением Словаря языка Ленина (*Торбин М. На редкость неустроенный человек / Подгот. текста и примеч. А.Г. Меца, Л.М. Видгофа // Знамя. 2021. № 5. С. 173*). Мандельштам мог знать об этом.

¹⁰³ Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. С. 429.

¹⁰⁴ *Тоддес Е.А. Поэтическая идеология // Тоддес. С. 365–366.*

к жестокости («Вдарь, Васенька, вдарь!»), а с другой — униженного «старшими» и таящего в себе потенциал некоего бунта («оппозиционности») — именно через этот подтекст раскрывается загадочный, на первый взгляд, образ «старейшего комсомольца — Акакия Акакиевича»¹⁰⁵.

Начавшаяся в августе 1929 года травля Пильняка и Замятина приводит к фактическому разгрому прежнего «беспартийного» Всероссийского союза писателей¹⁰⁶ и полному «огосударствлению» литературы — «это была первая в истории русской культуры широко организованная кампания не против отдельных литераторов или текстов только, а против литературы в целом и ее автономного от государства существования»¹⁰⁷. (Мандельштам, используя большевистскую фразеологию, назвал ее в цитирувавшемся в связи с его переговорами с Авербахом письме в ЦКК ВКП(б) «острой перегруппировкой писательских сил»¹⁰⁸ и именно на ее фоне собирался выступать в сентябре 1929 года с политическим заявлением на 2-м пленуме РАППа.) В обстановке резкой политизации литературной жизни в начале 1930 года ЦКК ВКП(б) начинает проверку «дела о переводах», длившегося все это время и закончившегося было в декабре 1929 года «смягченной в отношении Мандельштама»¹⁰⁹ резолюцией. Мандельштам (как, впрочем, и Ионов и Канатчиков) подвергается многочасовым допросам/собеседованиям, в ходе которых следователи интересуются его прошлым и особенно пребыванием в «белом» Крыму¹¹⁰.

¹⁰⁵ Ср. одновременно о близости Башмачкина и Парнока, спроецированного на автора героя «Египетской марки»: Полякова С.В. «Шинель» Гоголя в «Египетской марке» Мандельштама [1991] // Она же. «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. СПб., 1997. С. 286–288.

¹⁰⁶ См.: Кукушкина Т.А. Всероссийский союз писателей. Ленинградское отделение (1920–1932): Очерк деятельности // Ежегодник Рукописного отдела на 2001 год. СПб., 2006. С. 117 и след.

¹⁰⁷ Флейшман Л. Борис Пастернак в двадцатые годы. СПб., 2003. С. 133–134.

¹⁰⁸ Ср., в частности, «классовую перегруппировку общества» в книге Л.Д. Троцкого «Литература и революция» (М., 1923. С. 7). Именно к этой формуле Троцкого И.З. Серман возводит слова о «произведенной революцией социальной перегруппировке» из важнейшей для нашей темы статьи Эйхенбаума «Литературный быт» (см.: Serman I.Z. Б.М. Эйхенбаум и проблема истории // *Revue des Études Slaves*. 1985. Vol. LVII. № 1. P. 79). Предположение Сермана подтверждается и тем, что фрагмент из книги Троцкого, содержащий эту формулировку, был ранее процитирован Эйхенбаумом в статье «В ожидании литературы» (Русский современник. 1924. № 1. С. 284).

¹⁰⁹ Из письма А.Б. Дермана А.Г. Горнфельду от 21 декабря 1929 года (*Летопись*. С. 362).

¹¹⁰ См. письмо Мандельштама Н.Я. Мандельштам от 13 марта 1930 года (III: 498–499).

Поэт совершенно деморализован: многомесячный скандал нанес его репутации ощутимый ущерб (видимо, именно из-за этого организаторы рапповского пленума решили не давать ему слово и его сближение с Авербахом ограничилось получением газетной работы); в писательской среде распространяются слухи о том, что он болен манией преследования¹¹¹ или покончил с собой¹¹²; в февральский приезд 1930 года в Ленинград он не встречается ни с кем из писателей и, очевидно, напуганный комиссией ЦКК, запрещает жене распространять его «Открытое письмо советским писателям» (III: 497). При этом манифестированный в этом письме разрыв с ФОСП и в целом с литературной средой он считает ценностью, которую надо сохранить во что бы ни стало («Разрыв — богатство. Надо его сохранить. Не расплескать» [III: 499]).

Жизнь «вне литературы» означала необходимость поиска новой модели писательского существования. Прежняя схема, базировавшаяся на переводной поденщине, как и масштабные проекты ее переустройства, была полностью уничтожена скандалом вокруг «Тилия». Новая — связанная с газетой — не внушала оптимизма («<...> подходит ли мне газетная работа? Не иссушит ли мой старый мозг вконец?»). Утопические идеи о получении «простой» (III: 499) работы (то есть не связанной ни с переводческой лямкой, ни с газетной гонкой) приводят Мандельштама к Л.Б. Каменеву (потерявшему былое влияние) и О.Д. Каменевой, которая ранней весной 1930 года безуспешно пытается пристроить поэта в общество «Техника — массам»¹¹³.

При этом Мандельштам остается принципиальным противником идеи «существования на культурную ренту», «конец» которой

¹¹¹ Дневник К.А. Федина, 24 марта 1930 года (*Летопись*. С. 366). Ср. ходившие в 1929–1930 годах в литературной среде слухи о сумасшествии Мандельштама, зафиксированные в воспоминаниях Б.С. Кузина (*Кузин Б. Об О.Э. Мандельштаме* // Кузин Б. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н. 192 письма к Б.С. Кузину / Сост. Н.И. Крайневой, Е.А. Пережогойной. СПб., 1999. С. 164).

¹¹² Дневник К.И. Чуковского, 22 апреля 1930 года (*Летопись*. С. 368). Ср. в письме Д.И. Заславского А.Г. Горнфельду, написанном за год до этого, в разгар «переводческого дела»: «<...> до меня дошли слухи, что с ним [Мандельштамом] приключились обмороки, что он публично рыдал, что он говорил о самоубийстве, что на посторонних он производит впечатление не совсем нормального и т.д. Грешный человек, я с некоторым скептицизмом относился к этим слухам. <...> Но надо же так случиться, что на другой день после того, как мне передали эти слухи, иду я по бульвару и вижу у человека на скамейке развернутый лист газеты и траурное объявление — большими буквами — „Мандельштам“. Через полчаса выяснилось, что это другой Мандельштам», но эти полчаса — памятные и неприятны мне» (Знамя. 2014. № 3. С. 143; 27 мая 1929 года).

¹¹³ См.: *Герштейн*. С. 395–396.

«положила», по его убеждению, «Октябрьская революция» (из ответов на анкету «Советский писатель и Октябрь», 1928 [III: 311]). В практической плоскости это означает отказ от перехода в ряды живущих на иждивении государства пенсионеров — ветеранов культуры: «Но работа нужна. <...> Не хочу „фигурять Мандельштамом“. Не смею! Не должен!» — пишет он жене 13 марта 1930 года (III: 499) — на фоне разворачивающихся в эти же дни в Москве хлопот по предоставлению персональной пенсии Ахматовой¹¹⁴. В результате поэт вновь прибегает к патронажу государства: в апреле 1930 года по протекции заместителя заведующего Отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) А.Н. Гусева Мандельштам уезжает из Москвы до конца года — сначала в санаторий Совнаркома Абхазии в Сухуме (где он живет одновременно с заместителем наркома земледелия Н.И. Ежовым [II: 681]¹¹⁵), затем в Армению и Грузию¹¹⁶. По возвращении из поездки, в декабре, было написано приведенное выше письмо Н.Я. Мандельштам Молотову.

8

Резкое ужесточение политических условий существования литературы в СССР, старт которому был дан кампанией против Пильняка и Замятина, повлекло за собой кризис множества индивидуальных литературных биографий. 1930–1931 годы отмечены появлением ряда обращенных к руководству СССР писательских писем (М.А. Булгакова, Е.И. Замятина, Б.А. Пильняка, Вс.В. Иванова, К.А. Тренева и др.). Находившиеся в разных социальных позициях их авторы,

¹¹⁴ См.: *Соболев А.Л.* «Постояла в золотой пыли»: Пенсионное дело Анны Ахматовой // Он же. Тургенев и тигры: Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М., 2017. С. 200 и след.

¹¹⁵ Ср. комментарий современного армянского интеллектуала, оставшегося анонимным, приведенный П.М. Нерлером: «Мандельштамы вращались в кругу ростовских, бакинских, тифлисских армян-большевиков, свое пребывание в Армении воспринимавших как вынужденную ссылку и кто сам свысока смотрел на грустную, нищую и „пасмурную“ Армению, кто никак не хотел и не умел вникнуть в „душу“ своего народа. Они не открывали, а, наоборот, закрывали Мандельштаму доступ к „душе“ Армении» (*Нерлер П.* «Путешествие в Армению» и путешествие в Армению Осипа Мандельштама: попытка реконструкции // *Знамя.* 2015. № 11. С. 151).

¹¹⁶ См. в дневнике Рюрика Ивнева 20 ноября 1930 года: «Осип Эмильевич сейчас в Армении, он получает там от Совнаркома Армении пенсию, т.е. не офиц<иальную> пенсию, а имеет какую-то синектуру, — дающую ему 300 р. в месяц» (цит. по: *Летопись.* С. 371). В Грузии Мандельштам получает поддержку первого секретаря Закрайкома ВКП(б) В.В. Ломинадзе, тесно связанного в этот период с Авербахом (см. примеч. 85).

подобно Н.Я. Мандельштам, рассчитывали с помощью подобных адресаций улучшить свои «литературно-бытовые» условия и/или получить защиту от преследований.

Ближе всего к письму Н.Я. Мандельштам стоят письма Булгакова и Замятина, поднимающих проблему своего физического присутствия в СССР. Невозможность существовать без гонорарной работы — вследствие блокировки их продукции на пути к читателю/зрителю — ставит в центр этих писем вопрос о предоставлении права на оплачиваемый труд.

«Я не позволил бы себе беспокоить Вас письмом, если бы меня не заставляла сделать это бедность», — писал Сталину Булгаков 5 мая 1930 года¹¹⁷. «Я прошу Советское Правительство дать мне работу», — говорил он месяцем ранее¹¹⁸. «Сделано было все, чтобы закрыть для меня всякую возможность дальнейшей работы», — писал в июне 1931 года Сталину Замятин¹¹⁹. Однако — и в этом принципиальное отличие писем Булгакова и Замятина от письма Н.Я. Мандельштам — отсутствие возможности жить литературным трудом четко мотивируется в их письмах жесткостью политической цензуры, несовместимостью их писательского существования с советской властью. Оба адресанта — и Булгаков, и Замятин — отчетливо обозначают себя как авторов, фактически находящихся *вне* советской литературной системы и ее цензурных рамок. Практический смысл их писем заключается, собственно, в том, что оба они предлагают легализовать свой статус *несоветских* писателей физическим перемещением их в иностранную среду — путем разрешения выезда за границу, где в условиях свободы печати они смогут жить литературным трудом.

Аргументация Н.Я. Мандельштам, указывающей на бедственное положение Мандельштама, строится на совершенно иных основаниях. Ни словом не упоминая о цензурных затруднениях и вообще о каких-либо противоречиях Мандельштама и советского режима, она апеллирует исключительно к «тяжелой жизни лирического поэта» и, в унисон с трансформацией советской идеологии¹²⁰, предлагает считать Мандельштама *спецем* — «квалифицированным специалистом», ценным кадром культурного хозяйства, априори нуждающимся в поддержке. Совершенно очевидно, что, несмотря

¹¹⁷ Власть и художественная интеллигенция. С. 127.

¹¹⁸ Булгаков М. Собрание сочинений: В 5 т. М., 1990. Т. 5. С. 449.

¹¹⁹ Замятин Е. Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания / Сост. и коммент. А.Ю. Галушкина. М., 1999. С. 171.

¹²⁰ См. подробнее наст. изд., с. 190 и след.

на всю неудовлетворенность социальным статусом Мандельштама, письмо Н.Я. написано *изнутри* советской идеологической системы, предполагавшей тотальную — в том числе материальную — зависимость художника от государства.

Между тем в ближайшем окружении Мандельштама были примеры противоположной стратегии. Речь идет об Анне Ахматовой.

9

Летом 1926 года первый хроникер жизни Ахматовой П.Н. Лукницкий¹²¹, интуитивно чувствуя исключительность ее положения на литературной сцене, пытался понять его истоки и смысл:

В таком положении, как АА, пожалуй, только Кузмин. <...> Как АА определяет существующее о ней в нынешней критической печати мнение, относящее ее к правому флангу советской литературы: <...> полное отсутствие собственной мысли у писавших, и никто из них не задумывался о том, в чем, в сущности, «правизна» АА.

А в действительности? Символика икон, церковность и пр. Разве ее не было у других? Ведь это было принято как прием всеми в определенную эпоху. Разве у Есенина, у Клюева, у Гумилева, у Блока, у Сологуба и т.д., и т.д. — этого не было? Но Клюев играл в Ленина, Есенин «хотел» (!) быть большевиком, Блок написал «Двенадцать» (и умер). Сологуб — написал «<Соборный> Благовест». АА молчала. Она непонятна. А раз непонятна — значит, она не из их стана <...> Другой вопрос — как АА к этому относится¹²².

Ретроспективный анализ показывает справедливость вопросов Лукницкого и усиливает «отдельность» Ахматовой: сопоставляемый

¹²¹ Ведшаяся им хроника встреч с Ахматовой оказалась (полностью или частично) в деле оперативной разработки Ахматовой в КГБ СССР, что дало основания для утверждений о том, что Лукницкий был завербован ОГПУ как секретный сотрудник (см.: *Калугин О. Досье КГБ на Анну Ахматову // Госбезопасность и литература: На опыте России и Германии (СССР и ГДР). М., 1994. С. 74*). Известно о двух кратковременных арестах Лукницкого (1927, 1929), во время которых мог быть изъят и скопирован его архив, в том числе гумилевские материалы (см.: *Тименчик Р. История культа Гумилева. М., 2018. С. 145*). З.Б. Томашевская упоминала Лукницкого вместе с также арестовывавшимися И.Л. Андронниковым и Е.М. Тагер, оговаривая, что «некоторые получили задание и поэтому были освобождены» (*Ласкин А. Петербургские тени: Документальная повесть. СПб., 2017. С. 125*). Желанием прервать сотрудничество с ОГПУ можно объяснить внезапный отъезд Лукницкого из Ленинграда на Памир весной 1930 года.

¹²² *Лукницкий П.Н. Acumiana. Т. II. С. 202–203.*

с нею Кузмин, как известно, хотя и подвергался политизированным нападкам критики, продолжал публиковаться и как поэт (выпустив в 1924 и 1929 годах поэтические сборники) и как переводчик, войдя в этом качестве в 1934 году в Союз советских писателей¹²³. Среди крупных русских писателей с дореволюционным «стажем», остававшихся в СССР, положение Ахматовой было уникальным.

Ахматовская мифология связывает исчезновение ее с поверхности печатной жизни с «первым постановлением» или «решением» ЦК ВКП(б) 1924 года. Сама Ахматова в дневниковых записях 1960-х годов предлагала несколько мотивировок репрессий против нее. «После моих вечеров в Москве (весна 1924) состоялось постановление о прекращении моей лит<ературной> деятельности. Меня перестали печатать в журналах и альманахах, приглашать на лит<ературные> вечера. Я встретила на Невском М. Шаг<инян>. Она сказала: „Вот вы какая важная особа: о вас было пост<ановление> ЦК: не арестовывать, но и не печатать“»¹²⁴. В других ахматовских записях среди причин «постановления ЦК» называются также публикация во втором издании сборника «Anno Domini» (Берлин, 1923) стихов, «не напечатанных в СССР»¹²⁵, нападки критики и противопоставившая ее Маяковскому нашумевшая статья Корнея Чуковского «Две России» (1921).

Постановление ЦК ВКП(б) 1924 года относительно Ахматовой до сих пор не обнаружено, и есть все основания предполагать, что сведения о нем — часть более обширного и сложившегося к рубежу 1960-х ахматовского мифа, включавшего полемическое (прежде всего, по отношению к эмигрантским источникам) и сильно упрощенное изложение собственной «послереволюционной биографии»¹²⁶. Здесь не место анализу причин, по которым Ахматова сочла нужным «выпрямить» картину своего литературного положения после 1924 года, представив себя в поздних мемуарных записях как еще одну фактически лишенную субъектности жертву репрессивной культурной политики советского режима — в то время как ее подлинная позиция 1920-х — начала 1930-х годов выглядит совершенно неординарной.

¹²³ «Из поэтов вообще принято только 9 чел. М.Л. Лозинский и М.А. Кузмин прошли, как переводчики, так же, как и Анна Радлова и Андр. Вен. Федоров», — писал о приеме в новый Союз В.А. Рождественский Д.С. Усову 15 июня 1934 года (Дом-музей Марины Цветаевой, Москва).

¹²⁴ [Ахматова А.] Из дневниковых записей / Вступ. статья, публ., подгот. текста, примеч. В.А. Черных // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 14.

¹²⁵ Там же. С. 13.

¹²⁶ Там же. С. 14.

Представляется, что, действительно, рубежными для положения Ахматовой стали ее публичные выступления в Москве в апреле 1924 года — в Консерватории на вечере журнала «Русский современник» и в Политехническом музее на собственном сольном вечере. Причем критически важную роль сыграло именно первое выступление.

«Русский современник» — «последний не-казенный, последний свободный (пусть и не полностью) журнал, открыто издававшийся в пределах нашего отечества», по воспоминаниям одного из его авторов В.В. Вейдле¹²⁷, — несомненно, вызывал особое беспокойство властей, добившихся в конце концов его закрытия на четвертом номере в начале 1925 года¹²⁸. В первом номере «Русского современника» были опубликованы два новых стихотворения Ахматовой — «Лотова жена» и «Новогодняя баллада». С их чтением Ахматова и выступила в Москве. Московская презентация журнала, предварявшая выход первого номера, прошла в наэлектризованной атмосфере ожидания частного непартийного издания, привлечшего крупные литературные имена¹²⁹, и имела общероссийский резонанс, связанный с внелитературным контекстом¹³⁰. Сколько можно судить, печатное выступление в СССР известного современного поэта с *новыми* стихами (усиленное их публичным чтением), в одном из которых можно было усмотреть намек на расстрелянного большевиками Гумилева, а в другом — открытую эксплуатацию религиозной тематики и метафоричности, было воспринято как политический демарш.

¹²⁷ Вейдле В. Журнал «Русский современник» // Русский альманах / Под ред. З. Шаховской, Р. Герра, Е. Терновского. Париж, 1981. С. 393. Для характеристики издания отметим, в частности, что «Русский современник» — место последних публикаций в СССР уже находившихся в эмиграции Цветаевой и Ходасевича.

¹²⁸ Между прочим, в Ленинграде «активнейшее участие в удушении <...> журнала „Русский современник“» принял заведующий Госиздатом И.И. Ионов (Примочкина Н.Н. М. Горький и журнал «Русский современник» // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 368), через четыре года разорвавший договоры «ЗиФ» с Мандельштамом. Через год был закрыт и второй (и последний) частный журнал в СССР — «Новая Россия» И.Г. Лежнева.

¹²⁹ «Москва взбуждена — кажется, мы чересчур разрекламированы... <...> слишком много шуму вокруг „Русского Современника“, — писал 17 апреля 1924 года в дневнике один из редакторов журнала К.И. Чуковский (цит. по: Примочкина Н.Н. Указ. соч. С. 359).

¹³⁰ Спустя несколько месяцев мать и тетка Ахматовой, жившие в Подольской губернии, интересовались в письмах к ней: «<...> как тебя принимали в Москве, пытались ли устроить скандал? Познакомилась ли ты с Троцким?» (И.Э. Горенко, 15 октября 1924 года: Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005. С. 190; ср. письмо А.Э. Вакар от 29 сентября 1924 года: Там же. С. 207).

Публикация в «Русском современнике» стала последним значимым печатным выступлением Ахматовой как участницы актуального литературного процесса до 1940 года¹³¹. Очевидно, после московского вечера и выхода журнала, вызвавших резкие отклики официальной печати¹³², было принято решение (скорее всего, по линии Главлита) ужесточить контроль за ахматовскими текстами, причем внимание в первую очередь обращалось на религиозную тематику («мистицизм»)¹³³. Цензурные придирки и ограничения сделали невозможным издание двухтомного собрания стихотворений Ахматовой, подготовленного к печати в издательстве «Петроград» в 1926 году (попытка публикации двухтомника продолжалась до 1930 года). Со все возрастающими цензурными трудностями сталкиваются в это время все непартийные писатели, в том числе и те авторы, которые составляют ближайший к Ахматовой контекст «ленинградского Петербурга»¹³⁴ (прежде всего, Сологуб, Кузмин и Клюев). Однако «ответная» стратегия литературного поведения, которую в данной ситуации выбирает Ахматова, беспрецедентна.

В отличие от Сологуба и Кузмина, Ахматова никак не участвует в дающей литературный заработок переводческой деятельности. Она не предпринимает дальнейших попыток печататься и индифферентно относится к судьбе своего двухтомного собрания, устранившись от хлопот за него в цензуре. «Смешная она, — сообщил об Ахматовой 8 июля 1930 года П.А. Павленко (которому предстоит сыграть свою роль в судьбе Мандельштама) в письме Н.С. Тихонову. — Ей тут Д. Бедный предложил издать книгу ее стихов, правда, со своим предисловием, но она отказалась, хоть ее и уговаривали всячески»¹³⁵.

¹³¹ В 1924 году одно стихотворение Ахматовой 1922 года было опубликовано в московском альманахе «Поэты наших дней». Последней гонимой публикацией Ахматовой стала не авторизованная подборка из тридцати пяти стихотворений в антологии И.С. Ежова и Е.И. Шамурина «Русская поэзия XX века» (М., 1925; по поводу оплаты см. письмо Пастернака Ахматовой от 17 апреля 1926 года: Пастернак Б. Указ. соч. Т. VII: Письма 1905–1926. С. 657).

¹³² Их подборку приводит Р.Д. Тименчик: Ахматова А. Автобиографическая проза / Вступ. статья, публ., подгот. текста, примеч. Р.Д. Тименчика // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 4.

¹³³ «После 1924 г. мои стихи перестали появляться в печати (т.е. были запрещены), главным образом, за религию» ([Ахматова А.] Из дневниковых записей. С. 14). См. также: Рубинчик О. Анна Ахматова и советская цензура. Статья первая // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сб. научных статей. Петербургские чтения. СПб., 2005. С. 174–191. «Ей привязывают сейчас мистицизм», — писал об Ахматовой Шкловский в 1925 году (Шкловский В. Указ. соч. С. 298).

¹³⁴ См.: Филиппов Б. Ленинградский Петербург в русской поэзии и прозе / 2-е изд. [Paris,] 1974.

¹³⁵ Между молотом и наковальней: Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. Т. 1: 1925 — июнь 1941 г. М., 2010. С. 107. См. подробнее

Если взглянуть на составленный Ахматовой в 1962 году список своих выступлений, то виден значительный перерыв, датируемый 1924–1940 годами¹³⁶. Позднее утверждение Ахматовой «меня перестали <...> приглашать на литер<атурные> вечера» опровергается данными дневников Лукницкого, с 1925 года фиксирующего многочисленные отказы Ахматовой от приглашений выступить с чтением своих стихов¹³⁷. Единственное исключение было сделано ею для закрытого вечера 5 марта 1928 года в помещении Ленинградского отделения ВСП, посвященного памяти Ф.К. Сологуба, патриарха дооктябрьской литературы в Ленинграде, самое имя которого указывало на отчетливо *внесоветский* контекст происходящего¹³⁸.

Эта позиция Ахматовой нашла выражение в ее стихах, названных «Ответ» и датируемых в записной книжке, куда они были занесены ею в начале 1963 года, «30-ми годами»:

И вовсе я не пророчица —
Жизнь светла, как горный ручей.

об этом эпизоде: *Тименчик Р.* Последний поэт: Анна Ахматова в 60-е годы / 2-е изд. М., 2015. Т. 2. С. 79–80.

¹³⁶ *Шошин В.А.* Выступления А.А. Ахматовой // Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. С. 131–132. Последним публичным появлением Ахматовой стало выступление 25 февраля 1925 года в ленинградской Капелле на совместном вечере ВСП и КУБУЧа — думается, ее участие было мотивировано тем, что за неделю до этого, согласно записи Н.Н. Пунина, «Ан. после долгих хлопот получила пособие от КУБУ в 25 рублей» (*Пушин Н.* Мир светел любовью: Дневники. Письма / Сост. Л.А. Зыкова. М., 2000. С. 234). Согласно свидетельству Лукницкого, выступление Ахматовой сопровождалось ее нескрываемой отчужденностью от литературной публики (*Лукницкий П.Н.* *Acumiana*. Встречи с Анной Ахматовой. Paris, 1991. Т. I: 1924–1925 гг. С. 36).

¹³⁷ Опыт «политического» бойкота публичных выступлений (также проигнорированный в поздних мемуарных заметках) восходит у Ахматовой к маю 1918 года, когда она печатно объявила об отказе от участия в «Вечере петербургских поэтов», устроенном обществом «Арзамас», где было анонсировано исполнение «Двенадцати» Блока (см.: [Б.п.] Тоска по «сретенью» // Дело народа. 1918. 10 мая. С. 2; подробнее см.: *Мец А.Г.* Как сделан «Арзамас» Георгия Иванова // Он же. Осип Мандельштам и его время: Анализ текстов. СПб., 2005. С. 162–171).

¹³⁸ Иногда отказ Ахматовой не мешал проведению самих мероприятий. Так, в мае 1926 года был широко анонсирован вечер Всероссийского союза писателей (ВСП) с ее участием, причем организаторы заранее знали, что Ахматова выступать не будет, и с ее разрешения поставили на афише имя для привлечения публики. «АА была крайне недовольна; но не желая противодействовать Союзу, согласие вынуждена была дать (уверен, что АА считала себя одолженной Союзу, который в прошлом году дал ей пятьдесят рублей на лечение)» (*Лукницкий П.Н.* *Acumiana*. Т. II. С. 154). 30 апреля 1927 года в ВСП состоялся «Вечер поэзии А.А. Ахматовой» без «ведома и согласия АА» (письмо П.Н. Лукницкого Н.Н. Пунину от 15 мая 1927 года: Переписка П.Н. Лукницкого и Н.Н. Пунина / Публ. Т.М. Двигуниной // Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. С. 302).

А просто мне петь не хочется
Под звон тюремных ключей¹³⁹.

Здесь же очевидный исток «грандиозной»¹⁴⁰ (и болезненной) темы «молчания» в поэзии Ахматовой, раскрываемой не только через ее «малопродуктивность» во второй половине 1920-х — первой половине 1930-х годов, но и через поздние автоинтерпретации (ср. в незавершенной «Седьмой» [1958–1964] из «Северных элегий»:

А я молчу, я тридцать лет молчу. <...>
Кто мог придумать мне такую роль? <...>
Оно мою почти сожрало душу,
Оно мою уродует судьбу,
Но я его когда-нибудь нарушу,
Чтоб смерть позвать к позорному столбу¹⁴¹).

Дистанцирование Ахматовой от любых форм участия в советской литературной жизни и зависимости от государства имело следствием крайнюю затрудненность ее бытовой жизни. «Гордыню» Ахматовой Л.К. Чуковская описала впоследствии как идейную основу ее стратегии сопротивления и самосохранения одновременно: «Сознание, что и в нищете, и в бедствиях, и в горе она — поэзия, она — величие, она, а не власть, унижающая ее, — это сознание давало ей силы переносить нищету, унижение, горе. Хамству и власти она противопоставляла гордыню и молчаливую неукротимость»¹⁴². Принципиальный характер этой позиции подтверждается суждениями Ахматовой, зафиксированными Лукницким; важнейшим из них является запись от начала марта 1928 года, сделанная вско-

¹³⁹ Записные книжки Анны Ахматовой: 1958–1966 / Сост., подгот. текста К.Н. Суворовой; вступ. статья Э.Г. Герштейн; науч. консульт., вводные заметки к записным книжкам, указатели В.А. Черных. М.; Torino, 1996. С. 286.

¹⁴⁰ Герштейн. С. 465.

¹⁴¹ Ахматова А. Победа над судьбой. I: Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы / Сост., подгот. текстов, предисл. и примеч. Н. Крайневой. М., 2005. С. 241–242. Эта же тема вынужденного молчания/немоты/тишины продолжена в связанных с «Седьмой» элегией и создававшихся, как указывает Н.И. Крайнева, одновременно с нею строфах IX–XIV из «Решки» («Поэма без Героя», часть 2): «И проходят десятилетия, / Попытки, ссылки и казни. Петь я / В этом ужасе не могу» (Там же. С. 390, 498). По замечанию В.Н. Топорова, «у ж а с [у Ахматовой] есть не что иное, как русский эквивалент латинского слова *terror*» (Топоров В.Н. Об историзме Ахматовой // Он же. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003. С. 298).

¹⁴² Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 2013. Т. 2: 1952–1962. С. 516.

ре после приезда в Ленинград Б.А. Пильняка¹⁴³, убеждавшего Ахматову, что для решения ее бытовых проблем необходимо съездить в Москву и посетить столичное литературное и политическое начальство:

А.А., конечно, от поездки отказалась. (А ведь как все просто делается: если б А.А. поехала в Москву и немножко там — по ее же выражению, — «помяукала», — ей, конечно, достали бы и заграничный паспорт и устроили бы поездку за границу и вообще, из поездки в Москву она могла бы извлечь любые выгоды, ценой проявления хотя бы самой наималейшей сделки со своей совестью. Но... А.А. не поступает своей совестью, никогда, и ни в какой степени, руководствуясь принципом, что из этого удовольствия мало бывает, а позор все тот же, большой.)¹⁴⁴

Самоустранение Ахматовой из литературной жизни к концу 1920-х годов приводит к тому, что в сознании современников, даже высоко ценящих ее талант, она оказывается никак не связана ни с современной литературой, ни с наличным составом советских писателей¹⁴⁵. В помещенной на страницах журнала «На литературном посту» (1926. № 3) иллюстративной схеме И.С. Новича «Дерево современной литературы» Ахматова значится в разделе «Живые трупы».

По понятным причинам (авто)цензурного характера у нас нет *прямых* антисоветских высказываний Ахматовой 1920-х годов. Представляется, что ее неприятие «трагического Октября»¹⁴⁶ и его последствий восходит к тому идейному комплексу (уместно назвать его «религиозно-патриотическим»), на который чутко указывал еще в 1915 году в известной статье об Ахматовой Н.В. Недоброво, говоря о том, что Ахматова «во многом выражает дух» «русского молодого поколения, к которому принадлежат почти все рядовые и младшие офицеры нашей армии и которое, таким образом, выносит на себе

¹⁴³ В этой поездке Пильняка сопровождал знакомый Мандельштама, видный советский издательский деятель, а впоследствии замнаркома земледелия Ф.М. Конар, к судьбе которого мы вернемся в дальнейшем.

¹⁴⁴ Лукницкий П.Н. Дневник 1928 года. С. 363. Ср. высказывание Ахматовой по поводу затеянных ВСП хлопот о ее пенсии в 1926 году: «АА не хотела. <...> Все равно не дадут, а будут говорить, что выпрашивала» (Лукницкий П.Н. Асуміана. Т. I. С. 208).

¹⁴⁵ Ср. относящийся к лету 1927 года инцидент: Е.И. Замятин на вечере у А.Н. Толстого в одной из реплик за общим столом невольно исключил Ахматову из рядов писателей (Лукницкий П.Н. Асуміана. Т. II. С. 269–270).

¹⁴⁶ Из стихотворения 1924 (?) года «Я именем твоим не оскорбляю уст...».

светлое будущее России и мира»¹⁴⁷. Именно *политический* характер неучастия Ахматовой в советской общественно-литературной жизни реконструируется из ее суждений, высказанных по другим, казалось бы, поводам. К 1926 году относится записанное в 1933 году свидетельство М.В. Борисоглебского о встречах с Ахматовой в Фонтанном Доме:

О политике не говорили, и хлебные пайки не были предметом наших суждений. Только однажды скользнуло, как тень от пролетевшей птицы, обычное для наших лет. <...> в конце нашего разговора было сказано идущее от обыкновенного:

— <...> Вот на [Шереметевском] дворце [двуглавых] орлов сбивают. Как это глупо. Весь стиль здания пропадает. Терпели же они девять лет, и что им вздумалось...

Говоря это, она мешала уголья в печи и с ними как будто мешала горящие уголья в себе. «Стиль здания» был, конечно, условностью¹⁴⁸.

28 апреля 1928 года Лукницкий, гуляя с Ахматовой, посещает по ее желанию единоверческую Никольскую церковь на улице Марата (быв. Николаевской) и записывает ее слова: «Дорогой А.А. говорила о православии и сказала, что хочет переходить в единоверчество, хоть и нехорошо изменять чистому православию. Но очень уж оно изменило самому себе, а в единоверчестве — крепость и неизменность остались прежними»¹⁴⁹. Современный исследователь, изучающий взаимоотношения РПЦ и единоверчества, рисует картину, восстанавливающую для нас ближайший политический контекст высказывания Ахматовой и ее желания посетить службу именно в Никольском соборе:

Осенью 1927 г. в Ленинградской епархии возникло так называемое иосифлянское движение (или Истинно-Православная Церковь), получившее свое название по имени Ленинградского митр. Иосифа (Петровых) и вскоре распространившееся на значительную часть страны.

¹⁴⁷ Недоброво Н. Анна Ахматова // Русская мысль. 1915. № 7. С. 68 (2-я паг.). Нетрудно заметить, что именно указанная Недоброво социальная группа стала, во многом, основой будущего Белого движения в 1917–1922 годах.

¹⁴⁸ Борисоглебский М.В. Доживающая себя / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. С.А. Чернышевой // «Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сборник / Под общей ред. Д. Макфадьена и Н.И. Крайневой. М.; СПб., 2006 (= UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. V). С. 221–222.

¹⁴⁹ Лукницкий П.Н. Дневник 1928 года. С. 473–474.

Иосифляне представляли наиболее сильную и сплоченную часть более широкого движения «непоминающих», оппозиционного церковной политике советской власти и заместителю патриаршего местоблюстителя митр. Сергию (Страгородскому). Уже в декабре 1927 г. община Никольского собора (как и приходы других единоверческих храмов Ленинграда) во главе со своим настоятелем о. Алексием Шелепиным присоединилась к иосифлянам и вышла из подчинения митр. Сергия¹⁵⁰.

По мере ужесточения политического климата в СССР такая «политика неучастия» и дистанцирования от любых форм взаимодействия с социумом начинает выглядеть все более вызывающе. В 1930 году Ахматову, как «неактивную», сняли с академического обеспечения ЦЕКУБУ¹⁵¹ (после чего и начались хлопоты о назначении ей персональной пенсии, вызвавшие уже известную нам эпистолярную реакцию Мандельштама). В 1934 году Ахматова, несмотря на возвращение ее имени в печать¹⁵², *единственная* из всех писателей, не подает заявления в новый Союз советских писателей СССР (из прежнего ВСП она вышла в 1929 году в знак протеста против травли Замятина и Пильняка). Это не проходит незамеченным уже на уровне партийного руководства страны¹⁵³. Политический смысл «молчания»

¹⁵⁰ Шкаровский М.В. Единоверческие общины Санкт-Петербурга (Ленинграда) в 1900-е — 1930-е гг. // Христианское чтение. 2020. № 1. С. 166.

¹⁵¹ Соболев А.Л. Указ. соч. С. 199. План зачисления Ахматовой в немногочисленную группу получающих денежное пособие от ЦЕКУБУ по высокой IV категории (высшей была пятая; см.: Долгова Е.А. Власть, ЦЕКУБУ и творческая интеллигенция в социально-экономических обстоятельствах 1920-х гг.: позиции, статусы, декорации // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 1. С. 121–123) возник в начале 1925 года и реализовался в ноябре 1925-го с помощью Лукницкого и Пунина — фактически без ее желания и участия (см.: Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. С. 248; коммент. Т.М. Двинятиной). Характерно, что и в 1939 году, после принятия президиумом ССП СССР резолюции «О помощи А. Ахматовой», ответственный за реализацию этого решения К.А. Федин, хорошо осведомленный о позиции Ахматовой в 1920-е — начале 1930-х годов, всерьез опасался за успех предприятия, «зная особенности характера Анны Андреевны». В связи с этим было решено текст резолюции президиума ССП «не <...> показывать Анне Андреевне, которая должна быть поставлена перед совершившимся фактом помощи ей» (письмо К.А. Фекина М.М. Зоценко, 15 ноября 1939 года: Между молотом и наковальней. Т. 1. С. 875; курсив наш).

¹⁵² В 1933–1934 годах Ахматова публикует статью «Последняя сказка Пушкина» и перевод писем Рубенса.

¹⁵³ См.: Морев Г. Поэт и Царь: Из истории русской культурной мифологии (Мандельштам, Пастернак, Бродский). М., 2020. С. 52–53. Ср. демонстративно-отчужденную реакцию Ахматовой на относящиеся к этому же времени уговоры Пастернака вступить в Союз советских писателей: «Анна Андреевна постукивает пальцами по своему чемоданчику, иногда многозначительно, почти демонстративно взглядывает на меня и ничего не отвечает» (Герштейн. С. 216).

Ахматовой и ее исчезновения с литературной сцены тогда же эксплицитно не в меру рьяными адептами советской литературы, что даже вызывает публичный протест представляющей последствия такого рода заявлений здравомыслящей публики — в мае 1934 года на Всесоюзном поэтическом совещании бывший акмеист Сергей Городецкий заявляет: «Огромный поэт — Анна Ахматова, поэт, который ушел в молчание или контрреволюцию (*Голос с места: Для того, чтобы так говорить, нужно знать*)»¹⁵⁴.

Людьми, связанными, подобно Мандельштаму, с Ахматовой общим литературным и, шире, культурным прошлым, но с конца 1920-х годов настроенными на ассимиляцию с советской действительностью, ее позиция отчетливо прочитывалась как оппозиционная этому социокультурному вектору. 22 марта 1931 года Д.С. Усов полемически откликнулся на (неизвестное нам) письмо В.А. Рождественского с упоминанием Ахматовой:

Вы правы — жить надо во что бы то ни стало (это я первый готов повторить вслед за Вами). Но дело в том, что если глядеть теми глазами, которыми Вы смотрите на мир *сейчас*, сам я — именно мертвый человек. Вы знаете, что у меня есть чувство долга и ответственности, — но выше моих сил видеть *жизнь* там, где для меня и мне подобных есть смерть и разрушение.

Вы смотрите на Анну Андреевну и говорите, что у Вас «духу не хватило сказать себе: „Каждый сам выбирает свою судьбу“». Но есть дороги, которые не мы выбираем и сойти с которых возможно, только уйдя из жизни¹⁵⁵.

В 1938 году во время следствия по делу Л.Н. Гумилева факт отказа Ахматовой вступить в ССП трактовался органами НКВД в сфальсифицированном протоколе допроса Гумилева от 20 мая как «знак открытого протеста против ВКП(б) и Советского правительства» (*Разумов А.Я. Дела и допросы // «Я всем прощение дарю...»*. С. 288; в 1955 году Л.Н. Гумилев свидетельствовал, что подписал этот протокол, «будучи избит, даже в процессе подписания протокола следователь <...> избивал меня палкой по шее (по сонной артерии)» [Там же. С. 313]).

¹⁵⁴ *Тименчик Р. Карточки // Он же. Ангелы — люди — вещи в ореоле стихов и друзей. М., 2016. С. 233.* Фактический запрет на «молчание», на попытки избежать публичного выражения солидарности с партийной политикой стал, как показывает Л.С. Флейшман, фактором общественно-политической жизни осенью 1930 года, после вынужденного заявления Бухарина о поддержке им генеральной линии партии 19 ноября 1930 года (см.: *Флейшман Л. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 37–42*). Характерно, что позднее, в 1939 году, И.Э. Бабель, будучи арестован, первоначально предполагал, что причиной ареста явилось его многолетнее молчание как прозаика (см.: *Христофоров В. Документы архивов госбезопасности об Исааке Бабеле // Российская история. 2015. № 1. С. 145*).

¹⁵⁵ *Усов Д. «Мы сведены почти на нет...»*. Т. 2. С. 558. П.Н. Лукницкий, поясняя в позднем (1962) письме к Ахматовой причины их расхождения, писал: «<...>

Такая принципиальность не вызвала понимания и у Мандельштама со свойственной ему схожей установкой «цепляться за все, чтобы жить»¹⁵⁶. Поэтическое молчание Ахматовой во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов он напрямую связывает с «твердостью» ее социально-политической позиции, нежеланием и/или неумением принять новую общественную и, что существенно, языковую реальность: «Словарный склероз и расширение аорты мировоззрения, ее [Ахматовой] недостаточная гибкость — вот причины молчания», — «черство», то есть абстрагируясь от личной приязни, говорит он Рудакову 11 февраля 1936 года¹⁵⁷.

Анахроничность социальной позиции Ахматовой в то же время увязывается для Мандельштама с ее высочайшим литературным статусом, базирующимся на признании тех самых кругов, которые ранее недооценили его самого («символисты и формалисты»): «Осип Эмильевич утверждал, что Ахматова неофициально уже признана классиком»¹⁵⁸. В полном соответствии с ранее изложенной Горнфельдом претензией Мандельштама («Если бы своевременно он [Горнфельд] понял и выяснил, кто такой Мандельштам, мне не пришлось бы прибегать для пропитания к таким способам») именно высокий статус Ахматовой, по мысли Мандельштама, позволяет ей «сохранять

с 1930 года <...> началось формирование моего нового мировоззрения. Между мною и Вами появилась тектоническая трещина внутреннего <...> несогласия в отношении Вашем и в отношении моем к окружающей нас „современности“» (Переписка А.А. Ахматовой и П.Н. Лукницкого. 1925–1962 / Публ. Т.М. Двинятиной // Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. С. 280).

¹⁵⁶ Слова Н.Я. Мандельштам из письма С.Б. Рудакова от 2 августа 1935 года: Рудаков. С. 80. Характерно, что в начале 1938 года эта позиция подверглась прямому осуждению Л.Н. Гумилева: «Слишком цепляется за жизнь» (Герштейн. С. 249).

¹⁵⁷ Рудаков. С. 145. В сжатом виде и с известной осторожностью те же претензии были высказаны Мандельштамом ранее в статьях 1923 года («Буря и натиск», «Vulgata: Заметки о поэзии»), не вошедших в изданную после возобновления тесных отношений с Ахматовой в 1925 году книгу «О поэзии» (Л., 1928). Н.Я. Мандельштам позднее, в письме 1958 года к Ахматовой, объясняла эти критические отзывы Мандельштама его просоветскими («лефовскими») симпатиями в этот период (Мандельштам Н. Об Ахматовой / Сост. П. Нерлера. М., 2007. С. 248–250; ср. в «Комментариях к стихам 1930–1937 гг.»: «Мандельштам же был чувствителен к лефовской пропаганде» [НМ. Т. 2. С. 743]). В описании Ахматовой эти мотивировки приобрели (в 1960-е годы) следующий вид: критика ее Мандельштамом «соответствовала [его] кратковременному настроению — боязни устареть» (Будыко М. Рассказы Ахматовой // Звезда. 1989. № 6. С. 75). Е.А. Тоддес также возводит «известный выпад против Ахматовой в „Заметках о поэзии“» к противостоянию позиции Ахматовой и мандельштамовских «поисков синтеза революции и культуры» (Тоддес Е.А. Поэтическая идеология // Тоддес. С. 703).

¹⁵⁸ Герштейн. С. 53.

величественную индифферентность» в то время, как «Мандельштаму приходится вести ежедневную борьбу за существование»¹⁵⁹.

Осознаваемая Ахматовой и Мандельштамом в 1920–1930-е годы и принимаемая ими (несмотря на личную близость) как данность разница творческих установок и литературного позиционирования («классик» vs. современный = советский автор) оказалась закамouflирована позднейшей поэтической мифологией Ахматовой («Нас четверо», 1961), элиминирующей различия и настаивающей на единстве поэтических судеб — своей, Мандельштама, Пастернака и Цветаевой. Постфактум описываемые Ахматовой в терминах «литературной дружбы»¹⁶⁰ отношения ее с Мандельштамом стали сводиться в культурном сознании, по преимуществу, к «идее диалога двух поэтов (и отсюда — форсированного сближения их по разным линиям)»¹⁶¹. Свидетельства немногих независимых от этой идеологии мемуаристов позволяют нам реконструировать реальную «литературно-бытовую» картину и дифференцировать личные и литературные отношения Мандельштама и Ахматовой. Очень характерен в этом отношении эпизод, сохраненный памятью С.В. Поляковой. Он относится ко времени приезда Мандельштама в Ленинград в феврале — марте 1933 года с организованными бывшим антрепренером Маяковского П.И. Лавутом выступлениями в Капелле и Доме печати.

По счастливой случайности, когда Мандельштам приезжал в Ленинград с новыми стихами, я увидела в Капелле, где он должен был читать, Ахматову. Она была одна и посетовала мне на то, как в темноте и скользките доберется до дому. Я вызвалась ее проводить и обещала по окончании чтения подойти к ней. Так я и сделала. Ахматова стояла, видимо, дожидаясь меня, и едва я успела заверить, что готова ее сопровождать, как к ней подошел Мандельштам. Из вежливости я отступила на несколько шагов и, чтобы не потерять Ахматову в толпе, встала немного поодаль. В точности передачи этого эпизода, зная, что то, чему я была свидетельницей, не соответствует представлениям об их отношениях, я абсолютно ручаюсь. Анна Андреевна и Мандельштам обменялись десятком фраз, из которых можно было сделать вывод, что они после его приезда не виделись. Мандельштам обратился к Анне Андреевне по имени и отчеству, разговаривал с ней очень торопливо

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Записные книжки Анны Ахматовой. С. 224 (запись 1962 года).

¹⁶¹ Тименчик Р. Ахматова и Мандельштам: Что значит «литературная дружба» // Новая Польша. 2011. № 12. С. 16.

и, к моему удивлению, не приглашал принять участие в праздновании своего выступления, хотя сказал, что сейчас отправляется в гостиницу, где соберется несколько человек. Он осведомился, как Анна Андреевна дойдет до дому. На это она, кивнув в мою сторону, сказала: «Эта барышня любезно предложила проводить меня». Тогда Мандельштам простился и куда-то убежал¹⁶².

Недоумение мемуаристки, диктуемое несоответствием увиденного утвердившейся в культурном сознании схеме, снимается, если учесть, что упомянутый поэтический вечер Мандельштама в Академической капелле 23 февраля 1933 года — одна из высших точек его литературной карьеры и знаковое событие в советской литературной жизни периода «оттепели» перед Первым съездом писателей, когда ряд видных попутчиков был возвращен к активной публичной деятельности. Именно в этом качестве выступление Мандельштама и было воспринято литературным Ленинградом. Сама Ахматова в позднейших «Листках из дневника» вспоминала: «<...> Осипа Эмильевича встречали в Ленинграде как великого поэта, *persona grata* и т.п., к нему в „Европейскую“ гостиницу на поклон пошел весь литературный Ленинград (Тынянов, Эйхенбаум, Гуковский) и его приезд и вечера были событием, о котором вспоминали много лет»¹⁶³. Состав участников «празднования» в «Европейской» (где Мандельштам читал «Путешествие в Армению») уточняется по другим известным сегодня воспоминаниям — к названным Ахматовой именам добавляются имена Николая Тихонова, Михаила Слонимского, Виссариона Саянова, Виктора Сержа¹⁶⁴ — известных ленинградских писателей и/или активнейших участников советской литературной (а в случае Сержа и политической) жизни. Литературная внеположность Ахматовой этому ряду и ее «бытовая» несовместимость с ним для Мандельштама были очевидны (он посещает ее отдельно в Фонтанном Доме). «Историко-литературная» и человеческая общность, верность которой Мандельштам в эти же дни подтверждает публично¹⁶⁵, оказывается тем не менее обособлена от актуальной

¹⁶² Полякова С.В. Встречи с Анной Ахматовой // Она же. Указ. соч. С. 382.

¹⁶³ Ахматова А. Листки из дневника. <О Мандельштаме> // Она же. Победа над судьбой. I. С. 111.

¹⁶⁴ См.: Басалаев И. Записки для себя / Публ. Е.М. Царенковой, примеч. А.Л. Дмитренко // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1996. Вып. 19. С. 436–438; Serge V. La tragédie des écrivains soviétiques. Paris, 1947. P. 4–5 (рус. пер.: Тименчик Р. Последний поэт. Т. 2. С. 158–159).

¹⁶⁵ 2 марта на вечере в Доме печати Мандельштам «горячо объявил, что он „тот самый Мандельштам, который был, есть и будет другом своих друзей,

литературной повестки, в которой он — в отличие от Ахматовой — всецело существует.

Ахматова вспоминала о встрече с Мандельштамом, состоявшейся в Фонтанном Доме спустя несколько дней после его вечера в Капелле:

Он только что выучил итальянский язык и бредил Дантом, читая наизусть страницами. Мы стали говорить о «Чистилище», и я прочла кусок из XXX песни (явление Беатриче) <...> Осип заплакал. Я испугалась — «что такое?» — «Нет, ничего, только эти слова и вашим голосом»¹⁶⁶.

В апреле Мандельштам начинает писать «Разговор о Данте», где фигура итальянца, «разночинца старинной римской крови», очевидным образом спроецирована на него самого — с «чисто пушкинской камер-юнкерской борьбой за социальное достоинство и общественное положение поэта». При всем неприятии литературной стратегии Ахматовой Мандельштам вчуже не мог не видеть ее своеобразной эффективности в этой «камер-юнкерской борьбе», понимая в то же время всю неорганичность подобной модели поведения для себя. «Внутреннее беспокойство и тяжелая, смутная неловкость, сопровождающая на каждом шагу неуверенного в себе, как бы недовоспитанного, не умеющего применить свой внутренний опыт и объективировать его в этикет, измученного и загнанного человека» — все эти, атрибутируемые Мандельштамом Данту качества, исчерпывающе описывали его собственное положение к весне 1933 года.

10

Катастрофа 1934 года (арест Мандельштама в ночь на 17 мая), вызванная написанием в ноябре 1933-го антисталинской инвективы, была подготовлена событиями 1931–1933 годов и той эволюцией, которую пережил поэт за этот период.

Н.Я. Мандельштам вспоминала:

Мы вернулись в Москву в 31-м году. Голодная Москва. Голод, раскулачивание и пятилетки. Жили у брата О.Э., он куда-то уехал с женой, только что женился и уехал. [А.Б.] Халатов встретил на улице Мандельштама и спросил у него, есть ли у него <...> паек... Мандель-

---

соратником своих соратников, современником Ахматовой» (дневник Е. Миллор; цит. по: *Летопись*. С. 404).

¹⁶⁶ Ахматова А. Листки из дневника. <О Мандельштаме>. С. 111.

штам даже и не слышал о пайках. Халатов рассвирепел: «Что у вас там делается?» — и дал ему плюс один из советских писательских, и мы в этот период, в общем, мало голодали, были прикреплены к ВЦИКу и, живя в разных квартирах, пустых чужих комнатах, обычно давали ненормированные продукты всей квартире. Молоко, например, было не нормировано, и счастливая семья рядом получала молоко для детей¹⁶⁷.

Выразительная картина, встающая за этим мемуарным фрагментом, чрезвычайно точно передает парадоксальное положение Мандельштамов после возвращения из поездки по Закавказью и петергофского санатория ЦЕКУБУ. С одной стороны, патронаж государства (упомянутый А.Б. Халатов был в это время председателем правления Госиздата и ЦЕКУБУ), выражающийся не просто в получении ими продовольственных карточек, с которыми вся страна жила с января 1931 года, но в прикреплении к элитному *спецснабжению*¹⁶⁸ («вциковский» паек), маркирует их как часть советской номенклатуры. С другой — эта номенклатура вынуждена кочевать по съемным комнатам или жить у родственников в коммунальных квартирах. Место Мандельштама на номенклатурной лестнице оказывается недостаточно высоко, чтобы с помощью государства решить две базовые проблемы, о которых Н.Я. Мандельштам писала Молотову, — трудоустройства и жилья («роскошные санатории будут чередоваться с настоящим бродяжничеством»). Окончательный отказ от «фабрики переводов», заявленный в письме Молотову, подразумевал, однако, резкую интенсификацию усилий по преодолению «необеспеченности и полубездомности» (из письма Мандельштама неустановленному адресату, нач. 1930 года (?): III: 494).

Что касается денег, Мандельштам твердо намерен реализовать модель существования на «бюджетный заработок (лит<ературный>)» (из письма Е.Э. Мандельштаму, 11 мая 1931 года: III: 503). Последнее уточнение принципиально важно — во второй половине 1930 года поэт возвращается к стихам; это служит основным стимулом его литературной работы, не имеющей более в виду возврата к той или иной форме поденщины, вроде службы в комсомольских газетах

¹⁶⁷ Кларенс Браун: Воспоминания о Н.Я. Мандельштам и беседы с ней. С. 447–448.

¹⁶⁸ Об истории и структуре советского спецснабжения рубежа 1930-х годов, отражавшего новую социальную иерархию, см.: Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 / 2-е изд., доп. М., 2008. С. 137–154.

(«<...> служить грешно, потому что работается сейчас здорово» [III: 503]¹⁶⁹). Принципиальной же является и установка Мандельштама на публикацию новых текстов — вовсе не сама собой подразумевавшаяся у авторов, испытывающих в это время трудности с цензурой. Выше мы подробно остановились на позиции Ахматовой. 11 августа 1928 года М.А. Булгаков, столкнувшийся с запретом ряда своих произведений, пишет Горькому: «Я знаю, что мне вряд ли придется разговаривать печатно с читателем. Дело это прекращается. И я не стремлюсь уже к этому»¹⁷⁰. Мандельштам, за редчайшими исключениями, все свои новые вещи предназначает для печати. Известны переданные им в 1931 году для публикации в журналы «Новый мир» и «Ленинград» подборки стихотворений из числа «Новых стихов», включающие в себя тексты, которые позднейшая традиция, в очевидном противоречии с синхронным авторским восприятием, относит к числу «отщепенских» («Мы с тобой на кухне посидим...», «Не говори никому...», «Куда как страшно нам с тобой...», «На полицейской бумаге верже...» и др.)¹⁷¹. Виктор Серж, описывая чтение Мандельштамом «Путешествия в Армению» в номере «Европейской» гостиницы в феврале 1933 года, вспоминает: «Кончив читать, Мандельштам спросил нас: „Вы верите, что это можно будет напечатать?“»¹⁷² Подавляющее большинство текстов Мандельштама не проходит редакторский или цензурный фильтры (из пятидесяти пяти входящих в «Новые стихи» вещей¹⁷³ опубликовано при жизни поэта было одиннадцать). Подводя некий итог возвращению к литературной жизни, Мандельштам так описывал ситуацию в письме брату: «<...> я, конечно, не стал ходовым автором, пишу очень мало

¹⁶⁹ Ср. в воспоминаниях Рюрика Ивнева: «Один раз я попытался ему [Мандельштаму] объяснить, что бывают времена, когда поэты не могут существовать на одни гонорары и должны находить себе параллельные работы — чтение лекций... или сотрудничество в журналах и газетах... Мандельштам воскликнул: „О работе не может быть и речи!“» (Ивнев Р. Осип Мандельштам // Кодры. 1988. № 2. С. 105).

¹⁷⁰ Михайлова Е.И., Назаров И.А. «Есть только один человек, который их может взять...»: А.М. Горький в истории возвращения М.А. Булгакову дневника и повести «Собачье сердце» (по материалам Архива А.М. Горького) // Михаил Булгаков в потоке российской истории XX–XXI вв.: Материалы Девятого Международных научных чтений, приуроченных к дню ангела писателя (Москва, ноябрь 2018 г.) / Под ред. Е.И. Михайловой. М., 2019. С. 112.

¹⁷¹ См. коммент. А.Г. Меца в издании: I: 589.

¹⁷² Serge V. Op. cit. (рус. пер.: Тименчик Р. Последний поэт: Анна Ахматова в 60-е годы. Т. 2. С. 159).

¹⁷³ Мы принимаем здесь цикловое единство («Армения», «Стихи о русской поэзии» и др.) за единицу текста.

и медленно, и 90% не печатается даже в самых благоприятных условиях» (июль/август 1932 года: III: 510)¹⁷⁴.

Первостепенно важно, однако, что сложившееся положение Мандельштам тем не менее (вос)принимает как результат собственно осознанного и добровольного *выбора* — между возвращением к советской литературной и общественной жизни и уходом, на манер Ахматовой, в самоизоляцию и оппозицию «современности». Последнее ассоциируется для него с неизбежной консервацией, обеднением и иссякновением поэтической речи (напомним, что именно «недостаточной [социальной] гибкостью» Ахматовой и ее «мировоззрения» объяснял Мандельштам ее поэтическое молчание второй половины 1920-х — начала 1930-х годов). Поэтическая немота видится ему выбором худшим, нежели пусть проблемное, но существование в актуальной социокультурной повестке.

Но не хочу уснуть, как рыба
В глубоком обмороке вод
И дорог мне свободный выбор
Моих страданий и забот —

с помощью прозрачной «ихтиологической» метафоры эксплицирует Мандельштам свою позицию в отброшенной при публикации в «Новом мире» (1932. № 4) заключительной строфе стихотворения «О, как мы любим лицемерить...» (I: 479; май 1932 года)¹⁷⁵.

«Свободный выбор», связанный с возвращением к литературной жизни после скандала вокруг «дела Уленшпигеля» — то есть с преодолением разрыва, который поэт еще год назад считал «богатством» и боялся «расплескать» — неизбежно провоцировал авторефлексию.

¹⁷⁴ О соотношении опубликованного и неопубликованного в доворонежских стихах Мандельштама см. также в письме С.Б. Рудакова 29 мая 1935 года: «Сейчас 1930–1933 годов — надиктовано [Мандельштамом] 406 строк (а в журналах около 250, да будет диктованья еще около 150)» (Рудаков. С. 57).

¹⁷⁵ Не исключено, что именно чересчур «однозначный» характер этой констатации привел к исключению ее из печатного текста и последующей замене «имперсональной» редакцией: «Линяет зверь, играет рыба / В глубоком обмороке вод — / И не глядеть бы на изгибы / Людских страстей, людских забот» (I: 173). Заметим, что подобной же авторедактуре, по точному выражению И.М. Семенко, «ослабляющей трагизм открытого смысла» (Семенко И.М. Поэтика позднего Мандельштама: От черновых редакций — к окончательному тексту / 2-е изд., доп. М., 1997. С. 25), подвергся ранее текст «Грифельной оды» (1923) с его политическими импликациями, а позднее — текст «Стихов о неизвестном солдате» (1937). М.Л. Гаспаров называет такую манеру работы Мандельштама «затушевающей <...> идейный генезис» стихов (Гаспаров М.Л. О Мандельштаме: Гражданская лирика 1937 года / 2-е изд. СПб., 2013. С. 17).

Этого требовали и недавние, ставшие отчасти публичными, заявления Мандельштама об «уходе из литературы»¹⁷⁶. Поэтическим манифестом нового этапа и одновременно постскриптумом к начавшейся с претензий Горнфельда и чрезвычайно травмировавшей Мандельштама истории с переводами стало, на наш взгляд, написанное в марте 1931 года стихотворение «За гремучую доблесть грядущих веков...»

Разыскания И.М. Семенко, проследившей историю выработки окончательного текста «Волка» (как сокращенно называли текст Мандельштама), позволяют увидеть, что тема литературы, «некоей письменной продукции»¹⁷⁷, включающая в себя указание на тесно связанную с «делом Уленшпигеля» газету (*Не табачную кровью газета плюет*), возникает у поэта сразу и обостряется по мере работы. Изначально она сопряжена с темой противопоставления и противостояния «массы и певца»¹⁷⁸, причем, как точно замечает Семенко, совокупность мотивов, характеризующих в черновиках стихотворения «массу» (*чернила и кровь*), раскрывается, будучи повторена Мандельштамом в стихотворении «Квартира тиха, как бумага...» (1933), где она обозначает ненавистный ему тип «разрешенного писателя» («Какой-нибудь изобразитель, / Чесатель колхозного льна, / Чернила и крови смеситель / Достоин такого рожна»). Именно этот тип литератора, противостоявший, по мысли Мандельштама, ему в конфликте вокруг переводов, стал объектом авторской ненависти в «Открытом письме советским писателям» и в «Четвертой прозе». В окончательной редакции текста присутствует и мотив конфликта поэта со старшим литературным поколением («Я лишился и чаши на пире отцов»), игравший, как мы помним, важнейшую роль в восприятии Мандельштамом «дела о переводах». Упоминание волка и века-волкодава вводит ключевую для всего сюжета тему травли. Появление «политического» мотива ссылки, дающего основания для более широкой интерпретации всего текста, может, как кажется,

---

¹⁷⁶ По выражению из приветствия Секции поэтов ВССП Мандельштаму по случаю его возвращения из Грузии в Ленинград 28 декабря 1930 года (Мандельштам в архиве П.Н. Лукницкого / Публ. В.К. Лукницкой, предисл. и публ. П.М. Нерлера // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М., 1991. С. 143). Очевидно, что авторы приветствия, говоря об уходе Мандельштама из литературы, имели в виду его «Открытое письмо советским писателям» (январь 1930 года), которое, видимо, несмотря на запрет автора распространять его (в письме жене от 24 февраля 1930 года), имело некоторое хождение в писательских кругах.

¹⁷⁷ Семенко И.М. Указ. соч. С. 53.

¹⁷⁸ Там же. С. 52.

быть объяснено тяжелым опытом Мандельштама, несколько раз дававшего на заключительном этапе рассмотрения «дела Уленшпигеля» многочасовые показания следователям ЦКК ВКП(б), интересовавшимся, как мы уже указывали, его политическим прошлым. При этом страшная *жаркая шуба сибирских степей* напоминает о ненавистной *жаркой гоголевской/литературной шубе* из посвященного конфликту вокруг «Тиля» фрагмента «Четвертой прозы». Наконец, «тусклое имя Горнфельда» — «убийцы русских поэтов или кандидата в эти убийцы» — оказывается имплицировано в последней строке («И меня только равный убьет»¹⁷⁹), манифестирующей, с одной стороны, все то презрение Мандельштама к своему обидчику, которое выразилось в посвященных ему строках «Четвертой прозы», а с другой — демонстрируемую всем текстом стихотворения тщетность попыток «горнфельдов» уничтожить Поэта. Именно скрытое «посвящение» Горнфельду, автору известной (и упоминаемой в связи с ним в «Четвертой прозе») книги, названной цитатой из стихотворения С.Я. Надсона — «Муки слова» — вероятно, объясняет, в полном соответствии с мандельштамовской теорией «опущенных звеньев»¹⁸⁰, «домашнее» именование этого стихотворения у Мандельштамов «Надсоном»¹⁸¹.

Понимание нереальности получения штатной оплачиваемой службы («академической спокойной работы», по определению Н.Я. Мандельштам из письма Молотову) и, одновременно, того, что «литература моя — весьма убыточное и дорогое занятие» (из письма Е.Э. Мандельштаму, 11 мая 1931 года: III: 503), приводит Мандельштама в начале 1932 года к пересмотру ригористической позиции, занятой им в начале 1930 года и касавшейся преждевременности

¹⁷⁹ По утверждению И.М. Семенко (Там же. С. 58), этот окончательный вариант зафиксирован рукой Н.Я. Мандельштам в копии 1935 года. Время его создания поэтом, однако, неизвестно.

¹⁸⁰ См.: «Вышло, что я тоже не понимаю „Египетской марки“. Вернувшись в Москву, я призналась в этом Осипу Эмильевичу. Он объяснил мне очень добродушно: — Я мыслю опущенными звеньями...» (*Герштейн*. С. 19); ср. воспоминание Г.В. Адамовича: «Мандельштам в разговоре логику отнюдь не отбрасывал, но ему казалось, что звенья между высказываемыми положениями ясны собеседнику так же, как ему самому, и он их пропускал» (*Адамович Г.* Несколько слов о Мандельштаме // *Воздушные пути: Альманах / Ред.-изд. Р.Н. Гринберг*. Нью-Йорк, 1961. [Вып.] II. С. 95–96).

¹⁸¹ По воспоминаниям С.И. Липкина (*Липкин С.* Квадрига: Повесть. Мемуары. М., 1997. С. 389). Эта интерпретация, на наш взгляд, не противоречит предположенной ранее Омри Роненом — о связи «домашнего» имени текста и стихотворения Надсона «Верь, настанет пора и погибнет Ваал...» — но дополняет ее (см.: *Ронен О.* О «русском голосе» Осипа Мандельштама // *Он же. Поэтика Осипа Мандельштама*. СПб., 2002. С. 54).

получения им пенсии («не хочу фигурировать Мандельштамом»). Теперь пенсия воспринимается как своего рода паллиатив «исторически-архивной службы» (из того же письма Молотову): 21 февраля Бухарин и Халатов инициируют процесс назначения Мандельштаму персональной пенсии «всесоюзного значения», увенчавшийся, «учитывая заслуги его в области русской литературы», 23 марта постановлением СНК СССР о «пожизненной персональной пенсии в размере 200 рублей в месяц»¹⁸².

Тогда же, в конце января — начале февраля 1932 года, после долгих проволочек и хлопот, разрешается и вторая — жилищная — проблема: Мандельштам получает жилье в «писательском» Доме Герцена на Тверском бульваре.

11

Л.М. Видгоф, детально изучивший в специальной работе пребывание Мандельштама в Доме Герцена, подчиняясь некоей исследовательской инерции, ассоциирующей в биографии поэта — в соответствии с мемуарной формулой Н.Я. Мандельштам «все хорошее в нашей жизни <...> устраивал Бухарин»¹⁸³ — любую существенную помощь с Н.И. Бухариным, связывает получение жилплощади, прежде всего, с его именем. Он цитирует написанное в мае 1931 года письмо поэта отцу — «Еще год назад некоторые руководящие работники надумали обеспечить меня квартирой. Но где ее взять, они сами не знали» — оговаривая, что «„руководящие работники“ — это, несомненно, в первую очередь Н. И. Бухарин»¹⁸⁴. Между тем указание Мандельштама («год назад»), пусть и не с календарной точностью (в мае 1930 года он был в Сухуме), отсылает к периоду его борьбы с «Литературной газетой» и ФОСП, отмеченному поддержкой Мандельштама со стороны Л.Л. Авербаха. Есть все основания думать, что эта поддержка не ограничивалась трудоустройством Мандельштама в «комсомольскую» прессу, но и предполагала помощь в ре-

¹⁸² Персональный пенсионер всесоюзного значения / Публ. Л.Г. Аронова, П.М. Нерлера // Наше наследие. 2016. № 117. С. 75. Ахматова первоначально (1930) получила пенсию в 75 рублей (не пожизненно; см.: *Соболев А.Л.* Указ. соч. С. 206 и след.). Пенсии Мандельштам, как административно высланный, был лишен в мае 1935 года.

¹⁸³ *НМ.* Т. 1. С. 340.

¹⁸⁴ *Видгоф Л.* «Квартирный вопрос»: Как Осип Мандельштам жил в Доме Герцена (по архивным материалам) // Он же. Мандельштам и... Архивные материалы. Статьи для энциклопедии. Работы о стихах и прозе Мандельштама. М., 2018. С. 88.

шении «жилищного вопроса»¹⁸⁵. Характерное уточнение («но где ее взять, они сами не знали») описывает пределы компетенции именно Авербаха, не занимавшего, в отличие от Бухарина, никаких *государственных* постов и не имевшего прямого доступа к распределению жилищного фонда.

В декабре 1929 года Авербах в рамках борьбы с партийной «группой Щацкина — Ломинадзе» был направлен на работу в Смоленск, что не могло не оборвать его контактов с Мандельштамом. Летом 1930 года Сталин удовлетворил просьбу руководства РАППа о возвращении Авербаха в Москву¹⁸⁶. Судя по письму Мандельштама отцу середины мая 1931 года, «руководящие работники» (Авербах) «от своего благого почина не отступились» («В настояниях своих идут дальше, нажимают, звонят по телефону» [III: 505]¹⁸⁷). 1 сентября 1931 года в письме секретарям ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу и П.П. Постышеву Авербах от имени фракции ВКП(б) в ФОСП ставит вопрос о «ряде видных попутчиков, предоставление жилой площади которым имеет политическое значение». В списке писателей, которые «нуждаются в жилой площади, работая сейчас в недопустимых условиях», был указан и Мандельштам¹⁸⁸. Именно после этого письма Авербаха 10 октября 1931 года жилищная комиссия Горкома писателей на своем заседании принимает принципиальное решение выделить Мандельштаму «освобождающуюся квартиру» в Доме Герцена¹⁸⁹, давая старт острой борьбе, закончившейся тем не менее вселением Мандельштамов на Тверской бульвар в начале 1932 года.

¹⁸⁵ К характеристике Авербаха ср. в воспоминаниях Вацлава Сольского: «Он был хорошим другом, на которого всегда можно было рассчитывать, и который тратил массу времени, чтобы кого-нибудь устроить на работу, или отправить в дом отдыха, или помочь ему материально. Он для друзей готов был сделать все, даже в тех случаях — мне такие случаи известны, — когда он расходился с ними политически, и когда он знал, что это может ему повредить» (Сольский В. «Снятие покровов»: Воспоминания о советской литературе и Коммунистической партии в 1920-е годы / Под ред. А. Квакина. СПб., 2005. С. 114).

¹⁸⁶ См. письмо Ф.И. Панферова и В.М. Кирсона Сталину от 11 июля 1930 года: «Счастье литературы»: Государство и писатели. 1925–1938. Документы / Сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1997. С. 79. Эта просьба не была первой со стороны руководства РАППа: см. письмо А.А. Фадеева Сталину от 15 декабря 1929 года (И.В. Сталин. Ответ писателям-коммунистам из РАППа. 28.02.1929. К истории роспуска РАППа / Публ. М. Никё // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 12. С. 369).

¹⁸⁷ Ср. свидетельство Н.Я. Мандельштам о встрече с Авербахом в 1931 году в письме Н.И. Харджиеву от 15 апреля 1957 года: *Мандельштам Н. Об Ахматовой*. С. 302–303.

¹⁸⁸ «Счастье литературы». С. 113.

¹⁸⁹ *Видгоф Л.* Указ. соч. С. 82.

Однако изучение контактов Мандельштама с Авербахом — и шире, со связанными с ним партийными кругами (в частности, с оппозиционно настроенным первым секретарем Заккрайкома ВКП(б) В.В. Ломинадзе, который обсуждал с Авербахом «литературные вопросы»¹⁹⁰, а также «исключительно внимательно и дружелюбно встретил О.М.»¹⁹¹ и «вел с ним переговоры о том, чтобы [Мандельштам мог] остаться на архивной работе в Тифлисе»¹⁹²) — имеет значение не столько для уточнения деталей биографии поэта, сколько для определения генезиса некоторых тем в текстах Мандельштама этого времени¹⁹³ и, прежде всего, того политического субстрата, из которого растут стихи Мандельштама, приведшие к катастрофе 1934 года и, в первую очередь, его антисталинская инвектива.

Омри Ронен в связи со стихотворением «Мы живем, под собою не чуя страны...» указывал на оппозиционную платформу М.Н. Рютина 1932 года¹⁹⁴. Л.М. Видгоф в пионерской работе, посвященной

¹⁹⁰ Из заявления Л.Л. Авербаха Г.К. Орджоникидзе от 26 октября 1930 года (Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) 1923–1938 гг. Т. 3: 1928–1938 гг. С. 258). Получив от Г.К. Орджоникидзе в 1936 году письма к нему Ломинадзе 1929 года, Сталин 4 декабря писал членам Политбюро: «Из этих писем видно, что Ломинадзе уже в 1929 году вел борьбу против ЦК и его решений <...> Совершенно ясно, что если бы ЦК имел в руках в свое время эти письма Ломинадзе, он ни в коем случае не согласился бы направить Ломинадзе в Закавказье на пост первого секретаря Заккрайкома» (*Хлевнюк О.* Указ. соч. С. 277).

¹⁹¹ *Мандельштам Н.* Комментарий к стихам 1930–1937 гг. // *НМ.* Т. 2. С. 705–706.

¹⁹² *Мандельштам Н.* Воспоминания // *НМ.* Т. 1. С. 226.

¹⁹³ Мы имеем в виду возникающий в стихотворении «На полицейской бумаге верже...» (октябрь 1930 года) неологизм «раппортички», обыгрывающий аббревиатуру «РАПП». А.Г. Мец связывает его возникновение с «недавними встречами [Мандельштама] с одним из лидеров РАППа А. Безыменским, иронически обрисованным в „Путешествии в Армению“» (I: 594). В связи с последним эпизодом существенным является то обстоятельство, что Безыменский в момент встречи с Мандельштамом в Сухуме весной 1930 года находится в жесткой оппозиции к руководству РАППа и лично к Авербаху (см.: *Быстрова О., Кутейникова А.* «Литературный фронт»: Хроника противостояния // *Текстологический временник: Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения.* М., 2012. Кн. 2. С. 790–814); эта «персонификация» конфликта Безыменского с РАППом обогащает скрупулезный анализ данного фрагмента «Путешествия в Армению», предпринятый в свое время Л.С. Флейшманом: *Флейшман Л.* Эпизод с Безыменским в «Путешествии в Армению» [1978] // Он же. От Пушкина к Пастернаку: Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006. С. 263–268). Негативная характеристика Безыменского из «Путешествия» («силач, подымающий картонные гири») будет повторена Мандельштамом применительно к «рапповским» поэтам в 1933 году («мальчишки с картонными наганами») (*Мец А.Г., Видгоф Л.М., Лубяникова Е.И., Субботин С.И.* Дополнения к Летописи жизни и творчества О.Э. Мандельштама // *Литературный факт.* 2020. № 3 (17). С. 361).

¹⁹⁴ *Ронен О.* Слава // Он же. Шрам: Вторая книга из города Энн. СПб., 2007. С. 242–259.

выявлению политического контекста антисталинских стихов Манделштама, говорит о целом «комплексе впечатлений», реконструируемом из периодики того времени и связанном с борьбой с «левой» и «правой» оппозициями, коллективизацией, борьбой с «вредителями» и т.д.¹⁹⁵ Не подвергая сомнению ценность собранного исследователями материала, заметим, что свою роль в политической эволюции Манделштама, несомненно, сыграло то обстоятельство, что *все* сколь-либо заметные советские политические и общественные деятели, с которыми он во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов лично (пусть и эпизодически) соприкасается и которые ему в той или иной степени симпатизируют, оказываются — независимо от своей, часто противоположной, политической ориентации («правой» или «левой») — принадлежащими к той достаточно широкой партийной оппозиции радикальному сталинскому курсу, которая возникает в конце 1920-х годов и оказывается окончательно криминализована к 1933 году.

И здесь к ряду уже известных имен (Н.И. Бухарин, Ф.М. Конар, В.В. Ломинадзе, М.П. Томский, А.Б. Халатов, Л.Б. Каменев) должно быть добавлено имя Л.Л. Авербаха.

Несмотря на внешне благополучную советскую карьеру, Авербах (в начале 1920-х годов связанный с Троцким)¹⁹⁶ был, как отмечено выше, уже в конце 1929 года подвергнут инициированным лично Сталиным санкциям за принадлежность к партийной группе Шацкина — Ломинадзе, требовавшей, по словам Сталина, «свободы пересмотра генеральной линии партии, свободы ослабления партдисциплины, свободы превращения партии в дискуссионный клуб»¹⁹⁷.

¹⁹⁵ Видгоф Л. Осип Манделштам: от «симпатий к троцкизму» до «ненависти к фашизму» // Colta.ru. 2020. 19 мая.

¹⁹⁶ Именно к указаниям Троцкого восходят высказывавшиеся Авербахом в 1929 году идеи о внимательном отношении коммунистов к попутчикам: «Что касается попутчиков, то здесь дело обстоит иначе. Они не повернулись спиной к революции, они глядят на нее, хотя бы и косым взглядом. Они видят многое, чего мы не видим, и показывают нам это. <...> попутчик, хоть сколько-нибудь расширяющий поле нашего зрения, более ценен, чем художник-коммунист, который ничего не прибавляет к тому, что мы создали и прочувствовали до него и без него. В этом, мне кажется, суть дела», — писал Троцкий Авербаху 28 марта 1924 года (Большая цензура. С. 74). Об отношениях Троцкого и Авербаха, «одного из молодых аспирантов „пролетарской литературы“», см. также: *Альфа* [Троцкий Л.Д.] Заметки журналиста // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1931. № 21–22. Май — июнь. С. 24–25.

¹⁹⁷ Письмо Сталина Молотову от 29 июля 1929 года (Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 135). О независимой и даже скрыто полемической по отношению к Сталину политике РАППа в 1929 году см. в указанной выше публикации М. Никё (И.В. Сталин. Ответ писателям-коммунистам из РАППа. С. 369).

Осенью 1930 года Авербах давал объяснения в связи с «делом Сырцова — Ломинадзе»¹⁹⁸. Несмотря на своевременное признание ошибок, принадлежность Авербаха к внутривнутрипартийной оппозиции никогда не была забыта Сталиным, с недоверием относившимся к Авербаху и его соратникам по РАППу: «Прячутся, острые ребята. Лица не показывают. Не показывают, чего хотят и к чему стремятся»¹⁹⁹. Осень 1931 года, когда было написано письмо Авербаха о предоставлении жилья Мандельштаму, отмечена началом партийного наступления на возглавлявшийся Авербахом РАПП²⁰⁰. Это наступление закончилось не только роспуском РАППа в апреле 1932 года, но фактически тем, что в начале 1934 года, по выражению П.Ф. Юдина, «ЦК прогнало его [Авербаха] из литературы»²⁰¹.

Воспоминания К.Л. Зелинского, относящиеся к 1932 году²⁰², выразительно передают личную неприязнь, которую испытывал Сталин к Авербаху. Свидетельства об отношении Авербаха к Сталину имеются в собранных НКВД после его ареста в 1937 году материалах. Это, в частности, показания В.П. Ставского и сексота «Алтайского». Ставский вспоминал, что «Авербах [на рубеже 1930-х] рассказывал, что часто встречается с товарищем Сталиным, рассказывал с таинственным видом и кавказским акцентом <...> Все это производило

¹⁹⁸ См. его заявление на имя Г.К. Орджоникидзе от 26 октября 1930 года (Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) 1923–1938 гг. Т. 3: 1928–1938 гг. С. 258–259).

¹⁹⁹ *Кирпотин В.Я.* Ровесник железного века: Мемуарная книга. М., 2006. С. 201. Ср.: *Суварин Б.* Последние разговоры с Бабелем // *Континент.* 1980. № 23. С. 348. Характерная деталь — одновременно с возвращением Авербаха в Москву из Саратова (по просьбе руководителей РАППа) издававшийся ЦК ВКП(б) журнал «Огонек» публикует карикатуру А. Топикова «На генеральной линии»: из мчащегося вперед поезда с обозначением «1930» вываливаются пассажиры, один из которых представляет собой шаржированный портрет Троцкого, другой — Авербаха; надпись гласит: «Удивительные пассажиры: с [партийными] билетами, а прыгают на полном ходу под уклон» (Огонек. 1930. Июнь. № 16. Задняя обл.).

²⁰⁰ 24 ноября 1931 года в «Правде» была опубликована статья Л. Мехлиса «За перестройку работы РАПП».

²⁰¹ Из выступления П.Ф. Юдина на заседании партийного комитета Союза советских писателей (ССП) СССР по делу В.М. Киршона 13 мая 1937 года (Альманах «Россия. XX век»: Архив Александра Н. Яковлева [www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1021716]). Несмотря на поддержку Горького, добившегося в июле 1932 года включения Авербаха в оргкомитет будущего Союза писателей (см.: Горький и Л. Авербах. С. 574), в начале марта 1934 года Авербах был назначен партторгом Уралмаша и вынужден переехать в Свердловск. 30 августа 1934 года Сталин в письме Кагановичу прямо запретил вводить Авербаха в правление ССП СССР (Сталин и Каганович: Переписка 1932–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис и др. М., 2001. С. 466).

²⁰² *Зелинский К.* Вечер у Горького (26 октября 1932 года) / Публ. Е. Прицкера // *Минувшее: Исторический альманах.* Paris, 1990. Вып. 10. С. 88–117.

впечатление правдоподобия на многих, в том числе и на меня». «Алтайский» доносил: «О Молотове, Кагановиче Авербах говорил пренебрежительно, как об ограниченных людях²⁰³. Как-то раз году в 1929–30 Авербах говорил об „азиатских методах И.В. Сталина“ (в смысле жестокости, хитрости)»²⁰⁴.

Нетрудно заметить, что приведенные суждения Авербаха воспроизводят весь комплекс мотивов, питающий метафорику антисталинских стихов Мандельштама: акцент на кавказском происхождении Сталина, его (национально окрашенной) жестокости и контрастирующем с ее масштабом ничтожестве окружающих его соратников.

То, что такого рода суждения вполне могли высказываться не слишком осторожным и склонным к «пустому остроловию»²⁰⁵ Авербахом в литературных разговорах (в том числе с Мандельштамом), подтверждают слова самого Авербаха в обращении к Н.И. Ежову 17 мая 1937 года. Говоря о своих контактах, в том числе начала 1930-х, он писал: «Я считал, что достаточно моего доверия к человеку, чтобы разговаривать с ним о том, о чем я сочту нужным, иногда явно не проводя грани между дозволенным и недозволенным, между общеизвестными фактами и секретными»²⁰⁶.

Разумеется, не один Авербах мог транслировать Мандельштаму в начале 1930-х годов антисталинские настроения. Окончательное утверждение в конце 1930 года фактически единоличной власти Сталина в советской партийно-государственной верхушке («завершение сталинизации Политбюро»²⁰⁷) сопровождается усилением

²⁰³ Тема несоответствия масштабов личности Сталина и его ближайшего окружения характерна для разговоров круга партийцев, к которому принадлежал Авербах. Ср. в показаниях другого знакомого Мандельштама — А.Л. Курса — на допросе 4 ноября 1930 года: «Он [С.И. Сырцов] мне как-то говорил, что воля тов. Сталина подавляюще действует на окружающих его товарищей» (Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) 1923–1938 гг. Т. 3: 1928–1938 гг. С. 290).

²⁰⁴ Шенталинский В. Преступление без наказания: Документальные повести. М., 2007. С. 507–508. Под оперативным псевдонимом «Алтайский» скрыт, вероятно, секретарь Авербаха в 1928–1932 годах Я.Е. Эльсберг. В 1934 году с посвящением Авербаху была издана его биография Салтыкова-Щедрина (*Эльсберг Я. Салтыков-Щедрин. М., 1934*; см. также: *Любимов Н.М. Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний. М., 2004. Т. 2. С. 19*). Происхождение псевдонима связано, видимо, со ссылкой Эльсберга (после обвинения в растрате) в 1922–1926 годах (см.: *Огрызко В. Историческое лицо с мрачной репутацией // Литературная Россия. 2013. 19 апреля. С. 10–11*).

²⁰⁵ Генрих Ягода: Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности: Сб. документов / Науч. ред. А.Л. Литвин. Казань, 1997. С. 485.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Хлевнюк О. Указ. соч. С. 82.

репрессивности во внутренней политике, вызванным, в частности, глубоким социально-экономическим кризисом вследствие провала первой пятилетки. Фактический переход к террору, прежде всего против крестьянства, происходит на фоне спровоцированного коллективизацией массового голода и социальной нестабильности. Разрушительная радикальность сталинской политики встречает сопротивление у части партии. «Критические настроения все шире распространялись в среде столичной „партийной общественности“, в некоторой степени активизировались члены бывших оппозиций. Среди коммунистов распространялось мнение о порочности политики Сталина, о разжигании неоправданной конфронтации с крестьянством»²⁰⁸. Как мы указывали выше, именно с этой частью партийцев оказывается биографически связан Мандельштам.

12

Папа стоял посреди комнаты и с высоты своего роста с некоторым недоумением слушал Мандельштама. А он, остановившись на ходу и жестикулируя так, как будто он подымал обеими руками тяжесть с пола, горячо убеждал в чем-то отца:

- ...он не способен сам ничего придумать...
  - ...воплощение нетворческого начала...
  - ...тип паразита...
  - ...десятник, который заставлял в Египте работать евреев...
- Надо ли объяснять, что Мандельштам говорил о Сталине?²⁰⁹

Этот эпизод из воспоминаний Э.Г. Герштейн относится к 1931 году. С рубежа 1930 года, когда Мандельштам в «Четвертой прозе» объявлял своим язык партийных чисток Сталина и видел в происходящем «бронзовый профиль Истории», многое изменилось — и в первую очередь для того круга «интеллигентных партийцев», к которому Мандельштам был ближе всего.

Тайный расстрел в ноябре 1929 года Я.Г. Блюмкина, давнего знакомого Мандельштама²¹⁰, открыл новую главу в истории большевистского террора. Отныне смертная казнь распространялась не только на «врагов революции», но и на членов партии, поддерживающих

²⁰⁸ Там же. С. 153–154.

²⁰⁹ Герштейн. С. 26.

²¹⁰ См.: Леонтьев Я.В. Человек, застреливший императорского посла: К истории взаимоотношений Блюмкина и Мандельштама // «Сохрани мою речь...» Записки Мандельштамовского общества. Вып. 4/2. М., 2000. С. 126–144.

оппозицию²¹¹. Случилось то, о чем высланный в январе 1929 года из СССР Троцкий предупреждал весной того же года: Сталин «попытается провести между официальной партией и оппозицией кровавую черту»²¹². С каждым годом эта черта становилась все кровавее.

Немаловажно и то, что эти политические репрессии происходили в непосредственной близости от литературной среды, иногда напрямую касаясь ее. Так, Блюмкин перед своим арестом 15 октября 1929 года проводит время в квартире их общего с Мандельштамом близкого знакомого С.М. Городецкого²¹³, до этого встречается в литературно-артистическом кафе с журналистом М.Е. Кольцовым и Маяковским, с которым у него возникает «перебранка полу-принципиального (по вопросам литературного поведения Маяковского) полу-личного характера». Маяковского Блюмкин именует (в специально написанных 1 ноября 1929 года показаниях под названием «О поведении в кругу литературных друзей») «моим старым приятелем»²¹⁴.

---

²¹¹ Ближайшими жертвами «дела Блюмкина» стали сообщивший членам оппозиции о расстреле Блюмкина сотрудник ОГПУ Б.Л. Рабинович (расстрелян 7 января 1930 года) и передававший оппозиционерам полученную от Рабиновича информацию о готовящихся против них репрессиях В.А. Силлов, близкий к ЛЕФу литератор, знакомый Б.Л. Пастернака (см. основанную на следственном деле Силлова публикацию в нашем фейсбуке [www.facebook.com/gleb.a.morev] от 17 октября 2020 года), сотрудник ОГПУ «с середины 1924 г. по январь 1927 г.» (ЦА ФСБ РФ. Д. Р-33570. Л. 58; расстрелян 16 февраля 1930 года). Вопрос об информировании оппозиции о действиях ОГПУ также занимает значительное место в показаниях Блюмкина после ареста (см.: *Мозохин О.Б. Исповедь террориста [Показания Я.Г. Блюмкина 20 октября 1929]* // Военно-исторический архив. 2002. № 6. С. 28–32). Во всех трех случаях дела рассматривались Коллегией ОГПУ в порядке постановления Президиума ЦИК СССР от 9 июня 1927 года. Это постановление «временно расширяло» права ОГПУ в отношении рассмотрения во внесудебном порядке дел на «белогвардейцев, шпионов и бандитов», вплоть до вынесения приговоров о расстреле (Собрание Законодательства СССР. 1927. № 50. Ст. 504). Причиной применения высшей меры наказания к Блюмкину, Рабиновичу и Силлову стала принадлежность обвиняемых к числу бывших или действующих сотрудников ОГПУ, что трактовалось как «предательство» и приравнивалось к шпионажу. Последнее обстоятельство было очевидно для Блюмкина еще до ареста: «когда ему [Блюмкину] сказали, что оппозиционеров не расстреливают, он ответил — вы не знаете[,] тех, которые работают в ОГПУ — расстреливают» (из записки сексота писателя Б.М. Левина заместителю начальника Секретного отдела ОГПУ Я.С. Агранову от 16 октября 1929 года: *Леонов Б. Последняя авантюра Якова Блюмкина*. М., 1993. С. 6).

²¹² Х [Троцкий Л.Д.] Вокруг высылки т. Троцкого // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 1. Июль. С. 2.

²¹³ Сведения из рапорта донесшей на Блюмкина сотрудницы ОГПУ (и любовницы Блюмкина) Е.М. Горской помощнику начальника Иностранного отдела ОГПУ М.С. Горбу от 3 ноября 1929 года (*Леонов Б. Указ*. соч. С. 10).

²¹⁴ Там же. С. 35–36. Подробности этой встречи, состоявшейся 28 августа 1929 года, см. в дневнике сотрудника журнала «Советское строительство»

Имя Блюмкина отсылает к его конфликту с Мандельштамом в июле 1918 года, связанному с протестом поэта против бравоирования со стороны сотрудника ВЧК правом распоряжаться человеческими жизнями, и одновременно указывает на точку принципиального расхождения Мандельштама с советским режимом. Этой точкой всегда являлся вопрос о терроре. «Политическая депрессия, вызванная крутыми методами осуществления диктатуры пролетариата» в конце 1918 года упоминается самим Мандельштамом в показаниях 1934 года²¹⁵. Подчеркнутое выведение Мандельштамом органов ЧК — ОГПУ «за скобки» его возможного сотрудничества с советской властью декларировано в его заявлении следователю в 1934 году, пересказанном в воспоминаниях Н.Я. Мандельштам: «О.М. сказал, что готов сотрудничать с любым советским учреждением, кроме Чека»²¹⁶. Известен отразившийся в «Четвертой прозе» случай заступничества Мандельштама за приговоренных к расстрелу сотрудников двух московских финансовых учреждений в 1928 году; Н.Я. Мандельштам вспоминает о надписи на посланной тогда же Бухарину книге «Стихотворения»: «<...> в этой книге каждая строчка говорит против того, что вы собираетесь сделать»²¹⁷. К весне 1933 года конфликт между собственной, резко интенсифицировавшейся в рамках «оттепели» и «перестройки», вызванной принятым 23 апреля 1932 года постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», литературной активностью и происходящим в стране ощущался Мандельштамом предельно остро.

Сразу после вечера Мандельштама в ленинградской Капелле 23 февраля 1933 года были массово арестованы ленинградские филологи — В.М. Жирмунский, С.А. Рейсер, И.Г. Ямпольский, Л.Я. Гинзбург, Б.Я. Бухштаб. Двое последних были приглашены Ахматовой в Фонтанный Дом для встречи с Мандельштамом. К этому несостоявшемуся визиту относится воспоминание Гинзбург: «Анна Андр. позвала к себе „на Мандельштама“ Борю <Бухштаба> и меня. Как раз в эти дни его и меня арестовали (потом скоро выпустили). А.А. сказала Мандельштамам: — Вот сыр, вот колбаса, а гостей — прости-те — посадили. (Рассказала мне Ахматова)»²¹⁸. 5 марта, в Ленинграде,

---

М.Я. Презента (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 189; текст доступен на сайте проекта «Прожито»: prozhito.org).

²¹⁵ *Нерлер П.* Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. С. 46.

²¹⁶ *НМ.* Т. 1. С. 161.

²¹⁷ Там же. С. 192.

²¹⁸ *Гинзбург Л.Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 305. Жирмунский, Гинзбург и Бухштаб были арестованы 25 и 26 февраля 1933 года.

на первой странице «Правды» поэт мог прочитать об аресте в составе группы из более чем семидесяти человек, названных членами «ликвидированной контрреволюционной вредительской организации в некоторых органах Наркомзема и Наркомсовхозов»²¹⁹, своего знакомого Ф.М. Конара, помогавшего ему в середине 1920-х в качестве крупного издательского работника, а впоследствии ставшего заместителем наркома земледелия СССР²²⁰. 7 марта, в день отъезда Мандельштамов из Ленинграда, был арестован Виктор Серж, с которым поэт виделся в «Европейской» после чтения в Капелле. 12 марта, накануне вечера Мандельштама в Малой аудитории Политехнического музея «Правда» сообщает о том, что Конар расстрелян²²¹. Пятнадцатым номером в расстрельном списке из тридцати пяти человек, открывавшемся именем Конара, шел Я.О. Фабрикант, родственник упоминавшегося выше знакомого Мандельштама поэта-сатирика М.Д. Вольпина²²².

Важнейшим свидетельством настроений Мандельштама в эти дни является донесение одного из осведомителей ОГПУ в писательской среде²²³, опубликованное П.М. Нерлером. Хотя архивное происхождение этого документа нуждается в уточнении, у нас нет оснований сомневаться в его подлинности.

Я решаюсь читать тогда, когда террор поднял голову, когда расстреливают полуротами, когда кровь льется ведрами... Конара мне жаль. Мне непонятны причины его участия в этом деле, хотя у него всегда было что-то чужое, барское. Верней всего, это ответ Гитлеру и Герингу, которые обсуждали с какими-то дипломатами вопрос об отторжении Украины от СССР. Заметьте, что с момента ареста Конара пошли слухи

Гинзбург и Бухштаб выпущены 8 и 14 марта соответственно. 20 апреля освобожден Жирмунский; в тот же день дела на всех троих прекращены (данные Электронного архива Фонда Иофе).

²¹⁹ Сообщение ОГПУ // Правда. 1933. 5 марта. С. 1. Опубликован поименный список арестованных из сорока человек.

²²⁰ В списке арестованных имя Конара идет первым. Начало «сельскохозяйственной» карьеры Конара зафиксировано в письме Мандельштама жене 5/6 октября 1926 года: «Знаешь, Конон <sic!> пошел в гору: он сейчас в Гизе, но уходит на Украину председателем Совнархоза» (III: 443).

²²¹ От Коллегии ОГПУ // Правда. 1933. 12 марта. С. 2. На четвертой полосе этого же номера помещено объявление о вечере Мандельштама в Политехническом музее.

²²² Киянская О.И., Фельдман Д.М. Указ. соч. С. 140.

²²³ По сообщению информированного ведомственного историка, систематическое агентурное наблюдение за писателями началось (в соответствии с директивой Секретно-политического отдела ОГПУ) в начале 1932 года: Христофоров В. Указ. соч. С. 137.

о шпионаже и даже о расстреле. По-видимому, кому-то что-то было известно, что-то носилось в воздухе. «Всем нам надо бежать куда-нибудь в Абхазию, в Тану-Тувинскую республику, там душе спокойно»²²⁴.

Внимательное прочтение этого текста никак не позволяет считать его, как это делает публикатор, «подстрочником „эпиграммы“ на Сталина, пусть пока и не написанной»²²⁵.

Прежде всего, поэт принципиален в отрицании террора как явления, которому «объективно» противостоит его писательская деятельность, поэтому в дни, «когда кровь льется ведрами», его собственное выступление представляется Мандельштаму результатом преодоления некоего внутреннего колебания — не в смысле угрозы его личной безопасности, а в смысле глубинной неорганичности его участия в литературной жизни на фоне происходящих казней. Однако последующий ход рассуждений Мандельштама (во всяком случае, в изложении сексота ОГПУ) демонстрирует, как это было и в письме Н.Я. Мандельштам Молотову, сугубо лояльный по отношению к официальным установкам — на сей раз информационным — подход. Мандельштам последовательно «отчуждает» Конара, подчеркивая в нем «чужое, барское»²²⁶ и находя «рациональное» объяснение расстрельному приговору — шпионаж, о котором «кому-то что-то было известно», и внешнеполитический контекст, связанный с приходом к власти национал-социалистов в Германии²²⁷. Тем не менее суще-

---

²²⁴ *Нерлер П.* В Москве (ноябрь 1930 — май 1934) // Новый мир. 2016. № 3. С. 131–132. 5 мая 1937 года ленинградский писатель М.Ф. Чумандрин, выступая на партийной конференции Дзержинского района, говорил: «Из нашей организации [ССП СССР] изъято 40 человек. Наши писатели любят иногда пошутить, и вот говорят, что из этих 40 чел. можно было составить царскую полуроту. Вот видите, какое большое количество враждебных элементов» (*Золотоносов М.Н.* Охота на Берггольц. Ленинград 1937. СПб., 2015. С. 30).

²²⁵ *Нерлер П.* В Москве. С. 135.

²²⁶ Оба сообщения «Правды» об арестованных и расстрелянных по «делу 35-ти» акцентировали то, что обвиняемые — «выходцы из буржуазных и помещичьих слоев».

²²⁷ В официальных сообщениях о деле Конара Германия и фашисты никак не фигурировали. Однако именно реакцией ОГПУ на приход Гитлера к власти объяснялись массовые аресты ленинградских филологов во главе с исследовавшим в 1920–1930-е годы немецкие колонии на территории СССР В.М. Жирмунским (см.: *Светозарова Н.Д.* Герман Бахман и его книга «Поездка в немецкие колонии Березанского района». СПб., 2015. Passim). Жирмунский был обвинен в том, что «являлся руководителем контрреволюционной фашистской организации» (материалы Электронного архива Фонда Иофе). «Тогда в первый раз прокручивали дело Жирмунского в качестве немецкого шпиона (в Германии как раз произошел гитлеровский переворот)», — вспоминала Л.Я. Гинзбург (*Гинзбург Л.* Указ. соч. С. 338). 14 марта на вечере Мандельштама в Политехническом музее вступительное слово говорил Б.М. Эйхенбаум. Обсуждение им

ствование в атмосфере террора угнетает его и возвращает к мыслям об уходе, «побеге» — но уже не из литературы, а из Москвы или даже из СССР (эти настроения, как мы увидим, укрепятся к осени 1933 года). Собственно вина Конара²²⁸ нигде не ставится Мандельштамом под сомнение²²⁹.

В самом начале апреля был арестован Б.С. Кузин, самый, по видимому, близкий в этот период друг Мандельштама²³⁰. Узнав об этом, поэт обращается с письмом к М.С. Шагинян. Прагматика этого письма, на первый взгляд, до конца не ясна. Выбор адресата очевидным образом продиктован тематикой посылаемого Шагинян вместе с письмом «Путешествия в Армению» и общей связью Шагинян и Кузина, с которыми Мандельштам встречался в свое время в Ереване, с темой этого текста. В письме Мандельштам информирует Шагинян (которая с середины 1920-х годов демонстративно занимала общественную позицию «восхищения происходящим до восторженности» и еще в 1929 году аттестовала себя как «сталинку»²³¹) об аресте Кузина, объясняя его сугубо частными претензиями Кузина к советской действительности и настаивая, таким образом, на чрезмерности этой репрессии («Каково же бывает, когда человек, враждующий с постылым меловым молоком полуреальности, объявляется врагом действительности как таковой?» [III: 514]).

Информация об аресте Кузина в письме к Шагинян дала его публикатору П.М. Нерлеру основания предположить, что письмо

и Мандельштамом судеб задержанных в феврале (и частью только что выпущенных) в Ленинграде филологов — коллег, учеников и знакомых обоих — и версий их арестов было неизбежно. По сообщению Н.Я. Мандельштам, прочтя на вечере стихотворение «К немецкой речи», Мандельштам счел нужным специально оговорить, что оно написано «до фашистского переворота» (НМ. Т. 2. С. 736). Заметим также, что обвинения в намерении «отдать Украину» Германии были позднее — на основании фальсифицированных документов — предъявлены обвиняемым на процессе «Параллельного антисоветского троцкистского центра» в 1937 году (см.: *Золотоносов М.Н.* Указ. соч. С. 354–355).

²²⁸ Ф.М. Конар был реабилитирован вместе с другими казненными по этому делу в 1957 году.

²²⁹ То же — отчужденное, как показал М.Л. Гаспаров, — отношение отразилось в стихотворениях Мандельштама «Кому зима — арак и пунш голубоглазый...» и «Умывался ночью на дворе...», откликающихся на гибель Н.С. Гумилева в 1921 году в результате раскрытия «Таганцевского заговора», существование которого поэтом не отрицалось (см.: *Гаспаров М.Л.* Мандельштамовское «Мы пойдем другим путем»: О стихотворении «Кому зима — арак и пунш голубоглазый...» // Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 88–98).

²³⁰ Кратковременный арест Кузина был связан, видимо, с попыткой завербовать его в качестве осведомителя.

²³¹ Художник и общество (Неопубликованные дневники К. Федина 20–30-х годов) / Публ. Н.К. Фединой, Н.А. Сломовой, примеч. А.Н. Старкова // Русская литература. 1992. № 4. С. 167.

поэта имело целью «попытаться через адресата помочь молодому другу Мандельштаму»²³². Однако, если рассматривать письмо в этом ракурсе, выбор адресата кажется не очевидным. Как пишет тот же Нерлер, «непонятно, какие у Шагинян могли быть для этого при-водные ремни»²³³. Отметим также, что в этот период сама Шагинян испытывала цензурные трудности в связи с изданием своего «Дневника. 1917–1931» (Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1932)²³⁴.

Ситуация с выбором Шагинян в качестве возможного «передаточного звена» между Мандельштамом и властью проясняется, если иметь в виду, что за два года до этого Шагинян удостоилась личного и весьма благожелательного письма Сталина, откликнувшегося на ее просьбу помочь с изданием романа «Гидроцентральный»:

20 мая 1931 г.

Уваж<аемая> тов. Шагинян!

Должен извиниться перед Вами, что в настоящее время не имею возможности прочесть Ваш труд и дать предисловие. Месяца три назад я еще смог бы исполнить Вашу просьбу (исполнил бы ее с удовольствием), но теперь — поверьте — лишен возможности исполнить ее ввиду сверхсметной перегруженности текущей практической работой.

Что касается того, чтобы ускорить выход «Гидроцентрали» в свет и оградить Вас от наскоков со стороны не в меру «критической» критики, то это я сделаю обязательно. Вы только скажите конкретно, на кого я должен нажать, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки.

И. Сталин²³⁵

Письмо Сталина отмечено не только общей благожелательностью, но и ясно выраженной готовностью оказать *конкретную* помощь писательнице²³⁶. Нет сомнений, что о письме Сталина, служившем

²³² Два письма О.Э. и Н.Я. Мандельштам М.С. Шагинян / Публ., вступ. заметка и примеч. П.М. Нерлера // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. С. 72.

²³³ Нерлер П. В Москве. С. 135.

²³⁴ Цензура обнаружила в книге «политически одиозные записи» (письмо начальника Главлита Б. Волина в Политбюро ЦК ВКП(б) от 9 апреля 1933 года: Власть и художественная интеллигенция. С. 196); по сообщению Л.Я. Гинзбург, книга была «изъята из библиотек и приостановлена в продаже» (Гинзбург Л. Указ. соч. С. 417); см.: Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями / Сост. А.В. Блюм. СПб., 2003. С. 192.

²³⁵ Власть и художественная интеллигенция. С. 147.

²³⁶ «Дорогой Иосиф Виссарионович, 20 лет назад Ваше письмо спасло „Гидроцентральный“ из-под сукна издателей, где она лежала в бездействии», — писала Сталину Шагинян 1 февраля 1950 года (Большая цензура. С. 623).

своего рода «охранной грамотой» и бывшем сенсационным в кругу Шагинян свидетельством отношения высшей власти к культуре, Мандельштам знал — в обычае Шагинян было делать относящиеся к ней события литературно-бытового ряда общественным достоянием²³⁷. Среди близких литературных знакомых Мандельштама в этот период Шагинян была *единственной*, с кем прямо контактировал Сталин²³⁸. Очевидно, эти соображения (вкупе с близостью Шагинян «армянской темы») и определили для поэта выбор адресата. Одновременно важно зафиксировать стремление Мандельштама передать Сталину некое сообщение — свидетельства о таком стремлении мы увидим и далее.

Письмо служит для поэта поводом заявить о наступлении нового периода в своем творчестве (по его собственной формуле, «период т. н. „зрелого Мандельштама“») и о том, что этот новый период отмечен «таким прыжком в объективность [в восприятии действительности]», который ему ранее «даже не снился». Эта «объективность» включает в себя и лояльность по отношению к ОГПУ («я не враждебен к рукам, которые держат Бориса Сергеевича, потому что эти руки делают и жестокое, и живое дело» [III: 515]). В мандельштамовской формуле творимого чекистами дела важна (синтаксически подчеркнутая автором) синхронность обоих определений — «и жестокое, и живое».

---

²³⁷ В качестве примера приведем не прокомментированный до сих пор эпизод июля 1934 года: секретная агентура НКВД зафиксировала среди тем, публично обсуждавшихся Пастернаком в преддверии Первого съезда писателей, «вопрос о приеме в союз [писателей] и о письме Шагинян, в котором она снимает с себя звание члена союза» (Власть и художественная интеллигенция. С. 216). Речь идет о письме Шагинян секретарю Оргкомитета ССП В.Я. Кирпотину от 23 мая 1934 года с сообщением о том, что она «вынуждена отказаться от вступления в Союз» (*Кирпотин В.Я.* Указ. соч. С. 228). Мотивировкой такого решения была заявлена элитарность будущего ССП. Как мы видим, это частное письмо Шагинян (она специально оговаривает в нем неуместность ее «гласного отказа») быстро стало — и вряд ли по инициативе Кирпотина — предметом общественно-го обсуждения. В 1934 году в ССП Шагинян все-таки вступила (11 июня она упоминает Кирпотина сообщением о том, что «на съезд приеду (и в Союз подала)» [Там же. С. 254]), но в 1936 году решила повторить жест уже с выходом из Союза — как «никчемной организации» — объявив об этом в письме Г.К. Орджоникидзе от 20 февраля. Однако ответным письмом Орджоникидзе от 27 февраля, специальным заседанием президиума правления ССП в тот же день и статьей в «Правде» на следующий (*Осипов Д. [Заславский Д.]* Мечты и звуки Мариэтты Шагинян // *Правда*. 1936. 28 февраля. С. 4) была быстро поставлена на место и уже 3 марта умоляла Орджоникидзе передать «тов. Сталину и партии, что искуплю свою вину перед ним <sic!>» («Счастье литературы»). С. 211–213; см. также: *Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 439–440.

²³⁸ Не исключено, что это же обстоятельство имелось в виду Н.Я. Мандельштам при написании в октябре 1934 года большого письма Шагинян с изложением причин высылки Мандельштама и его литературного положения (Два письма О.Э. и Н.Я. Мандельштам М.С. Шагинян. С. 75–77).

О такого рода синхронности писала, говоря о 1930-х годах, Л.Я. Гинзбург:

Это бессмертная модель многих примирений и оправданий. Они не захватывают сознание целиком, но оставляют место для совсем других, противоположных даже импульсов и реакций, порожденных другими контактами с той же действительностью, другими системами ценностей. От степени их согласованности (или несогласованности) зависит «консеквентность» — как говаривал Герцен — поведения²³⁹.

Тот же Кузин свидетельствовал о принципиальной *неконсеквентности* поведения Мандельштама (отмеченной, как мы помним, еще Ахматовой в связи с казусом вокруг статьи «Жак родился и умер»): «<...> решения, принимаемые О.Э., почти наверное изменяются противоположными»²⁴⁰. Причем антисоветски настроенный Кузин связывал эту непоследовательность, прежде всего, с отношением Мандельштама к большевистской идеологии и режиму.

Новые контакты Мандельштама с действительностью весной — летом 1933 года изменили настроенческий баланс — «жестокое» стало для него обесценивать «живое».

13

Решающую роль в этом изменении сыграла поездка Мандельштамов (вместе с выпущенным из тюрьмы Кузиным) в Крым в апреле — июне 1933 года. Мандельштам увидел катастрофические последствия голода на Украине — эти картины присутствуют в первом из трех «криминальных» стихотворений, написанных во второй половине 1933 года, — «Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым...», отражающем, по определению из протокола допроса Мандельштама, его «восприятие <...> процесса <...> ликвидации кулачества как класса»²⁴¹. Встреча с последствиями голода, информация о котором в СССР

²³⁹ Гинзбург Л. «И заодно с правопорядком» [1980] // Она же. Указ. соч. С. 288. О поэтике Мандельштама с точки зрения теории «советской субъективности» (Игал Халфин, Йохан Хелльбек), предлагающей «динамическую» модель описания механизмов социализации в СССР, см.: *Ospovat K. Doublespeak: Poetic Language, Lyric Hero, and Soviet Subjectivity in Mandel'shtam's K nemetskoj rechi* // *Slavic Review*. 2019. Vol. 78. № 1. P. 127–148.

²⁴⁰ Кузин Б. Указ. соч. С. 166.

²⁴¹ Нерлер П. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. С. 46.

замалчивалась²⁴², производила травмирующее впечатление на близкий Мандельштаму круг, в том числе коммунистов. Актриса Галина Кравченко вспоминала о бывшем соратнике Сырцова А.Л. Курсе, печатавшем Мандельштама в 1920-е:

Однажды осенью 1933 года он поделился со мной впечатлениями о поездке в Одессу. Проезжая через одну из небольших станций на Украине, он увидел из окна поезда горы трупов — это были умершие от голода крестьяне. Мы вспомнили о встрече у Маяковского дома <...> И вдруг Александр Львович проронил фразу, которую не могу забыть: «Вряд ли Володя мог пережить все это»²⁴³.

Мартовский вечер в Политехническом музее был отмечен эмоциональной полемикой Мандельштама с той частью вступительного слова Эйхенбаума, где, как показалось поэту, был недооценен Маяковский. Этот инцидент получил отражение в газетной хронике: Мандельштам, писал автор отчета о вечере С. Гехт, «напал на Эйхенбаума, речь которого слушал (по собственному его признанию) через замочную скважину. <...> В речи Эйхенбаума было много спорных (и очень спорных) положений, но он не выступал против Маяковского, как говорил об этом Мандельштам»²⁴⁴. То же отмечено

---

²⁴² «Нельзя было даже говорить о голоде, „стыдливость“ одолела. При такой „стыдливости“, конечно, сделано было очень мало. В этом году тоже (еще до начала марта) говорить о голоде считалось чуть ли не контрреволюцией», — писал весной 1933 года наркому здравоохранения УССР С.И. Канторовичу врач П. Блонский («Говорить о голоде считалось чуть ли не контрреволюцией»: Документы российских архивов о голоде 1932–1933 гг. в СССР / Публ. В.В. Кондрашина, Е.А. Тюриной // Отечественные архивы. 2009. № 2. С. 125). В 1936 году будущий фигурант биографии Мандельштама В.П. Ставский толковывал в частном письме автору романа «Бруски» Ф.И. Панферову, упомянутому в нем о голоде: «Это, Панферов, неверно. Не так это было. Что у нас в Москве был голод, в Ростове был голод, в Харькове был голод, в Киеве был голод? Чепуха это! А ты говоришь: „В городах, на тротуарах, падали люди, как сваленные мухи“. И не ты ли сам насмеялся над [Л.М.] Леоновым, который запасался пирожками в Москве, Серпухове во время вашей поездки навстречу Горькому. Как же ты мог это забыть? Зачем тебе писать эту неправду? Зачем тебе повторять вслед за врагами, что „голод зашагал по всей стране, по всем засыпанным снегом деревенькам“. Мне это абсолютно непонятно. Я против этого категорически протестую. Это клевета. Выкинуть надо эту клевету. Да, были у нас в результате саботажа, организованного кулачеством и белогвардейщиной на Кубани, серьезные там затруднения с хлебом, но ведь ты пишешь о всей стране, а это неверно» (Между молотом и наковальней. С. 555).

²⁴³ Бернштейн А. Время и дела Александра Курса // Киноведческие записки. 2001. № 53. С. 278–279.

²⁴⁴ Вечерняя Москва. 1933. 16 марта; цит. по: Эйхенбаум Б. О литературе: Работы разных лет / Комментар. Е.А. Тоддеса, М.О. Чудаковой, А.П. Чудакова. М., 1986. С. 532–533.

и слушателями-мемуаристами: Мандельштам «начал не со стихов, а с возражений против доклада Эйхенбаума. <...> Маяковского он возвеличил. Он назвал его „точильным камнем всей новой поэзии“»,²⁴⁵; «минут тридцать пять (без преувеличения) [Мандельштам] говорил о том, что Эйхенбаум оскорбил Маяковского, что он не смел даже произносить его имени рядом с именами остальных (как нельзя, недопустимо сравнивать Есенина, Пастернака, Мандельштама с Пушкиным или Гете). Маяковский гигант, мы не достойны даже целовать его колени»²⁴⁶.

Причины такой гиперболической (и одновременно самоуничижительной) оценки поэта, отношения которого с Мандельштамом при жизни не характеризовались близостью²⁴⁷, на первый взгляд, неочевидны. По свидетельству вдовы поэта, Мандельштам «из современников <...> ценил и следил за работой Пастернака, меньше Маяковского — очень огорчался саморастратой Маяковского на агитки»²⁴⁸. Еще на рубеже 1917 года Мандельштам писал о смерти художника как о «высшем акте его творчества» и призывал «не выключать [ее] из цепи его творческих достижений, а рассматривать как последнее, заключительное звено» («Скрябин и христианство» [II: 35]). Именно так была воспринята им весть о самоубийстве Маяковского, названная в черновиках «Путешествия в Армению» «океанической». Там же прослеживается не допущенная автором в окончательный текст тема противостояния поэта и «толпы» («общества»): «Общество, собравшееся в Сухуме, приняло весть о гибели первозданного поэта с постыдным равнодушием. Ведь не Шаляпин и не Качалов даже! — В тот же вечер плясали казачка и пели гурьбой у рояля студенческие вихрастые песни» (II: 402). Эта болезненная тема, явно имевшая для Мандельштама автобиографические коннотации (и намеченная также в синхронно писавшемся «Волке»), оказалась «во весь голос» реализована в статье Р.О. Якобсона «О поколении, растратившем своих поэтов», написанной в мае — июне 1930 года и вышедшей (вместе с текстом Д.П. Святополк-Мирского «Две смерти: 1837–1930»)

²⁴⁵ Розенталь Л. Мандельштам // «Сохрани мою речь...»: Мандельштамовский сборник / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. М., 1991. С. 37.

²⁴⁶ Соколова Н. 14 марта 1933 г.: Вечер Осипа Мандельштама (Из старых записей) // Мандельштам О.Э. «И ты, Москва, сестра моя, легка...»: Стихи, проза, воспоминания, материалы к биографии. Венок Мандельштаму. М., 1990. С. 441.

²⁴⁷ См.: Лекманов О. Мандельштам и Маяковский: Взаимные переклички, оценки, эпоха... (Наблюдения к теме) // Сохрани мою речь... М., 2000. Вып. 3. Ч. 1. С. 215–228. Нашу интерпретацию последнего отзыва Маяковского о Мандельштаме см.: Морев Г. Поэт и Царь. С. 51–52.

²⁴⁸ Мандельштам Н. Об Ахматовой. С. 196.

отдельным изданием в Берлине в 1931 году²⁴⁹. Прочитав текст Якобсона, полученный, по-видимому, от И.Г. Эренбурга, Мандельштам отозвался о нем: «библейские слова»²⁵⁰. Этой высочайшей оценке не помешал и тот огорчивший поэта²⁵¹ факт, что Якобсон с оговоркой отзывается в статье о значении творчества самого Мандельштама.

Текст Якобсона, поразивший современников²⁵², задавал принципиально новый ракурс восприятия Маяковского, в своих опорных точках оказавшийся чрезвычайно близким Мандельштаму (также переоценивавшему путь Маяковского после его смерти) и, по-видимому, повлиявший на его отношение к фигуре Маяковского в целом.

Смерть Маяковского — в «обрамляющей [его] кончину травле» — осмыслялась Якобсоном в ряду других символических смертей русских поэтов, определенных, как он настаивал, не частными, а социальными обстоятельствами:

Расстрел Гумилева (1886–1921), длительная духовная агония, невыносимые физические мучения, конец Блока (1880–1921), жестокие лишения и в нечеловеческих страданиях смерть Хлебникова (1885–1922), обдуманные самоубийства Есенина (1895–1925) и Маяковского (1894 <sic> — 1930). Так в течение двадцатых годов века гибнут в возрасте от тридцати до сорока вдохновители поколения, и у каждого из них сознание обреченности, в своей длительности и четкости нестерпимое. Не только те, кто убит или убил себя, но и к ложу болезни прикованные Блок и Хлебников именно погибли²⁵³.

²⁴⁹ Якобсон Р., Святополк-Мирский Д. Смерть Владимира Маяковского. Берлин, 1931.

²⁵⁰ Из письма Р.О. Якобсона Х. МакЛейну от 1 октября 1976 года (К истории создания и восприятия статьи «О поколении, растратившем своих поэтов»: Письмо Р.О. Якобсона Х. МакЛейну / Предисл., подгот. текста и примеч. С.И. Гиндина // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования / Отв. ред. Х. Баран, С.И. Гиндин. М., 1999. С. 165). Там же содержится информация о получении Эренбургом от автора машинописной копии статьи. По воспоминанию Н.И. Харджиева, сообщенному Е.А. Тоддесом, Мандельштам сказал, что статья Якобсона «написана с библейской мощью» (Тоддес. С. 714).

²⁵¹ См.: [Харджиев Н.И.] Рассказы Мандельштама о Маяковском и Хлебникове / [Публ. Т.М. Горяевой] // Архив Н.И. Харджиева. Русский авангард: материалы и документы из собрания РГАЛИ / Сост. А. Парнис. М., 2019. Т. III. С. 453–454.

²⁵² О рецепции статьи см. в указанном письме Якобсона (Письмо Р.О. Якобсона Х. МакЛейну. С. 165).

²⁵³ Якобсон Р., Святополк-Мирский Д. Смерть Владимира Маяковского. The Hague; Paris, 1975. С. 9. Отдельной темой является сопоставление статьи Якобсона с серией текстов Эйхенбаума 1920-х годов, начатой написанной на смерть Блока и Гумилева статьей «Миг сознания» (1921) и продолженной неопубликованными выступлениями «Смерть Есенина» (1926) и «Литературная личность Есенина» (1927), в которых на примере «ранних развитий и ранних трагических

Маяковский предстал у Якобсона как поэт, который «воплотил в себе лирическую стихию поколения», причем в описании Якобсона это поколение не могло не ощущаться Мандельштамом как свое:

Примерно те, кому сейчас между 30 и 45-ю годами. Те, кто вошел в годы революции уже оформленным, уже не безликой глиной, но еще не окостенелым, еще способным переживать и преобразаться, еще способным к пониманию окружающего не в его статике, а в становлении²⁵⁴.

Ненависть к в широком смысле антиреволюционной, консервативной стихии *быта*, с которой, по Якобсону, всю жизнь воевал Маяковский, также роднила текст «Поколения» со статьями Мандельштама начала 1920-х годов, с «Шумом времени» и даже с «Четвертой прозой» («Когда певцы убиты, а песню волокут в музей, припиливают к вчерашнему дню» у Якобсона — ср. о Благодоме, который «сторожит в специальном музее веревку удавленника — Сережи Есенина»). Некоторые пассажи Якобсона актуализировали в новом — сближающем — контексте содержавшие совпадения с последними текстами самого Мандельштама стихи Маяковского («Не потому ли стих его начинен ненавистью к крепостям быта, и в словах таятся „буквы грядущих веков“?»)²⁵⁵.

Под пером Якобсона Маяковский, который, говоря словами Курса, *не мог пережить все это*, вырос в символическую фигуру поэта-новатора, ставшего, несмотря на всю революционность, жертвой своего «глухого» времени, «обреченным „изгоем нынчести“»²⁵⁶, чьи «захватывающие песни о будущем <...> из динамики сегодняшнего дня превратились в историко-литературный факт»²⁵⁷. Мандельштам, не раз манифестировавший свою «современность», однако упорно выдавливаемый критической рецепцией из литературного сегодня в прошлое, не мог не видеть здесь неожиданной и оттого еще резче ощущаемой общности поэтических судеб²⁵⁸.

гибелей» тех же, что у Якобсона, поэтов (за исключением Маяковского) осмыслилась «трагедия целого поколения, вздыбленного революцией и оседающего вместе с ней» (*Subbotin S.* Борис Эйхенбаум о Сергее Есенине в 1926–1927 годах // *Revue des Études Slaves*. 1995. Т. LXVII. Ф. 1. Р. 121).

²⁵⁴ Якобсон Р., Святополк-Мирский Д. Указ. соч. С. 8.

²⁵⁵ Там же. С. 24 (из стихотворения «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому», 1926).

²⁵⁶ Там же. С. 25.

²⁵⁷ Там же. С. 34.

²⁵⁸ О схожем «параллелизме» в посмертном восприятии литературной биографии Маяковского Булгаковым см.: Флейшман Л. О гибели Маяковского как «литературном факте» // Он же. От Пушкина к Пастернаку. С. 260–261. Ср. также

30 сентября 1931 года симпатизировавший Мандельштаму главный редактор «Нового мира» В.П. Полонский записал в дневнике:

Заходил Мандельштам. Постарел, лысеет, седеет, небрит. Нищ, голоден, оборван. Взвинчен, как всегда, как-то неврастенически взвихривается в разговоре, вскакивает, точно ужаленный, яростно жестикулирует, трагически подвывает. Самомнение — необычайное, говорит о себе как о единственном или, во всяком случае, исключительном явлении. То, что его не печатают, он не понимает как несоответствие его поэзии требованиям времени. Объясняет тысячью различных причин: господством бездарности, халтуры, гонением на него и т.п. Требуется, чтобы его печатали, требует денег, настойчиво, назойливо, намекая на возможность трагической развязки. В нем, конечно, чувствуется трагедия: человек с огромным поэтическим дарованием, с большой культурой — он чужд нашему времени и ничего не может ему дать. Он в своем мире — отчасти прошлого, рафинированных, эстетских переживаний, глубоко индивидуальных, узких, хотя и глубоких, — но ни с какой стороны не совпадающих с духом времени, с характером настроений, царящих в журналах. Поэтому он со своими классическими, но холодными стихами — чужак. И налет упадочности на них, конечно, велик. Что с ним делать? Грязен, оборван, готовый каждую минуту удариться в истерику, подозревающий всякого в желании его унижить, оскорбить, — у него нечто вроде мании, — тяжело с ним встречаться и разговаривать. Тем более что помочь ему трудно. Я дал ему аванс — рублей шестьсот — под прозу. Написал два листа — требует еще, так как не может продолжать²⁵⁹.

Публикатор дневника Полонского С.В. Шумихин, исходя из указанного объема текста, справедливо предположил, что речь идет о «Путешествии в Армению»²⁶⁰. Несмотря на полученный от Полонского аванс, «Путешествие» осталось в прежнем объеме и было опубликовано не в «Новом мире», а в майской «Звезде» за 1933 год — оче-

---

замечание Эндрю Кана о написании Мандельштамом антисталинской инвективы как о «жесте, подобном самоубийству Маяковского» (*Kahn A. Mandelstam's Worlds: Poetry, Politics, and Identity in a Revolutionary Age*. Oxford, 2020. P. 243).

²⁵⁹ Полонский В. «Моя борьба на литературном фронте». Дневник. Май 1920 — январь 1932 / Подгот. текста, публ. и коммент. С.В. Шумихина // *Новый мир*. 2008. № 6. С. 145–146.

²⁶⁰ Там же. С. 159.

видно, после снятия Полонского с поста главного редактора «Нового мира» в декабре 1931 года и его скоропостижной смерти в феврале 1932-го Мандельштам, продолжая печатать в «Новом мире» стихи (1932. № 4, 6), решает «продать» свою прозу дважды. Литературных заработков катастрофически не хватает, цензурные препятствия мешают выходу уже принятых редакциями вещей; в письме отцу в конце 1932 года Мандельштам называет это «изоляцией», которую (как точно отметил Полонский) считает «искусственной», создаваемой недоброжелателями в литературных кругах. Несмотря на прошедшие весной 1933 года в Ленинграде и Москве публичные вечера, к возможности организации которых он еще в декабре 1932 года относился скептически²⁶¹, два фактора — ужесточение политической обстановки и невероятная трудность реализации той модели литературного существования, которую он выбрал после возвращения из Армении и Грузии в конце 1930 года, — накладываясь друг на друга, как уже говорилось, меняют картину его мировосприятия. Осведомитель ОГПУ докладывал в июле 1933 года:

На днях возвратился из Крыма О. МАНДЕЛЬШТАМ. Настроение его резко окрасилось в антисоветские тона. Он взвинчен, резок в характеристиках и оценках, явно нетерпим к чужим взглядам. Резко отгородился от соседей, даже окна держит закрытыми со спущенными занавесками. Его очень угнетают картины голода, виденные в Крыму, а также собственные литературные неудачи: из его книги Гихл собирается изъять даже старые стихи, о его последних работах молчат. Старые его огорчения (побой²⁶², травля в связи с «плагиатом») не нашли сочувствия ни в литературных кругах, ни в высоких сферах. МАНДЕЛЬШТАМ собирается вновь писать тов. СТАЛИНУ. Яснее всего его настроение видно из фразы: «Если бы я получил заграничную поездку, я пошел бы на все, на любой голод, но остался бы там». Отдельные его высказывания по литературным вопросам были таковы: «Литературы у нас нет, имя литератора стало позорным, писатель стал чиновником, регистратором лжи. „Литературная газета“ — это старая проститутка — права в одном: отрицает у нас литературу». В каждом номере вопль, что литература отстает, не перестроилась и проч. Писатели жаждут не успеха, а того, чтобы их Ворошилов вешал

²⁶¹ См. письмо Мандельштама отцу от конца декабря 1932 года (III: 512).

²⁶² Имеется в виду конфликт Мандельштамов с писателем Амиром Саргиджаном (С.П. Бородиным) в сентябре 1932 года.

на стенку, как художников (теперь вообще понятие лит<ературного> успеха — нонсенс, ибо нет общества)²⁶³.

Помимо интригующего, но не подтверждаемого (пока) другими источниками, сообщения о том, что Мандельштам писал и вновь хочет писать о своем положении Сталину²⁶⁴, и информации о его желании «бежать» от советской реальности, согласующейся с предыдущим агентурным сообщением (того же сексота?), принципиальным здесь является возникающий у Мандельштама тезис об отсутствии литературы.

Первые публичные констатации факта отсутствия в СССР литературы как традиционной социальной институции относятся к середине 1920-х годов и связываются с коренным изменением условий ее общественного бытования после революции. Наиболее откровенно «иносказательный» смысл этого утверждения был раскрыт в 1926 году в подцензурной прессе — в публикации выступления В.Б. Шкловского в московском Доме печати в прениях по докладу К.Б. Радека «Больные вопросы советской печати». Адресуясь к властям, Шкловский — в непосредственном диалоге с заместителем главного редактора «Известий» (и в будущем руководителем Главлита) Б.М. Волиным²⁶⁵ — прямо говорил о губительности политики репрессий и идеологического заказа:

Нужно знать пределы запрещения, иначе писатели перестанут писать и уйдут на другие профессии. Вы заказали товар, который нельзя сделать нашими инструментами. Мастерские находятся в отчаянии, поэтому они пьют. Наши писатели того товара, который вы заказываете, сделать не могут, и поэтому литературы в данный момент нет.

Тов. Волин: Каких же заказов вы хотите?

Тов. Шкловский: Конечно, не денежных, а чтобы вы научились понимать литературу. Нельзя предлагать человеку описывать благополучие, когда его нет. Один писатель сказал — разрешите нам самим

²⁶³ Berelowitch A. Les Écrivains vus par l'OGPU // Revue des Études Slaves. 2001. Vol. 73. № 4. P. 626–627.

²⁶⁴ Ср. в связи с этим возможную попытку обращения к Сталину «через» М.С. Шагинян в апреле 1933 года. Нельзя исключить и того, что осведомитель путает Сталина и Молотова — адресата письма Н.Я. Мандельштам от декабря 1930 года.

²⁶⁵ Побывавшая на приеме у Волина в 1936 году О.М. Фрейденберг так отозвалась о нем: «Это был старый четырехугольный, коренастый человек с седыми взрыхленными копнами волос, с лицом и нравом Держиморды: заслуженный советский цензор» (Переписка Бориса Пастернака / Сост., подгот. текстов и коммент. Е.В. Пастернак, Е.Б. Пастернака. М., 1990. С. 157).

знать наши развязки. Разрешите нам самим играть на нашем инструменте так, как мы умеем. <...> вы не умеете обращаться с писателем. Но без литературы, товарищи, все-таки жить нельзя. <...> Научитесь обращаться с писателями²⁶⁶.

Выступление Шкловского, судя по стенограмме, вызвало скандал²⁶⁷. Большую часть своего заключительного слова Радек посвятил отповеди Шкловскому, идя на провокационное, но не искажающее мысль оппонента обострение его тезисов:

<...> я понимаю его [Шкловского] постановку вопроса — нет прессы без свободы печати. <...> Но, товарищи, мы свободу печати принесли в жертву на известное время интересам освобождения человечества. <...> Есть другое обстоятельство. Уберите цензоров-дураков. Конечно, дорогой товарищ, такое требование не является крамольным, призывающим к ниспровержению существующего строя, попыткой потрясти основы. Но, во-первых, мнение о том, кто дурак, всегда очень различно, и не всегда тот дурак, который не пропустит даже очень хорошо написанной книги. Есть такие книги, которые очень хорошо написаны. Чем цензор будет умнее, тем больше он не пропустит. <...> Но когда вы выступаете с требованием общей свободы печати, то я понимаю, что в вас говорит либерал. Вам нужно писать. Если вы будете оперировать моим личным чувством симпатии к вам для понимания вашей трагедии, вы найдете полный отклик во мне. Но поймите, что мы существуем для революции, а не революция для нас. И если писатель находится в таком настроении, если у него такое сложение ума, что он как-то не созвучен, то его не хотят печатать. Это — трагедия, но это ваша личная трагедия, а не общественная. Вы скажете, что таких широких общественных слоев много. Да, мы, интеллигенция, имели один товар — выражать свои мысли в письме. Это была наша общественная функция. Но эта функция должна была в процессе революции уложиться в известные рамки²⁶⁸.

²⁶⁶ Журналист. 1926. Январь. № 1. С. 41. Весной 1925 года Шкловский формулировал те же тезисы осторожнее: «Пока не будет настоящего художественного (а не примитивно-политического) подхода к литературной форме, не будет и пролетарской литературы» (Известия. 1925. 8 апреля; цит. по комментариям А.Ю. Галушкина в изд.: Шкловский В. Указ. соч. С. 517).

²⁶⁷ Положения из речи в Доме печати, повторенные Шкловским на диспуте «Литературная Россия» в Колонном зале Дома союзов 12 февраля 1926 года, привлекли специальное внимание ОГПУ (см.: Шенталинский В. Рабы свободы: Документальные повести. М., 2009. С. 110–113).

²⁶⁸ Заключительное слово тов. Радека // Журналист. 1926. Январь. № 1. С. 43.

Тема биографического и творческого тупика, определенного, пользуясь выражением Радека, «известными рамками», поставленными «в процессе революции» (так или иначе ранее принятой корреспондентами), обсуждалась за несколько месяцев до выступления Шкловского в его переписке с соратником по ОПОЯЗу Б.М. Эйхенбаумом. 25 июля 1925 года Эйхенбаум писал Шкловскому:

У меня тоска по поступкам, тоска по биографии. Я читаю теперь «Былое и думы» Герцена — у меня то состояние, в котором он написал главу «Pi riante» <...>. Никому сейчас не нужна не только история литературы и не только теория, но и сама «современная литература». Сейчас нужна только личность. Нужно человека, который строил бы свою жизнь. Если слово, то — слово страшной иронии, как Гейне, или страшного гнева²⁶⁹.

Как уже было отмечено М.О. Чудаковой, упоминаемая Эйхенбаумом глава из книги Герцена посвящена разочарованию в последствиях европейских революций 1848–1849 годов («Неотразимая волна грязи залила все», — пишет Герцен)²⁷⁰. Еще год назад, в первом номере «Русского современника» (выступление на московской презентации которого так круто изменило положение Ахматовой), Эйхенбаум поместил статью, которая «оптимистически» называлась «В ожидании литературы». В ней он объяснял сложившуюся ситуацию («литература у нас кое-какая есть, но ее не читают»²⁷¹), с одной стороны, коренным изменением социальной структуры традиционной читательской аудитории — «русской интеллигенции <...> верного читателя и поклонника» русской литературы. «Этого читателя больше нет, потому что нет самой интеллигенции — по крайней мере в старом смысле этого слова» (иначе, говоря словами Мандельштама, сохранными осведомителем, «нет общества»). С другой стороны, утверждал Эйхенбаум, литературу уничтожает новая (партийная) критика, «которая не рассуждает, а произносит приговоры». Эту критику он именуется «политической» и, анализируя тексты ее основных представителей (в том числе Троцкого), чаемое появление литературы связывает с тем, что словесность найдет «какое-то дру-

²⁶⁹ Цит. по: Чудакова М.О. Социальная практика, филологическая рефлексия и литература в научной биографии Эйхенбаума и Тынянова // Она же. Избранные работы. М., 2001. Т. I: Литература советского прошлого. С. 435.

²⁷⁰ Там же. С. 436.

²⁷¹ Эйхенбаум Б. В ожидании литературы // Русский современник. 1924. № 1. С. 280.

гое место в жизни — скамья подсудимых для нее не подходит»²⁷². Критическая рецепция «Русского современника» в советской прессе и судьба журнала, закрытого на четвертом номере после ареста А.Н. Тихонова, одного из его соредакторов, продемонстрировали иллюзорность этих надежд.

К моменту написания письма Шкловскому и особенно к концу 1925 года, когда покончил жизнь самоубийством Есенин, Эйхенбаум пессимистичен — смерть Есенина воспринимается им как *поступок*, биографический «ответ» на социальные обстоятельства, тогда же описанные в дневнике Эйхенбаума с помощью автополемической формулы (отсылающей к названию статьи в «Русском современнике») — «Нет литературы и никому она не нужна»²⁷³.

В посвященных самоубийству Есенина и его «литературной личности» устных выступлениях²⁷⁴ Эйхенбаум с предельно возможной в советских цензурных условиях откровенностью вслед за Шкловским описывает положение русской литературы через отрицание ее «полноценности», прежде всего, моральной:

Современная русская литература, — говорил Эйхенбаум 10 января 1927 года на вечере памяти Есенина в Ленинграде, — почти целиком — явление не столько литературное, сколько литературно-бытовое. В центре нашей сегодняшней литературной жизни стоят вопросы не столько литературного порядка, сколько порядка общественного и морально-го — таков, по крайней мере, характер и наших литературных группировок, и нашей литературной борьбы. До самой литературы нам еще далеко — мы заняты сейчас примитивным делом организации литературного труда, упорядочения литературных отношений: повышением не столько качества продукции, сколько морального авторитета того, что называется литературой. Ведь за последние годы она пала именно морально — став отчасти особым и далеко не почетным видом службы по ведомству Наркомпроса, отчасти — обслуживанием рынка

²⁷² Там же. С. 290.

²⁷³ Дневниковая запись от 25 декабря 1925 года. Цит. по: *Depretto-Genty C. S. Esenin dans les travaux de l'OPOJAZ // Revue des Études Slaves. 1995. T. LXVII. F. 1. P. 109.* В своем восприятии гибели Есенина Эйхенбаум был не одинок: 11 января 1926 года С.Я. Парнок, излагая Е.К. Герцык трудности литературно-издательской жизни в советских условиях, писала: «Дорогая моя! Слишком трудно становится жить! Смерть Есенина всколыхнула всех нас. Кто на очереди теперь?» (*Парнок С.Я. Статья. Письма. Стихи / Публ. Т.Н. Жуковской, Н.Г. Князевой, Е.Б. Коркиной, С.В. Поляковой // De Visu. 1994. № 5/6. С. 20*).

²⁷⁴ См. примеч. 253. Подробнее о выступлениях Эйхенбаума см.: *Морев Г. «Нет литературы и никому она не нужна». С. 186–201.*

по заказу издателей. Напрасно говорят о литературной «профессии» и называют ее в некотором смысле «свободной» — писатель сейчас не профессионал и не свободный художник, а чернорабочий, ищущий себе места в жизни²⁷⁵.

У нас нет свидетельств какой-либо синхронной реакции Мандельштама на это, казалось бы, прямо касающееся его²⁷⁶ выступление Эйхенбаума. Е.А. Тоддес справедливо отмечает, что в этот период в своей попытке «синтеза элементов „старого“ и „нового“ мира» Мандельштам был «радикальнее ОПОЯЗа», который «стремился сохранить дистанцию»²⁷⁷ с советской современностью. Однако позднее — и в период «Четвертой прозы», когда поэт ощущает себя «чернорабочим слова», и особенно к кризисному 1933 году — настроения, так ярко проявившиеся в выступлениях и записях формалистов второй половины 1920-х годов, всецело овладевают Мандельштамом, предъявляющим тот же — моральный — счет и литературной, и политической системе.

15

...Я гневаюсь на вас, гнусавые вороны,
 Что ни свирель ручья, ни сосен перезвоны,
 Ни молодость в кудрях, как речка в купюре,
 Вас не баюкают в багряном октябре,
 Когда кленовый лист лохмотьями огня
 Летит с лесистых, скал, кимвалами звеня,
 И ветер-конь в дождливом чепраке
 Взлетает на утес, вздыбиться налегке,

²⁷⁵ Subbotin S. Указ. соч. С. 121.

²⁷⁶ В речи Эйхенбаума были слова, которые едва ли не имеют в виду Мандельштама («Слово „поэт“ становится вовсе архаичным — сейчас оно скорее всего обозначает человека, который когда-то писал стихи, а ныне переводит иностранные романы» — ср. записанный Лукницким разговор с Мандельштамом 17 августа 1928 года: «„Поэт“ — позорная кличка, неизвестно кем на посмешище выдуманная. <...> (это к тому, что О.М. бросил писать стихи <...>)» (Лукницкий П.Н. Дневник 1928 года. С. 435). О контактах Мандельштама и Эйхенбаума весной 1927 года см. в статье Е.А. Тоддеса (Тоддес Е.А. Мандельштам и опоязовская филология // Тоддес. С. 412).

²⁷⁷ Там же. С. 398, 712. Характерно сближение Е.А. Тоддесом эстетических установок Мандельштама этого периода с левовскими (советская ангажированность ЛЕФа была демонстративной) — ср. о примериваемых Мандельштамом к себе в этот период «мерках Лефа» в письме Н.Я. Мандельштам Ахматовой от 1958 года (Мандельштам Н. Об Ахматовой. С. 248–250).

Под молнии зурну копытом выбить пламя
 И вновь низринуться, чтобы клетать с орлами
 Иль ржать над пропастью потоком пенногривым.
 Я отвращаюсь вас, что вы не так красивы!
 Что знамя гордое, где плещется заря,
 От песен застите крылом нетопыря,
 Крапивой полуслов, бурьяном междометий,
 Не чужа пиришества столетий,
 Как бороды моей певучую грозу —
 Базальтовый обвал — художника слезу
 О лилии с полей Иерихона!
 Я содрогаюсь вас, убогие вороны,
 Что серы вы, в стихе не лирохвосты,
 Бумажные размножили погосты
 И вывели ежей, улиток, саранчу!..
 За будни львом на вас рычу
 И за мои неожиданные седины
 Отмщаю тягой лебединой! <...>

Эти стихи Клюева, названные (с «националистической» пушкинской проекцией) «Клеветникам искусства», по воспоминаниям Ахматовой, Мандельштам читал ей наизусть во время их встречи в Ленинграде в конце февраля 1933 года²⁷⁸. Текст мог возникнуть в разговоре по ассоциации: Ахматова и Мандельштам говорили, как мы помним, о Данте — Клюев же упоминает Данте во фрагменте «Клеветников» с описанием Ахматовой («Ахматова — жасминный куст, / Обожженный асфальтом серым, / Тропу утратила ль к пещерам, / Где Данте шел и воздух густ»). Однако можно предположить, что повод для обращения к стихам Клюева со стороны Мандельштама был основательнее, нежели просто лестное упоминание его визави на встрече в Фонтанном Доме.

Позднейшие мемуарные записи Ахматовой, в которых это стихотворение Клюева названо «причиной гибели несчастного Николая Алексеевича»²⁷⁹, задали ошибочную традицию восприятия этого

²⁷⁸ См.: Ахматова А. Листки из дневника. <О Мандельштаме>. С. 111.

²⁷⁹ Там же. Представляется, что именно сигнатурой советского террора 1920–1930-х годов и связанного с ним вынужденного поэтического молчания служат посвященные Ахматовой строки из «Клеветникам искусства», которые появляются в «Поэме без Героя» в редакции 1962 года в качестве эпитафии к «Решке» (см.: Ахматова А. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: Материалы к творческой истории / Изд. подгот. Н.И. Крайнева. СПб.,

текста, как одного из спровоцировавших арест поэта в 1934 году²⁸⁰. Между тем очевидно, что стихотворение Клюева «Клеветникам искусства» является документом того изменения политико-культурной ситуации, которое последовало за постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» 1932 года, ликвидировавшим РАПП и объявившим «объединительный» курс на создание «единого союза советских писателей»²⁸¹. Пафос Клюева направлен здесь против тех отстраненных постановлением ЦК от руководства культурной политикой партийных критиков, чья непримиримость по отношению к «попутнической» литературе все эти годы («десять лет» — то есть приблизительно с 1922 года) мешала («застыла крылом нетопыря») подлинной поэзии («песням», персонафицируемым у Клюева им самим, Сергеем Клычковым, Ахматовой и Павлом Васильевым) объединиться с советской действительностью («республикой желанной»), чьим недвусмысленным символом выступает в тексте красный флаг («знамя гордое, где плещется заря»). Именно в качестве манифеста нового этапа «перестройки» литературы эти стихи были предложены Клюевым в августе 1932 года к публикации в журнале «Новый мир»²⁸² и публично прочитаны им в ноябре на авторском вечере Васильева в Московском клубе художников²⁸³.

2009. С. 556), содержащей «потаенные» строфы IX–XIV (не опубликованные при жизни автора и отмечавшиеся по цензурным причинам в большинстве списков точками) с взаимосвязанными темами поэтической немоты и воплощенного с помощью политического террора социального «ада» (образа, ассоциированного у Ахматовой с Данте). С «общей» темой невозможности «пения в аду/пустоте/вакууме», видимо, связано (невольное?) искажение Ахматовой клюевского текста — замена определения воздуха на «пуст» (вместо «густ» у Клюева). Ср. в посвященных Мандельштаму стихах Ахматовой из «Венка мертвым» (1957), описывающих тот же период террора: «Тем же *воздухом*, так же над бездной / Я дышала когда-то в ночи, / В той ночи, и *пустой* и железной, / Где напрасно зови и кричи» (курсив наш; ср. также: *Бабаев* Э. Воспоминания. СПб., 2000. С. 41).

²⁸⁰ См., например: Русская литература 1920–1930-х годов: Портреты поэтов: В 2 т. / Ред.-сост. А.Г. Гачева, С.Г. Семенова. М., 2008. Т. I. С. 27.

²⁸¹ Власть и художественная интеллигенция. С. 173.

²⁸² *Субботин* С.И. Николай Алексеевич Клюев (1884–1937): Хронологическая канва жизни и творчества // Николай Клюев: Воспоминания современников / Сост. П.Е. Поберезкиной. М., 2010. С. 815–816.

²⁸³ См. письмо Клюева А.Н. Яр-Кравченко от 20–30 ноября 1932 года (Наследие комет. С. 149; дата письма уточнена в публикации: *Субботин* С. О датировках писем Н. Клюева к А. Яр-Кравченко (1931–1934) // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2012. Кн. 2. С. 498). Исправляя ошибку А.И. Михайлова (Наследие комет. С. 271), укажем неназванное Клюевым место проведения вечера Васильева — оно устанавливается нами по адресу, который упомянут в письме: Ветошный переулок. В Ветошном переулке (дом 2) располагался Московский клуб художников

Упоминание в «Клеветникам искусства» Ахматовой — среди ближайших Ключеву поэтов — не случайно: помимо биографических обстоятельств 1932 года, о которых речь пойдет далее, Ключеву была близка ахматовская общественная и литературная позиция, в том виде, в каком мы пытались реконструировать ее выше. Стратегия самого Ключева, так же как и Ахматова, испытывавшего все возрастающее отчуждение от советской действительности, отличалась, однако, меньшей последовательностью. Своего рода девизом ее может служить (также известная по воспоминаниям Ахматовой) фраза, сказанная Ключевым Гумилеву после его «публичного отречения» от Цеха поэтов на вечере Всероссийского литературного общества 15 февраля 1913 года: «Рыба ищет, где глубже, человек, где лучше»²⁸⁴.

Будучи настроен по отношению к новому режиму едва ли не более радикально, чем Ахматова, — например, Ключев был многолетним «усердным прихожанином»²⁸⁵ Николаевского единоверческого храма, которым в силу оппозиционности этого прихода подконтрольной большевикам церкви одновременно интересовалась Ахматова, — Ключев тем не менее никогда не отказывается от попыток публикации своих новых текстов в советской печати (в том числе и традиционно включаемой ныне в антисоветский канон «Погорельщины»). В феврале 1926 года С.М. Городецкий пересказывал свой недавний разговор с Ключевым: «Как это ты пишешь в „Кр<асную> газ<ету>“ — совмещая с этим пис<анием> свои лампадки? — Ко мне приходят за стихами, приносят деньги — я и даю. А что вообще пишут они в своей газете — меня не касается. Пишу, и плотят — а что пишут — не знаю...»²⁸⁶ Осенью 1923 года, синхронно зафиксированным Г.А. Бениславской антисоветским и антисемитским суждениям («жиды не дают печататься, посадили в тюрьму»²⁸⁷), Ключев выпускает в руководимом покровительствующим ему И.И. Ионовым (Бернштейном) петроградском отделении Госиздата книгу стихов

(Мостобласткомрабис), периодически устраивавший литературные вечера (3 апреля 1933 года там будет выступать Мандельштам).

²⁸⁴ Ахматова А. Автобиографическая проза // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 7.

²⁸⁵ Свидетельство архиепископа РПЦ за рубежом Леонтия Чилийского (цит. по: Николай Ключев: Воспоминания современников. С. 693), подтверждаемое воспоминаниями Р. Менского (Г.Г. Раменского) и Б.Н. Кравченко (Там же. С. 422, 470).

²⁸⁶ Там же. С. 280.

²⁸⁷ Цит. по: Азадовский К. Жизнь Николая Ключева: Документальное повествование. СПб., 2002. С. 202. Имеется в виду осложнение положения Ключева в Вытегре после исключения из партии в 1920 году, закончившееся арестом в июне 1923 года.

«Ленин», которую Ионов сразу после смерти Ленина переиздает там же тиражом 25 тысяч экземпляров²⁸⁸.

Сколько можно судить, подобного рода «лицемерие» воспринималось Ключевым как имманентная черта «художника» (ср.: «В художнике, как в лицемере, / Таятся тысячи личин», 1930), поэтому поиск комфортной социальной ниши, требовавший в советских условиях маскировки подлинных настроений, был для него органичен. Поэт был готов на известные компромиссы в смысле тематики и/или лексикологии своих текстов²⁸⁹. Вместе с тем зона компромисса не могла (без катастрофических для авторской идентичности Ключева последствий) распространяться на основы его тщательно выстраиваемого с середины 1900-х годов персонального поэтического мифа — национально окрашенную религиозность («древнее благочестие») и гомосексуальность. Трансформация этих принципиальных и взаимосвязанных для Ключева оснований его частной и литературной жизни в результате социальной динамики 1920–1930-х годов исчерпывающе описывается пронцательным замечанием хорошо знавшей его В.Н. Горбачевой — «выдержанная поза, мешающая жить, переходит в добровольные подвижнические вериги на всю жизнь»²⁹⁰. Демонстративная религиозность привела Ключева к осложнившейся его биографии исключению из рядов ВКП(б) в 1920 году, публично афишируемая гомосексуальность²⁹¹, как мы увидим, станет подлинной причиной его ареста в 1934-м.

В положении Ключева и Мандельштама в 1932 году, когда написаны стихи «Клеветникам искусства», было много общего. Как и Мандельштам, Ключев являлся одним из бенефициаров постановления «О перестройке литературно-художественных организаций» — уже в мае 1932 года он прикрепляется к закрытому распределителю

²⁸⁸ Ключев Н. Словесное древо. С. 632 (коммент. В.П. Гарнина).

²⁸⁹ Ср. в письме Ключева А.Н. Яр-Кравченко от 14 февраля 1933 года: «Написал [Н.С.] Тихонову письмо, чтоб напечатали два стихотворения». <...> В стихотворении „В разлуке жизнь...“ слово „молился“ можно заменить словом — „трудился“ (хоть это и будет клеветой на самого себя)» (Там же. С. 288).

²⁹⁰ Николай Ключев: Воспоминания современников. С. 560.

²⁹¹ Ср., например, в апрельском письме 1929 года А.Н. Яр-Кравченко родным о чтении Ключевым «Погорельщины» в ВСП в Ленинграде: «Я около Н.А. Он меня тащит на сцену. Мне неудобно... повинуюсь <...> В зале полно публики <...> Н.А. кланяется. Подбегает человек, поэт Рождественский, подсовывает ему кресло, он двигает его ко мне и говорит садитесь. Я не знаю, что делать, сажусь, на меня все смотрят. Рождественский в изумлении. Н.А. садится на стул, потом оповещает: „Погорельщина“ посвящена моему другу Анатолию Кравченко. Вот он“ — и при всех целует меня в губы» (Наследие комет. С. 29–30; в окончательном тексте поэмы посвящение отсутствует).

на Остоженке²⁹² и получает персональную пенсию²⁹³, его стихи впервые с 1928 года появляются в печати²⁹⁴. Так же как и Мандельштам, Клюев фигурирует в «номенклатурном» списке-реестре советских писателей, поданном Кагановичем Сталину в апреле 1932 года²⁹⁵. Этим изменениям предшествовал острый кризис во взаимоотношениях Клюева с ВССП. Нетипичное для советского литератора поведение Клюева в этом конфликте напоминает о взаимоотношениях Мандельштама с ФОСП и его письмах 1929 года в адрес этой организации.

Летом 1931 года в связи с перерегистрацией членов ВССП специальная комиссия союза обратилась к Клюеву с просьбой представить ей «развернутую подробную критику своего творчества и общественного поведения»²⁹⁶. «Перерегистрация членов Союза, именовавшаяся „чисткой“», была, как указывает исследователь истории этой инсти-туции, «одним из основных этапов реорганизации [ВССП]. <...> Ее целью было освобождение от „пассивной оппозиции“, „реакционной части Союза“»²⁹⁷. В отличие от перерегистрации 1929–1930 годов (которую Клюев прошел) чистка 1931 года была особенно масштабной. В 1931 году основные мотивы исключения были сугубо идеологическими. «В середине 1931 г. из Л<енинградского> О<тделения> Союза выбыло уже 82 человека, в начале 1932 г. — 56. <...> В 1930–1932 гг. для многих писателей условием перерегистрации в Союзе являлось публичное признание своих идейно-творческих ошибок»²⁹⁸.

Документ, предоставленный Клюевым в ответ на требование Союза, с уникальной полнотой отражает особенности его персональной общественно-литературной стратегии. В конце 1931 года

²⁹² *Клюев Н.* Словесное древо. С. 408; Наследие комет. С. 109. «Н.А. попал среди 150 избранных писателей из 5000 в Москве и поэтому должен получать крупчатку, яйца, ветчину и все то, что почти в неограниченном количестве представляется особым снабжением», — сообщал родным А.Н. Яр-Кравченко 15 июля 1932 года (Наследие комет. С. 115).

²⁹³ «У Н<иколая> А<лексеевича> персональная пенсия 225 р<ублей>» (А.Н. Яр-Кравченко — родным, 27 июня 1932 года: Там же. С. 110). Хлопоты о пенсии продолжались с 1929 года.

²⁹⁴ *Клюев Н.* Стихи из колхоза // Земля советская. 1932. № 12.

²⁹⁵ См. комментарии Л.В. Максименкова в изд.: Большая цензура. С. 332. Фрагмент списка с фамилией Мандельштама приведен в публикации: *Максименков Л.* От опеки до опалы: Как Осип Мандельштам не стал советским писателем // Огонек. 2016. № 2. С. 32.

²⁹⁶ Цит. по: *Азадовский К.* Жизнь Николая Клюева. С. 263.

²⁹⁷ *Кукушкина Т.А.* Всероссийский союз писателей. Ленинградское отделение (1920–1932): Очерк деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год / Отв. ред. Т.Г. Иванова. СПб., 2006. С. 117.

²⁹⁸ Там же. С. 117–118.

Клюев направляет в правление ВССП письмо, в котором не только не идет навстречу ожиданиям, связанным с «раскайанием» в несоответствии его поэзии требованиям советской идеологической повестки, но в резких выражениях отстаивает право на свое художественное видение. Объясняясь по поводу своей поэмы «Деревня», публикация которой в журнале «Звезда» (1927. № 1) вызвала скандал²⁹⁹, Клюев подчеркивает полностью сознательный выбор художественных средств и рассчитанный им эффект от их применения:

Свириели и жалкования «Деревни» сгущены мною сознательно и родились из уверенности, что не только сплошное «ура» может убеждать врагов трудового народа в его правде и праве, но и признание своих величайших жертв и язв неисчислимых от власти желтого дьявола — капитала. Так доблестный воин не стыдится своих ран и пробоин на щите, его орлиные очи сквозь кровь и желчь видят

На Дону вишневые хаты,
По Сибири лодки из кедр³⁰⁰.

Более того, отстаивание Клюевым своего права на эстетический выбор ведется в прямой полемике с советской литературой в лице одного из ее знаковых представителей — Маяковского, чей знаменитый «товарищ маузер» из «Левого марша» выступает у Клюева символом веры «серой», «с невоспитанным для музыки слухом» официальной критики:

Если средиземные арфы живут в веках, если песни бедной занесенной снегом Норвегии на крыльях полярных чаек разносятся по всему миру, то почему же русский берестяной Сириин должен быть ошипан и казнен за свои многопестрые колдовские свириели — только лишь потому, что серые, с невоспитанным для музыки слухом обмолвятся люди, второпях и опрометно утверждая, что товарищ маузер сладкоречивее

²⁹⁹ Один из членов редакции журнала рапповец А.И. Зонин счел нужным печатно объясняться по поводу появления стихов Клюева в «Звезде»: «Черносотенное стихотворение Н. Клюева, как и все другие стихи первого № ленинградского журнала „Звезда“, принимались без меня. В настоящее время, в связи с переездом в Москву фактического участия в работах редакции „Звезды“ я не принимаю. Вместе со всеми т.т. по ВАПП’у, я считаю напечатание стихов Клюева в марксистском журнале недопустимым» (Зонин А. [Письмо в редакцию] // На литературном посту. 1927. № 3. С. 79).

³⁰⁰ Цит. по: Базанов В.Г. С родного берега: О поэзии Николая Клюева. Л., 1990. С. 198–199. Стихотворная цитата — из поэмы Клюева «Деревня».

хоровода муз? Я принимаю и маузер, и пулемет, если они служат славе Сирина — искусства... Я отдал свои искреннейшие песни революции (конечно, не поступаясь своеобразием красок и языка, чтобы не дать врагу повода для обвинения меня в неприкрытом холопстве).

Однако чрезвычайно характерным для Клюева образом — и в этом его принципиальное отличие от Мандельштама — утверждение несогласия с ВССП ведет не к разрыву с Союзом, а к попытке компромиссного (со)существования с ним и в нем: свою поэтику и одновременно право быть членом ВССП Клюев обосновывает апелляцией к своему ужасающему материальному положению — сообщая уже цитированный нами рассказ (возникший, по нашему предположению, под влиянием истории Тинякова) о своем нищенстве на задворках Ситного рынка³⁰¹.

Получение письма Клюева приводит к тому, что 9 января 1932 года Ленинградское бюро секции поэтов ВССП заочно исключает его из своего состава³⁰², а 16 января Комиссия по перерегистрации членов ЛО ВССП подтверждает исключение Клюева из союза «как абсолютно чуждого по своим идейно-творческим установкам Советской литературе — писателя»³⁰³. 20 января Клюев пишет смягченный вариант своего заявления, где, в частности, исчезает «маузер» Маяковского

³⁰¹ Необходимо заметить, что тема крайней нужды, граничащей с нищетой, постоянная у Клюева в 1920-е — начале 1930-х годов, очевидно, является одной из авторских «личин „для публики“» (из письма Клюева А.В. Ширяевцу от 3 мая 1914 года: *Клюев Н. Словесное дерево*. С. 220). На риторическом уровне это выражается в выработке «этикетной формулы» «Милосердие и русская поэзия будут (имяреку) благодарны» (впервые в несколько измененном виде в 1919 году в письме И.И. Ионову: *Клюев Н. Словесное дерево*. С. 251): «Клюев всегда употребляет ее там, где того требует этикет соответствующей ситуации („моления“ о помощи)» (Николай Клюев в последние годы жизни: Письма и документы / Публ., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. Г.С. Клычкова, С.И. Субботина // *Новый мир*. 1988. № 8. С. 167). Скорректировать картину помогают документы: так, 30 сентября 1925 года Клюев подал в фининспекцию сведения о том, что «за время с 1-го апреля по 30-е сентября с. года никаких заработков не имеет» (*Клюев Н. Словесное дерево*. С. 634). Справка Ленинградского отделения Госиздата от 18 ноября сообщала, что «с 1 апр. по 1 окт. 1925 г. Клюеву было выплачено 750 рублей» (Там же). Судя по некоторым свидетельствам, помимо (действительно, скромных и нерегулярных) литературных заработков, иссякающих к концу 1920-х, Клюев вынужден был жить на деньги от продажи имевшихся в его собрании икон древнего письма, рукописных и старопечатных книг и т.п.; перечень оставшихся в его квартире после ареста и высылки из Москвы вещей (в том числе представлявших антикварную ценность) занимает несколько страниц (Там же. С. 410–413).

³⁰² *Клюев Н. Словесное дерево*. С. 637 (коммент. В.П. Гарнина).

³⁰³ Новые документы из архива А.Д. Скалдина / Публ. Т.С. Царьковой // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год*. СПб., 2003. С. 393.

и, напротив, прибавляется упоминание о двадцатипятилетнем литературном стаже³⁰⁴. Никаких существенных корректировок текст письма при этом не претерпевает. Это, вероятно, возымело тем не менее какие-то последствия — публикатор протокола комиссии по перерегистрации отмечает, что «фамилия [Клюева] вычеркнута из списка красным карандашом. На полях чернилами поставлен плюс»³⁰⁵.

В начале апреля 1932 года Клюев переезжает в Москву, поселившись недалеко от Дома Герцена, где живет Мандельштам; они часто видятся. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» 23 апреля меняет литературный статус обоих.

Если формальным следствием постановления Политбюро был роспуск РАППа, претендовавшего на монопольное право контроля на литературной сцене, то следствием идеологическим — коренная перемена общественного климата вокруг литературы. Казалось, что изменение партийного подхода к литературной политике в каком-то смысле является, наконец, ответом на вопрос о «сохранении» непартийных писателей (именно в таком виде, восходящем к формуле Розанова, поставленный, как мы помним, в письме Н.Я. Мандельштам Молотову). Председатель Оргкомитета будущего Союза советских писателей И.М. Гронский на расширенном пленуме Оргкомитета 29 октября 1932 года говорил:

Я считаю ошибкой РАПП некую ее нетерпимость: какой-нибудь писатель запятую не там поставил — его сейчас же по всему фронту начинают «прорабатывать» и превращают в классового врага, во все, что хотите, а то и из литературы выбрасывают. Даже прямо так и говорили: «Мы тебя из литературы выбросим». <...> Вот у нас в привычку вошло — чуть немножко — и классовый враг. <...> Раз враг <...> то вы знаете, что с таким врагом у нас разговоры крутые, очень крутые. Так что это понятие, это определение надо очень осторожно употреблять. <...> Прежде, чем такое обвинение писателю бросить, нужно проверить тщательно, что он из себя представляет, какую он работу проводил. И нужно посмотреть, не является ли его ошибка случайностью. Если он действительно допустил несознательную ошибку, то нужно

³⁰⁴ *Клюев Н.* Словесное древо. С. 406–408.

³⁰⁵ Новые документы из архива А.Д. Скалдина. С. 393. Судя по мартовским и апрельским (1932) письмам Клюева А.Н. Яр-Кравченко и Л.И. Раковскому, в Союзе он продолжал числиться (см.: *Субботин С.* О датировках писем Н. Клюева к А. Яр-Кравченко. С. 497–498).

его раскритиковать, но человека надо сохранить. Надо не только дать ему возможность работать, но и помочь эту ошибку исправить, выправить, надо дать ему возможность работать равноправным членом писательской семьи³⁰⁶.

Все это открывало принципиально новые возможности для конфликтовавших с официозной критикой литераторов. Ближайший литературный соратник Ключева Сергей Клычков в мае 1932 года на одном из писательских собраний, посвященных перспективам создания нового союза, так обрисовал свое положение (его слова вполне могут быть применены и к Ключеву):

<...> будут ли в новом Союзе применяться цирковые дрессировочные приемы РАППа, будут ли использоваться способы наказаний, которые напоминают глубокую древность, когда человека, подошедшего не с достаточным благочестием к священному дереву, прибавали за конец кишки и заставляли бегать вокруг этого древа этого случайно провинившегося чудака? Дорогие товарищи, годов так пять сам лично я в таком положении пробегал у мамрийского дуба РАППа, на большую половину я свои кишки вымотал, теперь, когда через очень короткое время, возможно, мне пришел бы конец, я начинаю вматываться обратно. (Смех.)³⁰⁷

Ситуация, однако, для того же Клычкова (как и для Ключева, и для Мандельштама) осложнялась тем, что «потепление» на «литературном фронте» в 1932–1933 годах сопровождалось, как мы показывали выше, катастрофическими последствиями сталинской политики и продолжением чекистского террора. Для непартийных авторов — и в особенности для тех из них, кто, как Мандельштам, Ключев и Клычков, был причислен критикой к «правым попутчикам» — по разному переживаемое и вызванное разными причинами, но тем не менее однозначное «изгойство» рубежа 1930-х годов сменяется двусмысленным состоянием морального компромисса, необходимого для использования тех возможностей, которые предоставляла новая общественно-политическая реальность. Представляется, что выход Мандельштама из этой ситуации во многом связан с поведением в ней Ключева.

---

³⁰⁶ Между молотом и наковальней. С. 173; курсив наш. См. также: Советская литература на новом этапе: Стенограмма Первого пленума Оргкомитета Союза советских писателей (29 октября — 3 ноября 1932 года). М., 1933. С. 9.

³⁰⁷ Николай Ключев в последние годы жизни. С. 166.

Пользуясь открывшимися после объявленной «оттепели» некоторыми возможностями писательской реализации и номенклатурными благами³⁰⁸, Клюев в 1932–1933 годах входит во все больший конфликт с политическим курсом советской власти периода «ускоренной индустриализации».

Я считаю, что политика индустриализации разрушает основу и красоту русской народной жизни, причем это разрушение сопровождается страданиями и гибелью миллионов русских людей. <...> Я воспринимаю коллективизацию с мистическим ужасом, как бесовское наваждение —

показывал Клюев после ареста³⁰⁹. «Настало царство сатаны, все нам родное и любое нам уничтожается с быстротой неимоверной. Деревня дыбом, мужик — колесом», — пересказывал разговоры с Клюевым начала 1930-х в показаниях 1937 года в НКВД Клычков³¹⁰. «Мой взгляд на коллективизацию, как на процесс, разрушающий русскую деревню и гибельный для русского народа, я выразил в своей поэме „Погорельщина“, — говорил Клюев на допросе 15 февраля 1934 года³¹¹.

Соблюдать осторожность при выражении своих взглядов поэт необходимым не считал — напротив, неопубликованные тексты (и прежде всего, «Погорельщина») многократно исполнялись им в литературных кружках и салонах, размножались в машинописных копиях и даже передавались за границу³¹². Особого рода нарочитость

³⁰⁸ «В закрытый распределитель [Клюев] ходит с забавным упоением», — отмечала в дневнике В.Н. Горбачева (Николай Клюев: Воспоминания современников. С. 560).

³⁰⁹ Шенталинский В. Рабы свободы. С. 264.

³¹⁰ Растерзанные тени: Избранные страницы из «дел» 20–30-х годов ВЧК — ОГПУ — НКВД, заведенных на друзей, родных, литературных соратников, а также на литературных и политических врагов Сергея Есенина / Сост. Ст. Куняев, С. Куняев. М., 1995. С. 351.

³¹¹ Шенталинский В. Рабы свободы. С. 265.

³¹² О передаче Клюевым текста «Погорельщины» в 1931 году итальянскому слависту Этторе Ло Гатто известно из воспоминаний последнего (опubl. 1953). Сведения об этом, пусть и в искаженном виде, содержатся в справке томского НКВД от 28 мая 1937 года, подготовленной перед последним арестом Клюева (Азадовский К. Жизнь Николая Клюева. С. 311). О присутствии иностранных дипломатов на чтении Клюева у искусствоведа А.И. Анисимова в 1929 году см. в воспоминаниях Рюрика Ивнева (Николай Клюев: Воспоминания современников. С. 208–209). В следственном деле Клюева было сохранено также письмо художника П.А. Мансурова, в 1928 году оставшегося на Западе, полученное Клюевым в 1933 году. Весной 1933 года лояльное отношение Клюева к распространению своих неподцензурных стихов привело к инциденту: его партнер А.Н. Яр-Кравченко без разрешения Клюева отдал в машинописную перепечатку первую часть его «заветной» поэмы «Песнь о Великой Матери», что вызвало серьезную обеспокоенность у поэта (см.: Клюев Н. Словесное древо. С. 297 и след.).

сопровождала и частную жизнь Клюева, неизменно публично появлявшегося в экзотической для городского — и особенно литературного — мира «крестьянской одежде» (что часто провоцировало агрессию³¹³) в сопровождении молодых спутников³¹⁴.

Говоря о причинах ареста Клюева, исследователи его творчества традиционно опираются на мемуарный рассказ И.М. Гронского, в 1959 году во время встречи с сотрудниками ЦГАЛИ утверждавшего, что он лично, узнав от своего свояка Павла Васильева о гомосексуальном характере переданных ему, как главному редактору, для «Нового мира» клюевских стихов, отказался публиковать их в журнале и после резкого объяснения с Клюевым позвонил Г.Г. Ягоде и попросил его выслать Клюева из Москвы. Гронский особо подчеркнул, что арест Клюева был согласован им со Сталиным³¹⁵. Этот мемуарный рассказ нуждается, однако, в существенной корректировке.

Судя по всему, речь идет о посвященном художнику Анатолию Яр-Кравченко цикле стихотворений «О чем шумят седые кедр» (1930–1932), переданном Клюевым в августе 1932 года Гронскому для публикации в «Новом мире» вместе с текстом «Клеветникам искусства». Лирический цикл «О чем шумят седые кедр» представляет еще один характерный для Клюева пример того самого компромисса, о котором шла речь выше. Это своего рода поэтико-идеологический конструкт, в котором Клюев пытается объединить органичную для себя эксплицитно-гомосексуальную любовную адресацию с советской тематикой: приход новой любви ассоциирован с обращением автора к новой действительности («Пусть тростники моих седин, / Как речку, юность окаймляют, / Плывая по розовому маю, / Причалит сердце к октябрю»). Отказ в публикации цикла, в котором поэт в угоду цензурным требованиям сознательно жертвовал одной из принципиальных для своей лирики установок на традиционный идеал русской деревенской культуры, воспевая «мою республику родную» и «песенный колхоз», был для Клюева серьезным ударом, продемонстрировавшим недостаточность компромисса, на который

³¹³ Клюева принимали за священника (см.: Наследие комет. С. 70, 85).

³¹⁴ Ср. дневниковую запись Е.Ф. Вихрева от 12 ноября 1929 года: «Вечер в „Новом мире“. Познакомился с Н. Клюевым. <...> [Н.И.] Замошкин сказал мне: „Здесь Клюев вместе с женой“. — С какой женой? Я ее не вижу. — А вот этот молодой человек — художник А. Кравченко» (Николай Клюев: Воспоминания современников. С. 552). Гомосексуальность Клюева приводила иногда к осложнению его отношений с религиозной частью его окружения в начале 1930-х годов; см.: Азадовский К. «Сестра по упованию» // Звезда. 2013. № 9. С. 167–170.

³¹⁵ Гронский И.М. О крестьянских писателях. С. 154.

он решился³¹⁶. В этом контексте вполне правдоподобно выглядит факт резкого разговора Ключева с Гронским: мемуаристы свидетельствуют о жесткости и даже «озлоблении», с которыми Ключев встречал отказы в публикации³¹⁷. На наш взгляд, именно к разговору с Гронским Ключев отсылает в тексте посвященного Васильеву стихотворения 1933 года «Я человек, рожденный не в боях...»:

Я пил из лютни жемчужовой
 Пригоршней, сапожком бухарским,
 И вот судьбою пролетарским
 Казним за нежность, тайну, слово,
 За морок горенки в глазах, —
 Орланом — иволга в кустах.
 Не сдамся! <...>

В соответствии с этими настроениями в июне 1933 года Ключев предлагает цикл «О чем шумят седые кедры» «Издательству писателей в Ленинграде» в составе подготовленного им сборника из тридцати трех текстов — то есть не приходится говорить о какой-либо угрожавшей автору, с точки зрения Ключева, «крамольности» этих стихов до лета 1933 года³¹⁸.

От момента ссоры с Гронским до ареста Ключева прошло от года до полутора, поэтому прямую связь между ней и высылкой поэта установить трудно. Весной 1933 года номенклатурное положение Гронского осложнилось — после разногласий с Горьким³¹⁹ и не-

---

³¹⁶ В единственном прошедшем цензурный фильтр цикле Ключева «Песни из колхоза», проникнутом мотивами колхозного благополучия, нет не только никакого намека на гомосексуальность, но — что абсолютно уникально для творчества Ключева — присутствует сюжет гетеросексуальной любви (стих. «В ударной бригаде был сокол Иван...»).

³¹⁷ См.: Николай Ключев: Воспоминания современников. С. 82.

³¹⁸ Причем позднее, в ссылке, возвращаясь в письмах А.Н. Яр-Кравченко от 24 июля и 2 августа 1934 года к судьбе посланной в «Издательство писателей в Ленинграде» рукописи, Ключев указывал, ссылаясь на ленинградского поэта Н.Л. Брауна, что лишь небрежное оформление машинописи стихов послужило «препятствием к их печатанию и даже вызвало подозрение в их художественности» (цит. по: Субботин С. О датировках писем Н. Ключева к А. Яр-Кравченко. С. 502).

³¹⁹ В феврале 1933 года в споре с Гронским относительно устройства будущего ИМЛИ и «городка писателей» Горький апеллировал к Сталину, принявшему его сторону (см.: «Жму вашу руку, дорогой товарищ»: Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина / Публ., подгот. текста, вступ. и коммент. Т. Дубинской-Джалиловой // Новый мир. 1998. № 9. С. 175–176; Курилов А.С. Из истории института: А.М. Горький и ИМЛИ; первые положения об институте и планы научной работы // Литературоведческий журнал. 2012. № 31. С. 76–77, 83–84).

довольства Сталина Гронский лишился руководящего положения в Оргкомитете по подготовке писательского съезда. Ситуация, в которой он в феврале 1934 года по телефону дает указания Ягоде и согласовывает со Сталиным арест писателя, выглядит нереалистичной³²⁰. Косвенным подтверждением этого служат слова из воспоминаний самого Гронского, относящиеся к эпизоду с арестом другого поэта — Павла Васильева. Рассказывая о встрече с В.М. Молотовым, на которой тот узнал от Гронского, что Васильев в тюрьме, Гронский пишет:

Молотов тогда резко упрекнул меня в том, что я сразу же не вмешался в это дело и не поломал гнусное предприятие с арестом и осуж-

---

³²⁰ В мае 1933 года Гронский получает от Сталина «указание о прекращении т.н. пьянок» в связи с чем пишет ему большое оправдательное письмо (см.: Большая цензура. С. 292–294; ср. именование Гронского «пьяницей» в дневнике М.М. Пришвина 30 марта 1933 года: *Пришвин М.М. Дневники. 1932–1935* / Подгот. текста, коммент. Я.З. Гришиной. СПб., 2009. С. 267). 14 мая 1933 года заведующий Культпропом ЦК ВКП(б) А.И. Стецкий пишет записку, адресованную секретарям ЦК ВКП(б), о «неудовлетворительном ходе подготовки к съезду» писателей (Между молотом и наковальней. С. 223). «Бездеятельность Оргкомитета [Союза советских писателей] и благодушие Гронского» упоминаются в записке Стецкого Сталину и Кагановичу 22 мая 1933 года (Власть и художественная интеллигенция. С. 200). О том, что Гронский «не справляется с возложенными на него функциями», было заявлено на закрытом заседании коммунистической фракции Оргкомитета 27 мая (*Кирпотин В.Я. Указ. соч.* С. 230). Тогда же Гронского «в связи с болезнью» заменяет в Оргкомитете А.А. Фадеев (см.: Власть и художественная интеллигенция. С. 199). Неосновательно предположение С.С. Куняева (*Куняев С. Николай Клюев. М., 2014. С. 575*) о том, что Гронский обсуждал Клюева со Сталиным во время одного из четырех посещений кабинета вождя в Кремле в 1933 году: Гронский ни разу не оставался со Сталиным наедине и всегда, как ответственный редактор «Известий», посещал Сталина в компании с руководящими сотрудниками «Правды» (Л.З. Мехлисом или М.И. Хахиани; один раз к ним присоединился Стецкий); очевидно, что во время этих кратких (от 10 минут до часа) коллективных аудиенций речь шла о работе центральных партийных и советских печатных органов (об одном из такого рода обсуждений с Мехлисом у Сталина см.: *Гронский И.М. Из прошлого...* С. 162). Также нет никаких оснований полагать, что 17 января 1934 года Сталин обсуждал в Кремле с Ягодой предстоящий арест Клюева (*Куняев С. Указ. соч.* С. 575): в этот день в кабинете у Сталина одновременно с Ягодой присутствовали В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, А.П. Розенгольц, М.М. Литвинов, Г.Я. Сокольников, Н.Н. Крестинский, А.И. Яковлев, Н.К. Антипов, то есть группы чиновников, представлявших, соответственно, военно-промышленный комплекс, внутреннюю и внешнюю торговлю, Министерство иностранных дел и Комитет партийного контроля (см.: На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.) / Науч. ред. А.А. Чернобаев. М., 2008. С. 119). Обсуждение вопросов (тем более персональных), связанных с писателями, в таком составе более чем сомнительно. В целом информация о санкции Сталина на арест Клюева (о которой Гронский мог узнать постфактум) кажется достоверной — предстоит, однако, документально выяснить, когда, кому и в какой форме это согласие было дано.

дением Васильева. На мое замечание о том, что я уже не являюсь руководителем Оргкомитета Союза советских писателей и поэтому не имею возможности вмешиваться в такие дела, Вячеслав Михайлович ответил мне:

— Вам достаточно было позвонить мне или Сталину <...>³²¹

Арест Васильева, о котором идет речь, относится к 1935 году. Однако свою работу в Оргкомитете Гронский оставил фактически в мае 1933 года, поэтому объемы его номенклатурных полномочий в 1934-м, когда был выслан Ключев, и в 1935 годах совпадали.

Роль Павла Васильева в истории конфликта Ключева с Гронским принципиальна. Действия Гронского по отношению к Ключеву по своей природе реактивны, представляя собой ответ едва ли не главного в этот период партийного эmissара в литературе на публично — в стихах «Клеветникам искусства» (текст которых Гронский получил в августе 1932 года) — и в литературном быту заявленную Ключевым «патронажную» по отношению к «безмерно много обещавшему»³²² советскому поэту, ярко дебютировавшему на столичной сцене и только что «помилованному» властями за талант³²³, позицию («На ржанье сосунка-кентавра / Я осетром раскинул жабры»³²⁴). Однако Гронский сам претендовал на роль «патрона»

³²¹ Гронский И.М. Из прошлого... С. 285.

³²² По позднейшей (1956) характеристике Пастернака (*Пастернак Б. Полное собрание сочинений*: В 11 т. М., 2004. Т. V. С. 400).

³²³ В 1932 году Васильев был три месяца в заключении по делу так называемой Сибирской бригады писателей (см. подробнее: [Куняев Ст.] Огонь под пеплом: Дело «Сибирской бригады». 1932 год // *Растерзанные тени*. С. 59–97; с исправлением некоторых ошибок предыдущей публикации: *Поварцов С. Вакансия поэта // Сын Гипербореи: Книга о поэте / Отв. ред. С.Н. Поварцов. Омск, 1997. С. 53–92*). Бывший следователь ОГПУ — НКВД И.И. Илюшенко, ведший дела Васильева в 1932 и 1937 годах, на допросе в Главной военной прокуратуре в 1956 году, в связи с реабилитацией Васильева, показывал, говоря о деле 1932 года: «Исходя из того, что Васильев был очень талантлив и желая сохранить его для советской литературы, он тогда Коллегией ОГПУ был осужден условно» (*Растерзанные тени*. С. 302).

³²⁴ Определение «сосунок-кентавр» углубляет данную Ключевым Васильеву несколькими строками выше характеристику «полуказак, полукентавр»; причем тема «двойственности» Васильева оказывается подкреплена в строках «Он выбрал шуку и ерша / Себе в друзья», явно имеющих в виду дружеские отношения Васильева как с советской, так и «несоветской» частью литературного мира. Думается, что мандельштамовская эпиграмма на Васильева («Мяукнул конь и кот заржал — / Казак еврею подражал», 1933?) развивает — уже в ироническом мودусе — намеченную именно Ключевым в «Клеветникам искусства» тему «неоднородности» творчества и личности Васильева, сочетающих «несочетаемое», где пара «казак — еврей» эквивалентна «шуке и ершу» в стихах Ключева.

Васильева, быстро ставшего лично близким Гронскому человеком (он женился на сестре его жены и одно время жил в его доме). Отношение Гронского к Ключеву определено не столько (несомненной) гомофобией, сколько вполне резонными опасениями за направление, в котором будет развиваться поэзия Васильева. Неслучайно тема беспокойства за то, что «отторгнутый» РАППом молодой Васильев попадет под влияние сомнительного с точки зрения лояльности власти Ключева, доминирует в воспоминаниях Гронского о знакомстве с Васильевым летом 1932 года³²⁵. Именно с целью окончательно и публично разрушить творческий союз Васильева с «крестьянской поэзией» и Ключевым как ее признанным лидером Гронский устраивает в апреле 1933 года вечер и обсуждение стихов Васильева в «Новом мире», где под градом политически мотивированных обвинений, адресованных Ключеву и (присутствующему здесь же) Клычкову, фактически вынуждает Васильева отречься от них с помощью той же риторики, которую через год использует против Ахматовой Городецкий³²⁶.

Таким образом, версия с арестом Ключева по инициативе Гронского представляется маловероятной и вписывается, скорее, в общую «компенсаторную» стратегию воспоминаний вернувшегося в 1954 году из шестнадцатилетнего заключения бывшего главного редактора «Известий» и «Нового мира», направленную на повышение своего номенклатурного статуса и преувеличение своей роли в культурной политике после 1933 года³²⁷. Дополнительным доводом

³²⁵ См.: Гронский И.М. Из прошлого... С. 275–276. РАПП и Ключев выступали для Гронского своего рода полюсами его персональных общественно-политических антипатий. Характерно, что во второй половине 1950-х годов, когда проходил процесс реабилитации репрессированных писателей, Гронский, активно в нем участвовавший, отказался дать характеристики для реабилитации лишь Л.Л. Авербаху и Ключеву (см.: Там же. С. 236).

³²⁶ Ср.: «Клычков должен сказать, что он на самом деле служил по существу делу контрреволюции, потому что для художника молчать и не выступать с революцией — значит выступать против революции» (Между молотом и наковальней. С. 211). Сокращенная стенограмма этого обсуждения была опубликована уже после ареста Ключева (см.: Новый мир. 1934. № 6. С. 218–225; подробнее о мотивах публикации см.: Флейшман Л. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 161–162). О связи общения Васильева с Ключевым и вечера в «Новом мире» Гронский прямо пишет в воспоминаниях (Гронский И.М. Из прошлого... С. 382).

³²⁷ В выступлении перед сотрудниками Архива А.М. Горького 30 ноября 1963 года Гронский, повторив основные детали своего рассказа о Ключеве 1959 года, уклонился от приписывания себе инициативы ареста поэта (см.: Ариас-Вихиль М.А. Об истории создания термина «социалистический реализм» и подготовке первого Съезда советских писателей: Стенограмма беседы И.М. Гронского с сотрудниками Архива А.М. Горького // Codex Manuscriptus: Статьи и архивные публикации. М., 2019. [Вып. 1.] С. 76).

в пользу того, что реакция Гронского не могла привести к роковым для Клюева последствиям, служит упоминание о гомосексуальности Клюева как о первопричине репрессий против него.

Известно, что, придя к власти, большевики декриминализовали гомосексуальные отношения, исключив статью за мужеложество из Уголовного кодекса 1922 года и оставив эту ситуацию без изменения в кодексе 1926 года³²⁸. В 1932 году отказ Гронского печатать посвященную мужчине лирику Клюева был банальным проявлением традиционной «бытовой» гомофобии, не имевшей серьезной политической поддержки³²⁹ и уголовных перспектив. Однако общественная ситуация, в которой Клюев считал возможным предлагать к печати свою гомосексуальную поэзию, резко меняется во второй половине 1933 года.

Историки связывают рекриминализацию гомосексуальности в СССР с несколькими факторами, среди которых доминирующую роль играет внешнеполитический — приход к власти фашистов в Германии. В результате ряда противоречивых событий немецкой политической жизни начала 1930-х в сознании высшего советского руководства к 1933 году фашизм был явно ассоциирован с гомосексуальностью³³⁰. Дополнительной причиной было общее усиление государственного контроля над гражданами, распространявшегося с начала 1930-х и на их частную жизнь³³¹. В конце лета и осенью в Ленинграде и Москве прошли массовые аресты гомосексуалов, в ходе которых, как сообщал Сталину Г.Г. Ягода в докладной записке от 15 сентября 1933 года, были раскрыты «объединения педерастов», которым инкриминировалось «создание сети салонов, очагов, приютов, групп и других организованных формирований педерастов,

³²⁸ См. подробнее: Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России: Регулирование сексуально-гендерного диссидентства / Пер. с англ. Т.Ю. Логачевой, В.И. Новикова. М., 2008. С. 143–153.

³²⁹ Впрочем, еще в середине 1920-х упоминание гомосексуальности, оказываясь связывавшейся в советском пропагандистском дискурсе с религиозной и церковной практикой, мотивировало утверждения о «несоветском» характере поэзии Клюева: «Клюев последнего периода с гомосексуальными радостями (однополая любовь), с прославлением скопчества — живой труп для новой России» (*Вечерний Семен* [Богданов А.В.] Правда о Н. Клюеве // Трудовое слово (Вытегра). 1924. 9 января. С. 2).

³³⁰ Хили Д. Указ. соч. С. 221 и след. Ср.: Бурлешин А.В. Вскрытая повседневность: Размышления и наблюдения по поводу книги Дана Хили // Новое литературное обозрение. 2010. № 102. С. 344–384.

³³¹ Иванов В.А. Контрреволюционные организации среди гомосексуалистов Ленинграда в начале 1930-х годов и их погром // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 130–132.

с дальнейшим превращением этих объединений в прямые шпионские ячейки»³³². По словам Ягоды,

актив педерастов, используя кастовую замкнутость педерастических кругов в непосредственно контрреволюционных целях политически разлагал разные общественные слои юношества, в частности рабочую молодежь, а также пытался проникнуть в армию и флот.

По инициативе Сталина, оставившего на записке Ягоды эмоциональную резолюцию, в законодательство было введено «соответствующее руководящее постановление». 16 декабря 1933 года «проект закона об уголовной наказуемости за педерастию»³³³ был принят Политбюро ЦК ВКП(б). Сам закон вступил в силу 7 марта 1934 года.

Среди 175 арестованных осенью 1933 года в Ленинграде было немало представителей художественной богемы («29 артистов и художников»³³⁴). Литераторов первого ряда среди них не было. Известно, однако, что первая волна репрессий против гомосексуалов коснулась, например, поэтов К.А. Липскерова, Е.Г. Геркена³³⁵, Н.Н. Захарова-Мэнского³³⁶. Судьбы К.А. Липскерова и темы арестов геев завуалированно коснулся в октябре 1934 года в письме драматургу В.В. Шкваркину М.А. Кузмин: «Будете писать Конст<антину> Абр<амовичу>, поклонитесь ему. У меня (вероятно, за старостию лет) обошлось в этом отношении благополучно»³³⁷. Возраст (61 год) и установка на «приватность» своей личной жизни позволили Кузмину избежать репрессий. Иным из архивных следственных документов

³³² Цит. по: «Надо примерно наказать этих мерзавцев» // Источник. 1993. № 5–6. С. 164.

³³³ Там же. С. 165.

³³⁴ Иванов В.А. Указ. соч. С. 135. О «ленинградском деле» геев 1933 года см. также: Ролдугина И. «Почему мы такие люди?» Раннесоветские гомосексуалы от первого лица: Новые источники по истории гомосексуальных идентичностей в России // *Ab Imperio*. 2016. № 2. С. 206–207, 211.

³³⁵ Арестован в Ленинграде 13 августа, осужден 27 декабря 1933 года (сообщение И. Ролдугиной).

³³⁶ 15 февраля 1937 года Н.Н. Захаров-Мэнский писал В.Д. Бонч-Бруевичу: «В 1933 г. (в декабре) я был работником Комунхоза (доцентом института и директором рабфака и вел научную работу). В это время со мной случилось большое несчастье. Я был арестован ОГПУ за связь с московскими гомосексуальными <sic>, главным образом за мою книгу стихов „Маленькая лампа“, вышедшую в 1926 г. в из-ве Союза Поэтов. Меня осудили [10 февраля 1934 года] по 151 ст. и отправили в Сиб. Лагерь. (Ни в чем политически неблагонадежном я обвинен не был)» (*Соболев А.Л. Летейская библиотека: Очерки и материалы по истории русской литературы XX века*. М., 2013. Т. I: Биографические очерки. С. 135).

³³⁷ Цит. по: Кузмин М. *Дневник 1934 года* / [3-е изд., испр. и доп.; под ред., со вступ. статьёй и примеч. Г. Морева. СПб., 2011. С. 331.

ленинградских гомосексуалов 1930-х представляется случай 49-летнего Ключева.

По сообщению Ирины Ролдугиной, работавшей с делами репрессированных в Ленинграде в ходе летне-осенней кампании 1933 года, имя Ключева упоминается в их показаниях неоднократно как имя одного из неформальных лидеров гомосексуального сообщества в городе. Арестованные сообщают о Ключеве, в частности, следующее:

<...> поэт, посещал салон Ефремова и Скипетрова, человек явно враждебно настроен против Соввласти, вел агитацию, заявляя, что большевики разорили церкви, убили веру. Соввласть не дает жить, рассказывал, что он жил при дворе, где ему хорошо жилось, агитировал за педерастию, втягивал в педерастию молодежь и красноармейцев. Группирует вокруг себя антисоветский элемент, поддерживает связь с иностранцами. Ключев в салонах играл роль пропагандиста, он обрабатывал молодежь вновь вовлеченную в организацию педерастов, например, в салоне у Ефремова он, в частности, обработал меня, заявляя, теперь молодежь ничего не видит, ходит нуждается, раньше такой жизни не было, нужно жить по-новому, противопоставить себя новому Советскому строю. Жить и бороться, счастливая жизнь педерастов дает возможность вновь вернуться к старому строю, заканчивая свою агитацию словами — нужно надеяться на бога — бог не допустит произвола и укажет путь выхода из тупика и тут же поднимал бокал со словами «Давайте выпьемте за нового члена нашей семьи».

Ключев и Бубнов и Анисимов возглавляют организацию педерастов, являются как бы центрцами, от них идут все указания³³⁸.

Можно предположить, что антисоветские настроения Ключева не были секретом для ОГПУ. Сегодня известно, что под наблюдение чекистов Ключев попал по крайней мере с 1930 года, когда информатором органов стал его близкий друг Н.И. Архипов³³⁹. Сделанные по-

³³⁸ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ед. хр. П-82 888 (1933): В 8 т.; публикуется с сохранением орфографии источника. Материалы этого следственного дела готовятся к печати в составе посвященной истории гомосексуальности в России в первой половине XX века монографии Ирины Ролдугиной. Благодарим ее за разрешение использовать эти документы в нашей работе.

³³⁹ См.: Николай Ключев: Воспоминания современников. С. 681–682. Ранее, в феврале 1929 года, ОГПУ было заведено дело оперативной разработки на друга Ключева С.А. Клычкова (Волгин В. Документы рассказывают... // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 257). Осведомителем настойчиво предлагали стать

этом в 1932 году шаги навстречу новой социальной реальности были признаны недостаточными, его положение в советской литературе, будучи осложнено личным конфликтом с Гронским, оставалось весьма проблематичным. Ни о какой интеграции Ключева в «систему» говорить не приходится: убежденный в 1933 году, что, несмотря на ситуативные компромиссы, нужно «не делать того, что делает мир»³⁴⁰, Ключев сознательно сохраняет дистанцию от официальных структур и от литературного сообщества. Его письма (написанные как в 1931–1933 годах, так и сразу после высылки из Москвы) обнаруживают чрезвычайно наивные представления об устройстве и внутренних механизмах советской литературной сцены. На вечере и обсуждении стихов Павла Васильева в журнале «Новый мир» 3 апреля 1933 года (в этот же день Мандельштам будет выступать в Московском клубе художников, где Васильев и Ключев читали полугодом ранее) имя Ключева по-прежнему служило символом контрреволюционной кулацкой поэзии, не способной к социалистической перестройке. Эти констатации в либеральной атмосфере перед готовящимся съездом писателей не влекли за собой тем не менее прямых выводов организационного характера и призывов к репрессиям. На обсуждении в «Новом мире» Гронский ограничивался утверждением: «<...> если хочешь сидеть в прошлом, сиди, сиди и жди того дня, когда твой народ забудет о тебе как о художнике»³⁴¹. Однако объем специфической информации, полученной в ходе новой, специально организованной репрессивной кампании, к которой было привлечено внимание высшего руководства страны, существенно менял (с точки зрения властей) статус Ключева, выводя его в область «групповой подпольной контрреволюционной деятельности», усердно фальсифицировавшей чекистами в ходе следствия по делу гомосексуалов в угоду настроениям и задачам начальства. Определенные защитные механизмы, которые запускала, начиная с весны

и последнему (с лета 1933 года) партнеру Ключева поэту и студенту факультета журналистики МГУ Л.И. Пулину: «<...> вызывали в органы <...> Били. Однажды продержали (один день) в одиночке с глазком, куда было вставлено дуло пистолета» (*Пулина А.А. Что вспомнилось // Николай Ключев: Воспоминания современников. С. 609*). Перлюстрации своих писем ОГПУ Ключев очевидным образом опасается уже в декабре 1929 года, когда после сообщения об отказе в публикации «Погорельщины» пишет А.Н. Яр-Кравченко из Москвы в том же письме: «Будь верен коммуне, нашему величавому и прекрасному государственному строю, пламенным дням юного социализма, а остальное все приложится» (*Наследие комет. С. 45*).

³⁴⁰ Из письма к А.Н. Яр-Кравченко, 14 февраля 1933 года (*Ключев Н. Словесное древо. С. 287*).

³⁴¹ Между молотом и наковальней. С. 208.

1932 года, принадлежность Клюева к писательской номенклатуре («список Кагановича»), переставали действовать. Думается, что переезд в Москву лишь несколько отсрочил его арест.

Коллективное «ленинградское дело» геев, в ходе которого были получены показания на Клюева, было завершено в январе 1934 года. Поэт был арестован в Москве 2 февраля вместе со своим тогдашним партнером Л.И. Пулиным. «Дело № 3444 было заведено на двоих: на Клюева — обвиненного по двум статьям [политической 58-й и 16-151 за мужеложество], и на Пулина — только по статье 16-151»³⁴². Характерно, что первый допрос поэта был посвящен исключительно гомосексуальным связям Клюева.

Следует иметь в виду, что из-за отсутствия в Уголовном кодексе соответствующей статьи большинство арестованных в 1933 году были осуждены по «антисоветской» 58-й статье, к которой иногда добавлялась статья 151 тогдашнего УК («половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости»), которую применяли «через 16-ую статью». Это означало, что так как преступление не предусмотрено кодексом, наказание назначено по статье, предусматривающей «наиболее сходные по роду преступления»³⁴³. Никакого медийного сопровождения репрессивная кампания 1933 года не имела и, как целенаправленное организованное действие, для общества осталась тайной³⁴⁴. Во всех своих обращениях в связи с арестом и последовавшей 5 марта 1934 года высылкой в Западную Сибирь Клюев указывал, что осужден по 58-й статье³⁴⁵. Думается, что этой же информацией располагал тогда Мандельштам, без сомнения, связавший арест Клюева с тем способом существования в литературе, которого тот последовательно придерживался в годы их близкого общения (1932–1934).

Чтение «Клеветникам искусства» наизусть в гостях у Ахматовой доказывает, что Мандельштаму были известны неопубликованные тексты Клюева, которые тот — начиная с поэмы «Погорельщина» (1928) — достаточно широко исполнял и распространял в списках среди знакомых и в литературных кругах. Параллельно в большей

³⁴² Шенталинский В. Рабы свободы. С. 272. В один день с Клюевым и Пулиным в Москве по тому же обвинению был арестован поэт И.И. Пулькин, «3/III–34 г. осужден Коллегией ОГПУ по ст. 16/151 УК к заключению в исправительный трудовой лагерь на три года» (Пулькин И. Лирика и эпос / Сост., подгот. текста и коммент. И.А. Ахметьева. М., 2018. С. 569).

³⁴³ Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 года. М., 1926. С. 8.

³⁴⁴ Приговоры выносились во внесудебном порядке.

³⁴⁵ Характерно, что в ссылке Клюев впервые, насколько можно судить, маскирует в общении с новыми знакомыми свою гомосексуальность (см. воспоминания Н.И. Геблер: Николай Клюев: Воспоминания современников. С. 621).

(«Стихи из колхоза») или в меньшей («О чем шумят седые кедр») степени компромиссным попыткам проникнуть в подцензурную печать Клюев пишет поэму «Песнь о Великой Матери» («Последняя Русь») и ряд стихотворений, чья декларативная независимость от внешнего давления оказывается близка мандельштамовскому «Волку» (ср., прежде всего, упомянутый текст Клюева «Я человек, рожденный не в боях...», а также «Меня октябрь настиг плечистым...» и цикл «Разруха»). К этой же группе текстов можно отнести и «Клеветникам искусства», чей пафос хоть и выглядит, с точки зрения Клюева, предлагающего эти стихи в журнал и читающего их на публичном вечере Васильева, санкционированным «антирапповским» духом постановления ЦК от 23 апреля, но оказывается неприемлемым для подцензурной печати.

Текст «Клеветникам искусства» принято, не уточняя, датировать 1932 годом. В своей хронике жизни и творчества Клюева С.И. Субботин без дополнительных мотивировок локализует время написания стихотворения как «конец апреля — начало мая»³⁴⁶. На наш взгляд, однако, «Клеветникам искусства» не могло быть написано ранее 28 мая 1932 года, когда был освобожден арестованный 4 марта по делу «Сибирской бригады» Павел Васильев. Текст, очевидно, был создан Клюевым в период между личным знакомством с Васильевым в начале июля (до 5-го числа) 1932 года³⁴⁷ и серединой августа, когда он был предложен «Новому миру». Как известно из воспоминаний С.И. Липкина, при встрече Клюева с Васильевым, состоявшейся в комнате Клычкова в Доме Герцена, присутствовал Мандельштам³⁴⁸. 9 июля Мандельштам вновь видится в Доме Герцена с Клюевым, причем вскоре после его ухода заговаривает о купленной им библиографической редкости — первом издании книги Н.М. Языкова³⁴⁹.

Вероятно, разговор о книге зашел по «смежности»: Языков — один из «персонажей» «„прогулки“ <...> по истории русской поэзии»³⁵⁰,

³⁴⁶ Субботин С.И. Николай Алексеевич Клюев (1884–1937): Хронологическая канва жизни и творчества // Николай Клюев: Воспоминания современников. С. 815.

³⁴⁷ Николай Клюев: Воспоминания современников. С. 815. Ср. письмо А.Н. Яр-Кравченко брату Владимиру от 5 июля 1932 года (Наследие комет. С. 114).

³⁴⁸ Липкин С. Указ. соч. С. 331–337. См. также: Мец А.Г., Видгоф Л.М., Лубяникова Е.И., Субботин С.И. Дополнения к Летописи жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 359–360.

³⁴⁹ Сведения из дневника М.В. Талова (*Летопись*. С. 390–391). У Мандельштама было издание «Стихотворений» Языкова 1833 года; впоследствии он привез его в Воронеж (см. письмо С.Б. Рудакова от 9 апреля 1935 года: Рудаков. С. 37).

³⁵⁰ Гаспаров Б.М. Сон о русской поэзии [1987] // Он же. Литературные лейтмотивы: Очерки по русской литературе XX века. М., 1994. С. 129.

предпринятой Мандельштамом в «Стихах о русской поэзии», написанных в эти же дни; третья их часть, законченная 7 июля, посвящена клюевскому другу Клычкову (по его просьбе), ее «образность и тональность», по наблюдению Омри Ронена, «сродни крестьянским поэтам XX века, в первую очередь Ключеву»³⁵¹. Между Мандельштамом и Ключевым было принято читать друг другу стихи³⁵²; не приходится сомневаться, что в какую-то из этих встреч Мандельштам прочитал новые стихи в присутствии Ключева.

Стихи Ключева «Клеветникам искусства» представляют собой, как и стихи Мандельштама, метапоэтический текст, также своего рода «Стихи о русской поэзии» — своей собственной, Клычкова, Васильева и Ахматовой³⁵³ — искусственно отторгнутой от литературной действительности «нетопырями»-критиками, паразитировавшими, по мысли поэта, учитывавшей политическую конъюнктуру момента, на присвоенном ими партийном мандате. Политические импликации мандельштамовских «Стихов о русской поэзии», «пока еще глубоко скрытые в подтекстах и шутиливом тоне» и открыто проявившиеся в стихах конца 1933 года, были выявлены Б.М. Гаспаровым³⁵⁴. Именно в период перехода от «иносказательных» «Стихов о русской поэзии» к «плакатным» (и открыто криминальным с точки зрения цензуры) текстам второй половины 1933 года Мандельштам знакомится с «Клеветникам искусства» и запоминает их наизусть. И типологически («метапоэзия») и жанрово (инвектива) они оказываются ему чрезвычайно близки: как раз в это время Мандельштам перечитывает Некрасова (имя которого сохранилось в черновиках «Стихов о русской поэзии» [I: 480]³⁵⁵) и приходит к высказанному

³⁵¹ Ронен О. О «русском голосе» Осипа Мандельштама // Он же. Указ. соч. С. 65. Ср. также: *Leving Yu. Whose is a Seal-Ring?: Kluev's Subtexts in Mandelstam's Poem "Give Tiutchev the Dragonfly"* // *The Slavic and East European Journal*. 2009. Vol. 53. № 1. P. 41–64. Неверная датировка «Клеветникам искусства» приводит к необоснованным утверждениям о том, что «стихотворение Мандельштама [«Стихи о русской поэзии»] в своей основе — отклик на клюевское» (*Серебрянников Н.В. Социокультурный контекст стихотворения «Клеветникам искусства»* // Николай Ключев: Образ мира и судьба. Томск, 2005. Вып. 2. С. 144).

³⁵² Ср. в относящихся к этому периоду воспоминаниях Э.Г. Герштейн: «<...> вернулись домой [Мандельштам и Л.Н. Гумилев] оживленные и возбужденные: только что заходили к Ключеву. Осип Эмильевич цитировал его стихи и показывал, как гордо Ключев читал их» (*Герштейн*. С. 49).

³⁵³ Появление в этом ряду Ахматовой может быть, как и в случае с Клычковым и Васильевым, мотивировано не только творческой и «общественной» близостью, но и личным общением — судя по дневнику Талова, не исключена встреча Ключева с Ахматовой (после долгого перерыва) 9 июля 1932 года у Мандельштамов в Доме Герцена (*Летопись*. С. 366).

³⁵⁴ *Гаспаров Б.М. Сон о русской поэзии*. С. 154–159.

³⁵⁵ Ср. запись Мандельштама от 2 мая 1931 года «Чтение Некрасова» (II: 465).

в разговоре с Ахматовой убеждению, что «стихи сейчас должны быть гражданскими»³⁵⁶. Происходит, по точной формулировке Мишеля Никё, «встреча двух гражданских поэтов»³⁵⁷.

Как и Клюев, Мандельштам не останавливается перед тем, чтобы публично читать свои неопубликованные — и иногда заведомо невозможные в печати — вещи³⁵⁸, как и тексты Клюева, они расходятся в списках, иногда — опять же, как и в случае Клюева, — попадая в официальную печать «контрабандой»³⁵⁹. То же — в смысле чтения вслух — произойдет и с антисталинскими стихами. Все бóльшая откровенность Мандельштама в неприятии окружающей реальности (причем это неприятие, как и у Клюева, распространяется и на те «либеральные» формы и фигуры литературного процесса, которые пришли вместе с постановлением 23 апреля 1932 года)³⁶⁰

³⁵⁶ Ахматова А.А. Листки из дневника. <О Мандельштаме>. С. 113.

³⁵⁷ Никё М. О. Мандельштам и Н. Клюев (Две заметки к теме) // Николай Клюев: Образ мира и судьба. Вып. 2. С. 123.

³⁵⁸ Так, на вечере в Ленинграде 23 февраля 1933 года Мандельштам (по воспоминанию И.М. Басалаева: *Летопись*. С. 400) прочитал «Волка» («За гремячую доблесть грядущих веков...»), испугавшего в свое время М.А. Зенкевича (см. в его рассказе В.Д. Дувакину: «Я говорю: „Осип, чего ты просишь?! Чтоб тебя сослали, что ли? Как же можно такое писать?“ Он как захохотал!» [Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. С. 31]). Ср. в письме Н.И. Харджиева Б.М. Эйхенбауму от 11–15 ноября 1932 года о вечере Мандельштама в редакции «Литературной газеты»: «Он прочел все свои стихи (последних двух лет) — в хронологическом порядке! Это были такие страшные заклинания, что многие испугались» (*Летопись*. С. 395).

³⁵⁹ Мы имеем в виду публикацию в «Литературной газете» (1932. 23 ноября. С. 2) в статье Л. Никулина «Во весь голос» фрагмента стихотворения «Я пью за военные астры...». Двустигшие из «Погорельщины» Клюева появились в 1930 году в качестве эпиграфа к роману Н. Брыкина «Стальной Мамай» (Звезда. № 5). В романе Брыкина «к стихам Клюева как к духовной опоре постоянно обращается скрывающийся под личиной колхозного счетовода бывший белогвардейский полковник» (*Михайлов А.И.* Ленинградское отделение Российской организации пролетарско-колхозных писателей (1931–1932 гг.) // Из истории литературных объединений Петрограда — Ленинграда 1910–1930-х годов: Исследования и материалы. СПб., 2002. Кн. 1. С. 340). Как и в случае с Городецким, публично обвинившим Ахматову в контрреволюции (см. наст. изд., с. 60), этот сюжетный поворот был сочтен «умеренной» частью пролетарских писателей чрезмерностью — 16 февраля 1932 года на творческом смотре произведений Брыкина ему было поставлено на вид: «<...> идя по линии интриг и сенсаций, он [Брыкин] повел этого полковника по линии Клюева. Уж военщину увязать с хозяйством труднее всего. Эти старые вояки, старые рубаки с другого конца ждут избавления Советской России. Они в этом отношении нуль. Они, может, даже Пушкина не знают, а не то что Клюева. И все эти рассуждения о Клюеве у него накладной расход» (*Михайлов А.И.* Указ. соч. С. 340–341). На уровне Культпропа ЦК ВКП(б) такая «ретрансляция» текстов Клюева была квалифицирована в начале 1932 года как «проникновение <...> чуждых настроений и клеветы под видом высказываний от лица врага» (Большая цензура. С. 226).

³⁶⁰ Ср. в дневнике М.В. Талова 18 октября 1933 года: «Он [Мандельштам] резко отозвался об оргкомитете писателей и о Горьком» (*Летопись*. С. 388). Ср.

не остается незамеченной писательскими кругами. Идеологическая критика симптоматично сближает его с Клюевым³⁶¹.

Если отвлечься от абсолютно несвойственной Мандельштаму «компромиссности» и «игровой» природы клюевской поэтики и жизнестроительства, то можно утверждать, что модель литературного и гражданского поведения, которую он реализует в конце 1933-го — начале 1934 года, не скрывая своего раздражения действительностью и безоглядно широко читая свою инвективу против Сталина, наследует — предельно ее радикализируя и доводя до степени самопожертвования — клюевской модели. Именно после ареста Клюева, в феврале 1934 года, Мандельштам, подразумевая, как представляется, некую «роковую очередность», скажет Ахматовой: «Я к смерти готов»³⁶².

16

В августе 1937 года, в Бутырской тюрьме, вспоминая время, предшествовавшее аресту и высылке Клюева в 1934 году, С.А. Клычков показывал:

Наши [с Клюевым] разговоры были до зевоты однотипны и крайне контрреволюционны. <...> Разговоры эти [были] преисполнены самой

полемический выпад о «кирпотинском табльдоте» в «Разговоре о Данте» (VI; В.Я. Кирпотин, напомним, — с 1932 года секретарь Оргкомитета ССП), призванный подчеркнуть независимость этой прозы от насаждаемой ССП идеологии «учебы у классиков» (санкционированной Сталиным). Летом 1933 года, оппозиционный по отношению к современности настрой Мандельштама вызвал резкое неприятие отдохнувшего вместе с ним в Коктебеле Андрея Белого: «Мы стоим на противоположных полюсах», — писал 17 июня 1933 года о Мандельштаме настроенный на инкорпорацию с советской литературой, тесно сотрудничавший с Оргкомитетом ССП и активно публикуемый Гронским в «Новом мире» Белый (Переписка Андрея Белого и Федора Гладкова / Предисл., публ. и примеч. С.В. Гладковой // Андрей Белый: Проблемы творчества. Статьи. Публикации. Воспоминания / Сост. Ст. Лесневский, Ал. Михайлов. М., 1988. С. 769). Одновременно Мандельштам пользуется помощью Оргкомитета в устройстве бытовых дел: в середине ноября 1933 года по ходатайству Оргкомитета Н.Я. Мандельштам кладут в Кремлевскую больницу (*Летопись*. С. 414).

³⁶¹ На последней странице «юбилейного», отмечающего годовщину принятия постановления «О перестройке литературно-художественных организаций», номера «Литературной газеты» Мандельштам и Клюев оказываются сближены как «аутсайдеры» процесса писательской «перестройки»: «Нужна ли особая бдительность, чтобы распознать [в стихах Мандельштама] обычное враждебное нашей действительности утверждение о гуннах, разрушителях тонкости человеческих переживаний. „Во благовремении“ мы слышали это давно уже от... Клюева» (*Бескии Ос. Поэзия в журналах // Литературная газета. 1933. 23 апреля. С. 8*).

³⁶² Ахматова А. Листки из дневника. <О Мандельштаме>. С. 112.

безысходной мрачности. Одна страшная история шла за другой (там ребенка нашли в ватерклозете, там целую деревню с ребятами выве[з]ли на голое место — и в этом роде). Злобой мы питались и жить нам помогала лишь надежда на гибель антихристовой власти. На интервенцию надеялись, не скрою, а не на Бога. Выход был для нас и в стихах³⁶³.

По контексту показаний Клычкова видно, что речь идет о голоде 1932–1933 годов и его последствиях. В эти годы Мандельштам был соседом Клычкова по Дому Герцена и одним из его постоянных собеседников. Несмотря на очевидную разницу в степени неприятия советского режима — Мандельштаму были чужды «реваншистские» идеи крестьянских поэтов, связанные с вооруженным свержением советской власти, — их ужас перед бесчеловечной политикой коллективизации он, как показывают «крымские» стихи лета 1933 года, несомненно, разделял. Информация о страшных картинах раскулачивания накладывалась на собственное ощущение поэта, зафиксированное весной 1933 года в цитированном выше отчете сексота ОГПУ — «кровь льется ведрами».

Для Мандельштама ориентально окрашенная тема «враждебной человеку социальной архитектуры» и «казнелюбивых владык»³⁶⁴, намеченная в «Гуманизме и современности» (1922), армянских стихах и заключающем «Путешествие в Армению» фрагменте о царе Аршаке и персидском тиране Шапухе, «неожиданно названном ассирийцем»³⁶⁵, возникает применительно к Сталину уже в переданном Э.Г. Герштейн разговоре поэта с ее отцом («десятиник, который заставлял в Египте работать евреев»³⁶⁶). Окончательно — по мере

³⁶³ Растерзанные тени. С. 351.

³⁶⁴ Из стихотворения «Ты красок себе пожелала...» из цикла «Армения» (1930).

³⁶⁵ Золян С.Т. Подражание как тип текста (об интерпретации двух армянских источников О. Мандельштамом и А. Ахматовой) // Вестник Ереванского государственного университета. Общественные науки. 1986. № 1. С. 233. Там же С.Т. Золян справедливо замечает, что «замена не случайна и слово „ассириец“ наполнено личными для Мандельштама ассоциациями» — восстановить их помогают упоминания об «ассирийских пленниках, копошавшихся, как цыплята, под ногами огромного царя», и Ассирии с Вавилоном, способных «раздавить человека», в «Гуманизме и современности». Характерно, что этот фрагмент «Путешествия» был при публикации в журнале «Звезда» запрещен цензурой, и за его публикацию был уволен заведующий критическим отделом журнала Ц.С. Вольпе (см.: *НМ*. Т. 1. С. 408; в этом месте «Воспоминаний» Н.Я. Мандельштам путает царей Шапуха и Аршака).

³⁶⁶ Ср.: «<...> египтяне и египетские строители обращаются с человеческой массой как с материалом, который должен быть доставлен в любом количестве» («Гуманизм и современность»: II: 125).

знакомства с (пользуясь формулировкой Авербаха в передаче Ставского) «„азиатскими методами И.В. Сталина“ (в смысле жестокости, хитрости)» — она закрепляется за вождем к 1933 году. Как и для крестьянских поэтов, «выходом» для Мандельштама служат стихи: в ноябре 1933 года эта тема кульминирует в антисталинской инвективе — стихотворении о «кремлевском горце».

Только что Мандельштамом закончен «Разговор о Данте», посвященный итальянскому поэту-политику и его главному тексту, где, по словам М.Л. Лозинского, «устаами обитателей загробного мира он произносит хулу и хвалу своим современникам или же сам, прерывая рассказ, обращает гневное слово к живым, к императору Альберту, к папе Иоанну, к Италии, к Флоренции, к другим городам, избличая недостойных»³⁶⁷. «Немыслимо читать песни Данта, не оборачивая их к современности», — констатирует Мандельштам, соединяя таким образом опыт политически ангажированной поэзии Данте с актуальной для него в тот момент русской традицией «гражданской» поэзии, связанной с именем Некрасова. Новейшим примером обращения к этой традиции становятся для Мандельштама, как мы видели, стихи Клюева «Клеветникам искусства». В своем собственном творчестве он идет дальше, целиком погружая новые тексты в синхронный политический контекст.

В октябре 1933 года Троцкий публикует статью, где впервые утверждает невозможность внутривластного компромисса: «Заставить бюрократию передать власть в руки пролетарского авангарда можно только *силой*»³⁶⁸. Написанная на фоне последствий эскалации террора 1932–1933 годов³⁶⁹, антисталинская инвектива рассматривается Мандельштамом, и ранее сблизившим поэзию с «военным делом»³⁷⁰, а сейчас проецирующим на себя образ Данте как активного поэта-политика, как прямое политическое *действие*. Оно призвано служить не литературным, но *биографическим* ответом на тот моральный кризис писательства, о котором он говорил сексоту

³⁶⁷ Лозинский М.Л. Данте Алигьери [1949] / Подгот. к печати С.М. Лозинского, Е.Б. Белодубровского // Дантовские чтения: 1985. М., 1985. С. 33.

³⁶⁸ Троцкий Л. Классовая природа советского государства (проблемы Четвертого Интернационала) // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1933. Октябрь. № 36–37. С. 9.

³⁶⁹ См.: Хлевнюк О. Указ. соч. С. 167 и след. См. точное замечание Д.М. Сегала: «В сущности, единственным настоящим обвинением политического характера, которое Мандельштам бросил Сталину, было обвинение в государственном терроре („Что ни казнь у него, то малина“»)» (Сегал Д. Осип Мандельштам: История и поэтика: В 2 кн. М., 2021. Кн. 2. С. 1006).

³⁷⁰ В инскрипте 1929 года В. Луговскому на книге «Стихотворения» («с воинским салютом, ибо поэзия — военное дело» [Летопись. С. 347]).

ОГПУ в июле 1933 года («Литературы у нас нет»). Шестью годами ранее типологически сходная кризисная ситуация была описана (применительно к судьбе Есенина) Эйхенбаумом, писавшим о том, что поэту «нужно было сделать поступок, о его переплескивании из литературы в жизнь» («<...> вместо поэзии мы имеем что-то другое, может быть, не менее ценное: следы <...> огромного морального напряжения») ³⁷¹. Эквивалентом самоубийственного ³⁷² физического действия («поступка») для Мандельштама (как и для Эйхенбаума) служат слова «страшной иронии <...> или страшного гнева» ³⁷³, фактически сигнализирующие о внелитературной природе текста.

Параллельно созданию и сознательно пренебрегающему всякой осторожностью чтению антисталинского стихотворения вслух почти случайным людям ³⁷⁴ Мандельштам ищет возможности уже буквальной реализации жеста из того же, что и стихотворная инвектива, архаического арсенала, освященного классической традицией, — пощечины А.Н. Толстому. Хронологическая разнесенность причины (участия Толстого в не удовлетворившем Мандельштама товарищеском суде над Амиром Саргиджаном в сентябре 1932 года) и следствия (физического наказания Толстого, пути к осуществлению которого Мандельштам ищет осенью — весной 1933–1934 годов ³⁷⁵) показывает знаковую природу этого, по меткому определению Г.Э. Сорокина, «литературного дела на психологической подкладке» ³⁷⁶. Если оскорблением Сталина Мандельштам разрубал гордиев узел своих, полных мучительной «раздвоенности и вечных метаний» ³⁷⁷, отно-

³⁷¹ Subbotin S. Указ. соч. С. 109, 125.

³⁷² Ср. неметафорическое утверждение Н.Я. Мандельштам об антисталинских стихах как о «форме самоубийства» (НМ. Т. 1. С. 238).

³⁷³ Из письма Эйхенбаума Шкловскому от 25 июля 1925 года (цит. по: Чудакова М.О. Указ. соч. С. 435).

³⁷⁴ Ср. свидетельство вдовы Г.А. Шенгели Н.Л. Манухиной: «Нина Леонтьевна рассказала, как не раз, бывая у них, Мандельштам читал эпиграмму на Сталина какому-нибудь новому знакомому. Уводил его на „черную“ лестницу и там читал. Манухина просила: „Ося, не надо!“. Но удержать его было невозможно» (Мандельштамовские материалы в архиве М. Талова / Публ. М. Таловой при участии А. Чулковой, предисл. и коммент. Л. Видгофа // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 337).

³⁷⁵ См. воспоминания об этом Э.Г. Герштейн, позволяющие установить указанный временной промежуток: Герштейн. С. 49–50. В описании Герштейн принципиальна синхронность осуществляемых Мандельштамом действий — он одновременно ищет способ встретить и ударить Толстого и читает «почти „направо и налево“» антисталинские стихи (Там же. С. 53).

³⁷⁶ Тагер Е.М. О Мандельштаме / Подгот. текста и коммент. М.Н. Тагер, Б.Г. Венса // Звезда. 1991. № 1. С. 159.

³⁷⁷ НМ. Т. 1. С. 239. Ср. об инвективе как о «выходе из двойственности» «между приятием и неприятием социума» (Тоддес Е. Антисталинское стихотворение Мандельштама (К 60-летию текста) // Тоддес. С. 414).

шений с режимом, то публичное *оскорбление действием* Толстого, как фигуры персонифицирующей для поэта враждебный ему мир аморальной «разрешенной литературы», становилось одновременно кульминацией и точкой в его многолетнем противостоянии писательскому истеблишменту и предельно актуализировало гибельный дуэльный подтекст принципиальных для мандельштамовской автопроекции Данте слов о «чисто пушкинской камер-юнкерской борьбе за социальное достоинство и общественное положение поэта». Оба жеста были беспрецедентны для тогдашнего социума и заключали в себе очевидную — в том числе для самого Мандельштама — перспективу уголовного преследования³⁷⁸.

Таков контекст, определяющий круг источников, стилистику и прагматику антисталинского стихотворения Мандельштама.

17

Как мы видели, содержательно мандельштамовская инвектива восходит к кругу связанных со Сталиным тем, фигурировавших в оппозиционных генеральной линии партии кругах, биографически близких к поэту на рубеже 1930-х годов. Наиболее острая из этих тем — тема национальности Сталина и связанной с ней «азиатской жестокости» — имеет двойственную природу, как, с одной стороны, восходящая к «эксклюзивному» источнику (указание на осетинское

---

³⁷⁸ Е.Я. Хазин, брат Н.Я. Мандельштам, в 1967 году рассказывал В.М. Борову: «Когда Осип приехал в Москву и рассказал [о пощечине Толстому], я никак не мог в это поверить, но это было» (Лето 1967 года в Верее: Н.Я. Мандельштам в дневниковых записях Вадима Борисова. С. 494). О немедленном желании ставших свидетелями пощечины Толстому писателей возбудить уголовное дело против Мандельштама и «как можно строже засудить» его см. в воспоминаниях Е.М. Тагер (*Тагер Е.М.* Указ. соч. С. 159). В коллективном письме Толстому от президиума ленинградского Оргкомитета ССП 27 апреля 1934 года поступок Мандельштама квалифицировался как «истерическая выходка человека, в котором до сих пор живы традиции худшей части дореволюционной писательской среды» (К биографии Мандельштама / Публ. И. Флаттерова [А.И. Добкина] // *Память: Исторический сборник.* М., 1977 / Paris, 1979. Вып. 2. С. 433). Последствия написания и чтения критических стихов о Сталине с начала 1930-х годов также были ясны литераторам: так, например, в ответ на предложение И.И. Макарова написать «поэму о раскулачивании, о сталинской беспощадности и о гибели невинных крестьян» и назвать ее «Иосиф Неистовый» Павел Васильев ответил: «Ты в ГПУ не сидел» (*Блудов Ю.* *Ненаписанный роман: Памяти Ивана Макарова. 1900–1937 // Современное есениноведение.* 2007. № 7. С. 175). Летом 1936 года тот же Васильев отказался читать (по просьбе Ю.К. Олеси) в писательской компании свою эпигramму на Сталина 1931 года «Ныне, о Муза, воспой Джугашвили, сукина сына...» (*Растерзанные тени.* С. 277).

происхождение Сталина)³⁷⁹, а, с другой, получившая массовое распространение («кремлевский горец» как указание на в широком смысле «южную», «нерусскую» национальность вождя)³⁸⁰.

Информация о том, что отец Сталина был осетином, впервые была, насколько известно, приведена в книге друга детства и ранней юности Сталина Иосифа Иремашвили «Сталин и трагедия Грузии», вышедшей на немецком языке в Берлине в 1932 году. 95-страничная книга Иремашвили была издана за счет автора, по всей видимости, в конце 1931 — начале 1932 года (авторское предисловие датировано 1 июля 1931 года)³⁸¹. Вне всякого сомнения, появление книги воспоминаний о Сталине (публикация которых в СССР со второй половины 1920-х годов была поставлена под жесткий контроль со стороны вождя³⁸²), написанных лично знакомым ему автором³⁸³, не могла остаться незамеченной в Кремле. Скорее всего, книга была переведена для «специального пользования». Есть, однако, и вероятность того, что воспоминания Иремашвили были доступны в СССР не только узкому кругу партийных читателей — книгу могли ввозить из Германии советские граждане, находившиеся в командировках. Одним из них был, между прочим, Л.Л. Авербах, как раз в начале 1932 года приезжавший в Берлин и специально интересовавшийся недоступной в СССР эмигрантской литературой³⁸⁴. Другим возмож-

³⁷⁹ Ср. закономерный вопрос С.И. Липкина, который слышал инвективу от автора: «Откуда, однако, он уже в те годы знал об осетинском происхождении Сталина?» (*Липкин С. Указ. соч. С. 398*).

³⁸⁰ Ср.: «Оборот *кремлевский горец* не просто иносказателен, но и выражает точку зрения „мы“, одновременно боящихся назвать Сталина по имени и дающих ему презрительную кличку (ср. далее этноним *осетин*). Этот шовинистический выпад подразумевает, что наш Кремль, а там и наш русский язык (метафорически приравненные в эссе „О природе слова“) испоганены варварами, татарвой, нацменами» (*Жолковский А., Панова Л. Больше, чем мастер: Поэтика и прагматика антисталинской эпиграммы Мандельштама // Звезда. 2020. № 9. С. 268*).

³⁸¹ *Stalin und die Tragödie Georgiens / Erinnerungen von Dr. Joseph Iremaschwili. Berlin, 1932.* Существует русский перевод, выполненный с грузинского перевода 2006 года: *Иремашвили И. Сталин и трагедия Грузии / Пер. с грузинского Р. Конджария. М., 2008.*

³⁸² Критический разбор книги Иремашвили как источника см.: *Эдельман О. Сталин, Коба и Сосо: Молодой Сталин в исторических источниках. М., 2016. С. 55–57.*

³⁸³ Последний эпистолярный контакт Иремашвили со Сталиным относится к 1927 году; его написанное по-грузински письмо было сохранено Сталиным в личном архиве (см.: *Кузнецова С. «Он был безжалостным к себе и стал таким же ко всем людям»: Что вспоминал о Сталине преданный друг // Коммерсантъ-Власть. 2013. 4 марта. № 8. С. 47*).

³⁸⁴ См. его письмо Горькому из Берлина, февраль 1932 года: Горький и Л. Авербах. С. 585.

ным источником сведений об осетинском происхождении Сталина могли послужить разговоры Мандельштама в Грузии в 1930 году (в частности, с Ломинадзе). Информация об осетинском происхождении (как унизительном, с точки зрения грузина) была уже тогда частью антисталинской «контрмифологии».

Если брать тему «кремлевского горца» в более широком смысле — как указание на нерусское происхождение Сталина — то, как известно, этот ее поворот вызвал резкое неприятие Пастернака, заявившего Н.Я. Мандельштам: «Как мог он написать эти стихи — ведь он еврей!»³⁸⁵ В своих воспоминаниях Н.Я. Мандельштам отмечает, что не поняла этот ход мысли. Между тем смысл того, что, по-видимому, имел в виду Пастернак, может быть реконструирован, если рассмотреть упоминание «горца в Кремле» в более широком контексте темы «Россия под властью инородцев», типичной для массового антисоветского дискурса с первых лет революции. Актуальность этой темы для 1933 года подтверждает то, что именно в этот период осознание неэффективности советской национальной политики заставило Сталина перейти к постепенному «процессу полной реабилитации русской культуры и права русских на национальное самовыражение»³⁸⁶. Социологические исследования, проведенные после Второй мировой войны среди оказавшихся на Западе советских граждан, зафиксировали остаточные довоенные настроения: на вопрос, все ли национальности имеют в СССР равные права, часть респондентов утверждала, что «преимущества имеются у евреев, грузин и кавказцев, ссылаясь при этом на национальность Сталина и якобы непропорциональное представительство евреев на руководящих должностях»³⁸⁷. Вне всякого сомнения, мотив «горец/кавказец в Кремле» есть одна из составляющих «инородческой» темы, доминирующим элементом которой было указание на «евреев в Кремле/у власти». Антисемитский подход был органической частью более широкого «антиинородческого» комплекса, причем обыкновенно адепту первого был свойственен и второй.

³⁸⁵ *НМ*. Т. 1. С. 240.

³⁸⁶ *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Пер. с англ. О.Р. Щелоковой. М., 2011. С. 541. См. также: *Бранденбергер Д.* Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956) / Доп. изд. / Автор. пер. с англ. Н. Алешинной, Л. Высоцкого. СПб., 2009. С. 39 и след.

³⁸⁷ *Мартин Т.* Указ. соч. С. 522. «Русские не играют ведущей роли. Возьмите Кремль. Ну и много ли русских вы видите в Кремле?» (из ответов респондентов: Там же. С. 525).

Так, например, 14 июля 1930 года, А.И. Тиняков, автор нашумевшей в свое время «Исповеди антисемита»³⁸⁸, записывал в дневнике:

Все последние дни были заняты 16<-м> съездом большевиков. Грузинский дьяволодурак еще раз поставил на колени Рыкова и Томского и мимоходом давнул Крупскую. Молчал только Бухарин, но возможно, что на вчерашнем заключительном заседании и он растянулся на брюхе перед «дивной жопой Кавказа». Эти «правые», конечно, тоже сволочи, но они все-таки понимают то, что надо же населению хоть что-нибудь жрать. Сталин же и его подручные обрекли на голодную смерть десятки миллионов людей и не поперхнулись³⁸⁹.

Заключительную речь Сталина на том же XVI съезде осмыслял в дневнике чуткий к теме «борьбы с „жидом“»³⁹⁰ М.М. Пришвин. Жестокость Сталина также связывается им с национальным происхождением: «Вот человек, в котором нет даже и горчичного зерна литературно-гуманного влияния: дикий человек Кавказа во всей своей наготе»³⁹¹. Близкий крестьянским поэтам В.Ф. Наседкин в 1932 году написал стихотворение «Буран», содержание которого резюмировал на допросе в НКВД в 1937 году:

Смысл, вложенный в это произведение, примерно следующий. Власть над народом захватили инородцы, которые попирают его национальные особенности. <...> Русская страна гибнет в результате политики инородцев³⁹².

В написанной от имени «русских писателей» анонимной антисоветской листовке, распространенной на Первом съезде писателей в августе 1934 года, специально подчеркивалась национальная при-

³⁸⁸ Статья Тинякова, опубликованная в «Журнале журналов» (1916. № 3).

³⁸⁹ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-17349. Л. 49. Закавыченная Тиняковым характеристика Сталина («дивная жопа Кавказа») заставляет вспомнить стихотворный экспромт Павла Васильева о Сталине («<...> и в жопу лавровый венок воткнем», 1931) и вариант концовки мандельштамовского стихотворения («И широкая жопа грузина») — не исключено, что все они восходят к инвективному языковому клише начала XX века, относящемуся к кавказцам.

³⁹⁰ Пришвин М.М. Дневники. 1936–1937 / Подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой; статья, коммент. Я.З. Гришиной. СПб., 2010. С. 301.

³⁹¹ Пришвин М.М. Дневники. 1930–1931 / Подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной; коммент. Я.З. Гришиной. СПб., 2006. С. 143 (запись от 4 июля 1930 года).

³⁹² Растерзанные тени. С. 391. Текст стихотворения не сохранился.

надлежность Сталина («недоучившийся в грузинской семинарии Иосиф Джугашвили (Сталин)») ³⁹³. Аналогичные настроения были характерны для самых разных кругов населения ³⁹⁴.

Сосед и приятель Мандельштама по Дому Герцена С.А. Клычков, в 1923 году отметившийся участием в антисемитском «деле четырех поэтов» ³⁹⁵, в марте 1930 года, вскоре после опубликования статьи Сталина «Головокружение от успехов», по сообщению сексота ОГПУ «Шмеля», в Доме Герцена

громогласно кричал, что «этот азиат — болван и он русских обмануть не сможет. Не купить ему больше крестьян лживыми и подлыми своими статейками. Никто уже ему не поверит» ³⁹⁶.

Известно, что еврейская тема неоднократно обсуждалась у Клычкова в присутствии других крестьянских поэтов (Клюева, Васильева), а также Мандельштама и его русских (Б.С. Кузин) или «славнофильствующих» (С.И. Липкин) ³⁹⁷ друзей и знакомых. Такие

³⁹³ Власть и художественная интеллигенция. С. 228.

³⁹⁴ Ср., например, в дневнике 15-летней московской школьницы Нины Луговской о «подлом грузине, калечащем Русь» (*Луговская Н. Хочу жить! Дневник советской школьницы.* М., 2010. С. 63; запись от 24 марта 1933 года; ср. антисемитскую запись: Там же. С. 74).

³⁹⁵ См. подробнее: *Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. / Общая ред. С.И. Субботина.* М., 2000. Т. 7. Кн. 2: Дополнение к 1–7 томам. Рукою Есенина. Деловые бумаги. Афиши и программы вечеров. С. 515–526. Многочисленные антисемитские высказывания Клычкова, зафиксированные сексотаами ОГПУ, приведены в публикации: *Волгин В. Документы рассказывают... // Вопросы литературы.* 1992. № 1. С. 257–258.

³⁹⁶ *Волгин В. Документы рассказывают... С. 257.* В тексте публикации (или в тексте агентурного донесения) явная описка: вместо фамилии Клычкова написана фамилия «Клюев». Присутствие Клюева в указанный период в Москве исключено.

³⁹⁷ См.: *Кузин Б.* Указ. соч. С. 174; *Липкин С.* Указ. соч. С. 311, 335. По замечанию Г.А. Левинтона, «двойственное еврейско-русское самосознание Мандельштама провоцировало появление рядом с еврейской темой темы почвеннической или прямо антисемитской» (*Левинтон Г. К пустой земле невольно припадая: Postscriptum к статье Н.Н. Мазур // Русско-французский разговорник, или / ou Les Causeries du 7 Septembre: Сб. статей в честь В.А. Мильчиной.* М., 2015. С. 446). Об обращении Мандельштама к русско-еврейской теме в «Четвертой прозе» («еврейский антисемитизм») и о его «чувствительности» к «бурному притоку евреев на поверхность советской культурной жизни» (в этом, добавим мы от себя, Мандельштам сходил с кругом крестьянских писателей) см.: *Toddес Е.А. Антисталинское стихотворение Мандельштама // Toddес.* С. 426, 721. Красноречивый пример расставляемых Мандельштамом смысловых акцентов при обращении к (анти)еврейской тематике содержит мемуарная запись П.Н. Зайцева, относящаяся к концу января 1934 года: «Он [Мандельштам] прочитал мне свои стихи о Борисе Николаевиче [Бугаеве — Андрее Белом, умершем 8 января 1934 года] и с большим чувством сказал: — Запомните, П.Н., я, Мандельштам, еврей, первый написал стихи о Борисе Ник. в эти дни...»

обсуждения, надо думать, шли в том числе и в антиинородческом/антисоветском контексте, в общих чертах восстановленном в показаниях Клычкова 1937 года. В данной связи можно утверждать, что влияние этого литературного круга на содержание антисталинской инвективы не сводилось лишь к отброшенному Мандельштамом варианту строк 3–4 («Только слышно кремлевского горца, / Душегубца и мужикоборца» [I: 617]), а способствовало формированию общей тематической рамки всего текста, построенной на педалированных — в зачине и в финале — указаниях на национальную принадлежность адресата. Чутко идентифицированная Пастернаком как своего рода «подтема» «народного» антисемитского дискурса, эта рамка подтверждает наблюдение Н.Я. Мандельштам о том, что поэт «написал эти стихи в расчете на более широкий, чем обычно, круг читателей»³⁹⁸.

Установка Мандельштама на нетрадиционную для него аудиторию формирует поэтику антисталинского текста. Его «лубочный» характер «агитационного плаката большой действенной силы»³⁹⁹ (по зафиксированной на допросе в ОГПУ 25 мая 1934 года автохарактеристике поэта и характеристике Ахматовой) достигается нехарактерной для поэзии Мандельштама сниженной лексикой и образностью⁴⁰⁰. Соглашаясь с наблюдениями и выводами Е.А. Тоддеса, показавшего в монографической работе о стихотворении Мандельштама «его тесную связь с контекстом предшествующего творчества [поэта], особенно с „Четвертой прозой“»⁴⁰¹, заметим, что сама задача написания острополитического текста, оставляющего в смысле радикальности далеко позади ценные Мандельштамом стихи Клюева «Клеветникам искусства», не могла не ощущаться поэтом как профессиональный вызов. Говоря Ахматовой о том, что сейчас необходимо писать гражданские стихи, Мандельштам добавлял: «давайте посмотрим, кто из нас с этим справится»⁴⁰².

(Спивак М. О.Э. Мандельштам и П.Н. Зайцев: К вопросу об истории, текстологии и прочтении стихотворного цикла «Памяти Андрея Белого» // Сохрани мою речь. М., 2008. Вып. 4. Ч. 2. С. 517). Подчеркивание своего еврейского происхождения, несомненно, связано здесь у Мандельштама с очевидным для него (и его собеседника) антисемитизмом Белого (см.: Спивак М. Андрей Белый — мистик и советский писатель / 2-е изд., доп. М., 2020. С. 329 и след.).

³⁹⁸ *НМ*. Т. 1. С. 240.

³⁹⁹ *Нерлер П.* Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. С. 47.

⁴⁰⁰ «Свойственный ему [Мандельштаму] подход — историософский, а не гражданский», — отмечала Н.Я. Мандельштам, подчеркивая «отдельность» гражданских стихов 1933 года в творчестве поэта (*НМ*. Т. 2. С. 744).

⁴⁰¹ *Тоддес Е.А.* Антисталинское стихотворение Мандельштама // *Тоддес*. С. 414.

⁴⁰² *НМ*. Т. 2. С. 744.

К выбору Мандельштамом специфической стилистики и жанра, который в кругу поэта определялся как «эпиграмма»⁴⁰³, может иметь отношение состоявшийся 18 октября 1933 года, во время, непосредственно предшествующее написанию антисталинских стихов, разговор с М.В. Таловым, отразившийся в дневнике последнего:

Я дал Мандельштаму прочесть написанную мною эпиграмму на А.М. Эфроса. Спросил О.Э., писал ли он когда-нибудь эпиграммы: «Никогда». Затем мы вспомнили блестящую эпиграмму Баратынского — «Эпиграмму хохотунью»⁴⁰⁴.

Эпиграмма Талова на Эфроса не была приведена при публикации его дневника; при обнародовании дополнительных мандельштамовских материалов из архива Талова его вдова вновь уклонилась от ее полного воспроизведения, ограничившись пересказом последних двух строк как «колкости в адрес Эфроса»⁴⁰⁵. Полный текст увидел свет лишь в 2015 году:

Что «Профили», Абрам, у вас
Милы, скажу без сожаленья,
Но, к сожаленью, Ваш en-face
Внушает чувство омерзенья⁴⁰⁶.

Опасения М.А. Таловой понятны: эпиграмма на Эфроса, несомненно, может быть отнесена к текстам, выходящим за рамки конвенционального остроумия и содержащим оскорбительные выпады *ad hominem* (выслушав ее, Мандельштам недаром констатировал личную неприязнь автора к Эфросу⁴⁰⁷). Можно предположить, что именно в контексте обсуждения допустимой в границах жанра резкости речь зашла о метаописательном тексте Баратынского «Эпиграмма», написанном и впервые опубликованном в 1827 году:

⁴⁰³ См., например: Герштейн. С. 53, 57, 67 и др.; Мандельштам Е.Э. Воспоминания / Публ. Е.П. Зенкевич, предисл. А.Г. Меца // Новый мир. 1995. № 10. С. 175.

⁴⁰⁴ Талов М.В. Воспоминания. Стихи. Переводы / 2-е изд.; сост. и коммент. М.А. Таловой, Т.М. Таловой, А.Д. Чулковой. М.; Париж, 2006. С. 71–72.

⁴⁰⁵ Мандельштамовские материалы в архиве М. Талова. С. 332.

⁴⁰⁶ Нерлер П. Мандельштам и Эфрос: О превратностях нетворческих пересечений // Наше наследие. 2015. № 114. С. 48.

⁴⁰⁷ «По поводу моей эпиграммы Мандельштам заметил, что Эфроса редко кто любит» (Там же).

Окогченная летунья,
 Эпиграмма хохотунья,
 Эпиграмма егоза,
 Трется, вьется средь народа
 И завидит лишь урода,
 Разом вцепится в глаза⁴⁰⁸.

Текст Баратынского, отмеченный употреблением простонародной и бранной лексики (*егоза*, *урод*), строится на неожиданной зооморфизации внешне «легкой» и вроде бы безобидной эпиграммы как опасно острой (*окогченной*), способной нанести адресату нешуточный ущерб (*вцепиться в глаза*) и — одновременно — имеющей самую широкую («народную») среду обитания. Характерно также, что ответ Мандельштама, заявляющего Талову, что никогда не работал в подобном жанре, имплицитно в контексте их разговора опыт создания эпиграмм *такого рода* как потенциально привлекательный для поэта. Текст о Сталине следует «рецептуре» Баратынского.

Представление о части имевшегося поэтом в виду «народного» круга читателей/слушателей мы можем получить из реплики Мандельштама, относящейся к только что созданной инвективе и сохраненной памятью Э.Г. Герштейн: «Это комсомольцы будут петь на улицах! <...> В Большом театре... на съездах... со всех ярусов...»⁴⁰⁹ Мандельштамовская локализация своего чаемого поэтически-политического триумфа (Большой театр Союза ССР — место партийных съездов и крупных собраний) заставляет исследователей (справедливо) говорить о «советских рамках», в которых поэт «мыслил антисталинскую инвективу»⁴¹⁰ и об общественной перспективе, в которой он видит свой текст частью повестки будущего партийного съезда (XVII, прошедшего 26 января — 10 февраля 1934 года)⁴¹¹. Между тем смысловой доминантой реплики Мандельштама является не столько указание на место будущего действия, сколько указание на его агентов — членов ВЛКСМ.

⁴⁰⁸ Баратынский Е.А. Полное собрание сочинений и писем. М., 2002. Т. 2. Ч. 1: Стихотворения 1823–1834 годов / Ред. О. В. Голубева, А.Р. Зарецкий, А.М. Песков. С. 167.

⁴⁰⁹ Герштейн. С. 51.

⁴¹⁰ Тоддес Е.А. Антисталинское стихотворение Мандельштама // Тоддес. С. 429.

⁴¹¹ См.: Ронен О. Слава. С. 247–248. Ср.: Виницкий И. Почему Мандельштам, чтобы оскорбить Сталина, назвал его осетином // Горький [gorky.media]. 2020. 14 октября.

Ближайший интерпретационный контекст упоминанию «комсомольцев» дают уже сами «Мемуары» Герштейн, где (помимо цитированного нами места) комсомольцы упомянуты дважды — в связи со встреченным Герштейн в 1929 году в подмосковном санатории молодым человеком, который, «как и все хоть немного думающие в ту пору комсомольцы, был антисталинцем», и в связи со встречей с сыном Троцкого Львом в «компании комсомольцев»⁴¹².

С явлением, получившим название «комсомольской оппозиции», Сталин столкнулся в середине 1920-х годов, когда значительная часть комсомольской молодежи поддержала оппозиционную платформу Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева. В частности, бюро Ленинградского губкома комсомола в начале 1926 года постановило, «что его большинство считает решения XIV съезда [партии, осудившего «ленинградскую оппозицию»] неправильными»⁴¹³. Агитационная литература 1920-х, призванная бороться с троцкизмом, признавала популярность Троцкого (между прочим, «почетного комсомольца»⁴¹⁴) среди молодежи, особенно вузовской⁴¹⁵. Современный историк комсомольской прессы 1920-х годов пишет:

Несмотря на все аппаратные игры, сталинскому окружению не удалось в борьбе с Троцким добиться стопроцентной лояльности ни «Комсомольской правды», ни ЦК РКСМ. Штаб комсомола активно выступил против многочисленных обвинений в адрес Троцкого со стороны ЦК РКП(б). Печатный орган ЦК РКСМ, естественно, отражал идеи лидеров комсомола. Началось в буквальном смысле слова уничтожение членов ЦК комсомола. Зиновьев, выступая на XIV съезде, констатировал: «Я, к сожалению, не имею сейчас под руками список этого избиения младенцев. Но я знаю наверное, что не менее 15 „цекистов“ комсомола было разогнано»⁴¹⁶.

⁴¹² Герштейн. С. 19, 389.

⁴¹³ Глазов Л. Путь комсомольской оппозиции. Л., 1926. С. 32.

⁴¹⁴ «На торжественном пленуме ЦК РКСМ, посвященном 5-летию комсомола, под аплодисменты и крики „ура“ ему [Троцкому] было присвоено звание почетного комсомольца. В ответ он заявил: „Я постараюсь в своей работе не уронить врученного мне вами звания почетного комсомольца“» (Криворученко В.К. Молодежь, комсомол, общество 30-х годов XX столетия: К проблеме репрессий в молодежной среде. М., 2011. С. 30–31).

⁴¹⁵ См., например: Троцкизм и молодежь: Сборник материалов. Л., 1924. *Passim*.

⁴¹⁶ Гольдфарб С.И. Начало российской молодежной политической журналистики в лицах // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2019. Т. 28. С. 33.

Организационный разгром троцкистов в 1927–1928 годах не уничтожил оппозиционные по отношению к сталинской линии настроения среди комсомола. В конце 1930 года была разгромлена еще одна «антипартийная» платформа — так называемый лево-правый блок, в который входили, в частности, С.И. Сырцов, А.Л. Курс, В.В. Ломинадзе, Н.П. Чаплин, Т. Костров, Л.А. Шацкин и др.⁴¹⁷ К нему же примыкал Л.Л. Авербах. Характерно, что Мандельштам был знаком как с участниками связанной с Сырцовым «правой» группы (Курс), так и с членами «левой» (Авербах, Ломинадзе). Костяк «левой» группы составляли основатели комсомола и руководители комсомольской прессы. Именно в близкой к «лево-правому блоку» комсомольской и партийной среде, обеспокоенной «неуменьем ЦК справиться с трудностями, исключительным усилением личной власти Сталина, неразвертыванием требующейся внутривнутрипартийной демократии»⁴¹⁸, вращался Мандельштам во второй половине 1929 — начале 1930 года, работая в «молодежной» прессе, и именно разгромом и реорганизацией Сталиным связанных с лидерами «лево-правого блока» комсомольских медиа объясняется закрытие в начале 1930 года «Московского комсомольца», на время оставившее Мандельштама без полученной (очевидно, с помощью Авербаха) работы.

Критическую позицию создателей советского комсомола (входивших в «лево-правый блок» и — отчасти — в РАПП) по отношению к проводимой им политике Сталин именовал «комсомольским авангардизмом» (суть этого определения он раскрыл в письме А.И. Бельменскому от 19 марта 1930 года через указание на ситуацию, когда «не партия исправляет ошибки молодежи, а наоборот»⁴¹⁹). Такое положение дел он считал недопустимым, инициируя серьезные «чистки» комсомола в 1929 и 1932 годах и преследуя недостаточно подконтрольную молодежь и в советской литературе. Неслучайно как проявление «комсомольской оппозиционности» квалифицировал позднее И.Э. Бабель случай арестованного в декабре 1934 года

⁴¹⁷ См. о нем: *Нобуаки С.* Политическая ситуация в СССР. Осень 1930 года // *Acta Slavica Iaponica.* 1989. № 7. Р. 33–45; *Роговин В.* Власть и оппозиции. М., 1993. С. 169–172; *Хлевнюк О.* Указ. соч. С. 57–72.

⁴¹⁸ Из заявления Л.Л. Авербаха Г.К. Орджоникидзе от 26 октября 1930 года (Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) 1923–1938 гг. Т. 3: 1928–1938 гг. С. 259).

⁴¹⁹ Власть и художественная интеллигенция. С. 126. Процесс партийного патронажа над комсомолом получил отражение в писавшейся синхронно сближению Мандельштама с «комсомольскими» кругами «Четвертой прозе»: «<...> тренировка вихрастого малютки комсомола под руководством агитмамушек, бабушек, нянюшек, чтобы он, Васенька, вдарил <...>» (гл. 2).

молодого поэта Ярослава Смелякова⁴²⁰. В момент написания Мандельштамом антисталинской инвективы остатки этой оппозиционности — в свое время отраженной им в «Четвертой прозе» — и живая память о ней были еще и на виду и на слуху. Именно с этой средой, подвергшейся менее жестоким (сравнительно с троцкистами или упоминавшейся Омри Роненом в связи с мандельштамовским стихотворением группой М.Н. Рютина) репрессиям — никто из членов «лево-правого блока» не был лишен свободы, — могли связываться какие-то надежды на изменение партийной политики в преддверии XVII съезда.

Одним из самых громких моментов противостояния комсомольских оппозиционеров сталинской линии был относящийся к 1928 году эпизод: 29 октября, в день десятилетия ВЛКСМ, на посвященном юбилею торжественном заседании в Большом театре было разбросано «около двухсот листовок „троцкистского характера“»⁴²¹. Высока вероятность того, что Мандельштам мог знать об этой акции, свидетелями — возможно, сочувственными — которой были десятки входивших в комсомольский актив людей. Эти, не понаслышке (в отличие от группы Рютина) знакомые Мандельштаму противники «казнелюбивой» сталинской политики и единоличной диктатуры, по видимому, представлялись поэту ближайшей аудиторией написанной им политической инвективы. Они же, что существенно для всего речевого строя вещи, органически входят в состав открывающего стихотворение Мандельштама лирического «мы», которое традиционно принято соотносить исключительно с социально и культурно близким поэту узкоинтеллигентским кругом. Однако и мотивика, и лексика, и метафорика «Мы живем, под собою не чуя страны...» также свидетельствуют о сознательном решении Мандельштама выступить в жанре гражданской поэзии с потенциально «народным» текстом, став голосом максимально широкого круга жертв и врагов сталинской политики — от партийцев и интеллигенции до крестьянства.

⁴²⁰ Христофоров В. Указ. соч. С. 142 (цитируется фрагмент недатированного при публикации агентурного донесения об И.Э. Бабеле).

⁴²¹ Циркулярное письмо ОГПУ о борьбе с троцкизмом / Публ. подгот. Г.И. Чернявский // Вопросы истории. 2009. № 11. С. 19. Сведения получены Г.И. Чернявским из «разосланной информации руководства ОГПУ»; ныне, по сообщению публикатора, документ хранится и доступен в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины (Ф. 13. Спр. 282. Арк. 20).

Антисталинская инвектива пишется Мандельштамом в момент наибольшей внешней стабилизации его социального положения. Оба принципиальных для писателя в советских условиях вопроса, которые ставила в свое время перед Молотовым Н.Я. Мандельштам, — вопрос о работе и вопрос о квартире — были решены. Литературный заработок, достающийся с трудом и с помощью протекции высоких чиновников, позволил поэту тем не менее в 1933 году приобрести — а не «получить» от ВССП, как в 1932-м, — *собственное* жилье в строящемся писательском кооперативе в Нащокинском переулке (дом 5), только что переименованном в переулок Фурманова, в честь автора оцененного Мандельштамом «Чапаева»⁴²², жившего и умершего в 1926 году в доме 14 в том же переулке. В октябре — ноябре 1933 года Мандельштамы вселяются в новую квартиру. Написанная — а вернее сложенная Мандельштамом (и запомненная женой поэта с его голоса) — антисталинская инвектива относится именно к этому периоду: своим политическим жестом Мандельштам «изнутри» подрывал ситуацию «благополучия», чья моральная двусмысленность, видимо, обострилась для него с переездом в собственную квартиру — роскошь, доступная тогда немногим, в том числе и среди писателей. «Вокруг нас шла отчаянная борьба за писательское пайковое благоустройство, и в этой борьбе квартира считалась главным призом», — вспоминала Н.Я. Мандельштам⁴²³. Внимательный к контексту эпохи А.К. Гладков в записях о Мандельштаме не случайно подчеркивает, что «Пастернак получил отдельную квартиру позже»⁴²⁴.

Последнее обстоятельство имеет непосредственное отношение к эмоциональной реакции Мандельштама на фразу Пастернака, сказанную во время посещения Нащокинского: «„Ну вот, теперь и квартира есть — можно писать стихи“», — сказал он, уходя. „Ты слышала, что он сказал?“ — О.М. был в ярости»⁴²⁵. Ссылка жены поэта на убеждение Мандельштама, что «благополучие не служит стимулом к работе», лишь отчасти объясняет ситуацию. В контексте, когда положение Мандельштама могло в некотором отношении выглядеть более привилегированным, нежели положение Пастернака, в словах последнего

⁴²² По воспоминаниям Е.К. Гальпериной-Осмеркиной, Мандельштам называл роман Фурманова «замечательным произведением» (Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. С. 154).

⁴²³ *НМ.* Т. 1. С. 229.

⁴²⁴ *Гладков А.К.* <Глоссы о Мандельштаме>. С. 235.

⁴²⁵ *НМ.* Т. 1. С. 229.

мог слышаться не только «бытовой» намек на это обстоятельство, но и — что гораздо существенней — утверждение о возможной для Мандельштама связи между бытовой устроенностью и характером его творчества, о своего рода потенциальной ангажированности его поэзии внешними обстоятельствами. Для Мандельштама, в «Четвертой прозе» и в «Волке» манифестировавшего такого рода ангажированность как отличительную черту «разрешенной» литературы, такая связь была неприемлема⁴²⁶. Тот факт, что в данном случае внешние обстоятельства были особо благополучными, усугублял конфликтность ситуации. Под сомнение ставился прокламируемый поэтом «свободный выбор моих страданий и забот». Ответом на этот моральный вызов стало стихотворение «Квартира тиха, как бумага...».

В этом тексте выглядящая для стороннего взгляда привилегией новая квартира выступает в качестве враждебного поэту места, откуда «просятся вон» его вещи. Ее пространство, в котором, с одной стороны, *de facto* ограничена свобода автора («И некуда больше бежать»), а с другой, не обеспечена необходимая для ощущения безопасности приватность («А стены проклятые тонки») — оказывается неотделимо от навязываемой поэту извне, *несвободной* речи («А я как дурак на гребенке / Обязан кому-то играть»). Как и в антисталинской инвективе, среди особо болезненных тем, по которым идет спор поэта с современностью, названы две — тема казней («Учить щебетать палачей») и тема раскулачивания («колхозный бай», «колхозный лен»). Смирившаяся с казнями и с гибелью крестьянства литература, смешивающая *чернила и кровь* (мотив, впервые, как мы отмечали выше, появляющийся в черновиках «Волка»), напрямую связана с темой ненавистной поэту «разрешенной» словесности — «пайковых книг», то есть изданий, буквально распространяемых в обстановке всеобщего дефицита через советский спецраспределитель⁴²⁷.

Собственная, рождающаяся в замкнутом квартирном пространстве и полная «мучительной злости», речь напоминает Мандельштаму о некрасовской поэтике:

⁴²⁶ В этот же период посетивший строительство Беломорско-Балтийского канала и написавший требуемые дежурно-проходные стихи об этом старый товарищ Мандельштама М.А. Зенкевич получает у поэта иронически-оскорбительное прозвище «Зенкевич-Канальский» (Там же. С. 121).

⁴²⁷ См. в воспоминаниях Э.Г. Герштейн: «Как только Осип Эмильевич стал оседлым, т.е. получил квартиру, персональную пенсию (маленькую, правда), паек, книжный распределитель <...>» (Герштейн. С. 47). Основанный на мемуарах Н.Я. Мандельштам комментарий А.Г. Меца («обыгрывается „пайковая книжка“ — блок талонов на получение продуктов из распределителя» [I: 617]) представляется недостаточным.

И столько мучительной злости
 Таит в себе каждый намек,
 Как будто вколачивал гвозди
 Некрасова здесь молоток.

Напрямую ассоциированная с гражданской традицией некрасовская тема, оставшаяся в черновиках «Стихов о русской поэзии», выходит здесь на поверхность. Как показал Омри Ронен, голос Некрасова подкреплен у Мандельштама подтекстами из его стихотворений «В.Г. Белинский», «Дешева покупка» и «О погоде»⁴²⁸. Два последних подтекста, на наш взгляд, выглядят не слишком убедительно, между тем первый — через тему пения литературой колыбельной «баюшки-баю» — оказывается органично связан с другим, неучтенным, некрасовским подтекстом, объясняющим метафору «молотка» и дающим ключ к прочтению всего мандельштамовского текста в его связи с антисталинской инвективой и очевидными для поэта последствиями ее чтения широкому кругу лиц.

Мы имеем в виду одно из поздних стихотворений Некрасова «Баюшки-баю». Написанное в дни предсмертной болезни 1877 года, оно мыслится поэтом как прощальное:

Непобедимое страданье,
 Неумолимая тоска...
 Влечет, как жертву на закланье,
 Недуга черная рука.
 Где ты, о Муза! Пой, как прежде!
 «Нет больше песен, мрак в очах;
 Сказать: умрем! конец надежде! —
 Я прибрела на костылях!»
 Костыль ли, заступ ли могильный
 Стучит... смолкает... и затих...
 И нет ее, моей всесильной,
 И изменил поэту стих.

⁴²⁸ Соответственно: «В то время, как в родном краю / Открыто зло торжествовало, / Ему лишь „баюшки-баю“ / Литература распевала» — «Каждый здесь гвоздик вколочен с надеждою <...>; Не читай ты гуманных книжонок, / Но не ставь за каретой гвоздей <...>» (Ронен О. Лексический повтор, подтекст и смысл в поэтике Осипа Мандельштама [1970] // Он же. Указ. соч. С. 41–42). В русле статьи Ронена идет в целом и Ф.Б. Успенский (см.: Успенский Ф. Молоток Некрасова и карандаш Фета: О гражданских стихах О.Э. Мандельштама 1933 года // Toronto Slavic Quarterly. 2009. № 28). Ср. также: Видгоф Л. «Но люблю мою курву-Москву»: Осип Мандельштам: поэт и город. М., 2012. С. 503–514.

Но перед ночью непробудной
 Я не один... Чу! голос чудный!
 То голос матери родной:
 «Пора с полуденного зноя!
 Пора, пора под сень покоя;
 Усни, усни, касатик мой!
 Приими трудов венец желанный,
 Уж ты не раб — ты царь венчанный;
 Ничто не властно над тобой!
 Не страшен гроб, я с ним знакома;
 Не бойся молнии и грома,
 Не бойся цепи и бича,
 Не бойся яда и меча,
 Ни беззаконья, ни закона,
 Ни урагана, ни грозы
 Ни человеческого стоны,
 Ни человеческой слезы.
 Усни, страдалец терпеливый!
 Свободной, гордой и счастливой
 Увидишь родину свою,
 Баю-баю-баю-баю!
 Еще вчера людская злоба
 Тебе обиду нанесла;
 Всему конец, не бойся гроба!
 Не будешь знать ты больше зла!
 Не бойся клеветы, родимый,
 Ты заплатил ей дань живой,
 Не бойся стужи нестерпимой:
 Я схороню тебя весной.
 Не бойся горького забвенья:
 Уж я держу в руке моей
 Венец любви, венец прощенья,
 Дар кроткой родины твоей...
 Уступит свету мрак упрямый,
 Услышишь песенку свою
 Над Волгой, над Окой, над Камой,
 Баю-баю-баю-баю!..»⁴²⁹

---

⁴²⁹ Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Л., 1982. Т. 3. С. 203–204.

Текст Некрасова построен на парадоксальном использовании тихого колыбельного звука «баю» в функции ономапейной передачи резкого и зловещего стука костыля/могильного заступа. «В колыбельной, обращенной к умирающему поэту, прогнозируются его смерть и посмертное существование»⁴³⁰. Очевидно, именно эти запоминающиеся (особенно при чтении вслух, что существенно для Мандельштама, «неисправимого звуколюбца», работавшего «с голоса» и ценившего звуковую природу стиха) звуки, чья «мучительность» усилена многократной редупликацией, имеет в виду поэт, упоминая «молоток» Некрасова, вколачивающий (в гроб?) гвозди. И у Некрасова, и у Мандельштама готовность к неминуемому концу и его ожидание («умрем! конец надежде!» — «Я к смерти готов») сочетаются с отчетливой уверенностью в некоем торжестве дела, которому служил и в каком-то смысле принес себя в жертву поэт («Уступит свету мрак упрямый, / Услышишь песенку свою / Над Волгой, над Окой, над Камой, / Баю-баю-баю-баю!..» — «Это будут петь комсомольцы на улицах!»). Решившийся на неизбежную гибель «за высокое племя людей» Мандельштам окликает в заветном, продолжающем линию «Стихов о русской поэзии», тексте умирающего собрата, своего предшественника на политую кровью ниве гражданской лирики.

19

В конце апреля 1934 года в Гостином дворе, в конторе «Издательства писателей в Ленинграде», которое осенью 1933-го отказалось печатать «Разговор о Данте» и на стадии третьей корректуры остановило (после разгромного отзыва в «Правде» об этом тексте⁴³¹) выпуск отдельного издания «Путешествия в Армению», Мандельштам смог, наконец, заставить Алексея Толстого и публично нанести ему «символический удар»⁴³². Возвращение в Москву и арест там по ордеру, подписанному заместителем председателя ОГПУ Я.С. Аграновым, в ночь на 17 мая завершили полугодовой (с момента написания антисталинской инвективы) период поисков Мандельштамом, по точ-

⁴³⁰ Головин В.В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Турку, 2000. С. 335.

⁴³¹ Розенталь С. Тени старого Петербурга («Звезда» № 1-7 за 1933 год) // Правда. 1933. 30 августа. С. 4.

⁴³² По определению Бухарина из письма Сталину о Мандельштаме (Нерлер П. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. С. 62).

ному определению М.Л. Гаспарова, «подвижнической гибели»⁴³³. Этот период, отмеченный безумным, как казалось современникам⁴³⁴, нервным напряжением и открытой тематизацией «возможной близкой гибели» в семейном кругу поэта⁴³⁵, закончился для Мандельштама тяжелейшим психическим срывом во внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке — нападением на сокамерника, Б.В. Мяздрикова⁴³⁶, истерическими припадками⁴³⁷ и первой попыткой самоубийства с помощью спрятанного заранее (по совету уже побывавшего на Лубянке Б.С. Кузина) в подошве бритвенного «лезвия „Жилетт“»⁴³⁸.

По-видимому, это обстоятельство — очевидная для чекистов психическая нестабильность Мандельштама — сыграло свою роль (среди других соображений, о которых ниже) при определении ему Особым совещанием при Коллегии ОГПУ 26 мая сравнительно мягкого приговора (трехлетней административной высылки на Урал) и, главное, в принятом 28 мая решении позволить Мандельштаму ехать в ссылку в сопровождении жены. 4 июня в Чердыни Мандельштам предпринимает вторичную попытку самоубийства — выбрасывается из окна городской больницы, где их с Надеждой Яковлевной временно разместили. Поняв, что принятые меры оказались недостаточны для предотвращения рецидивов болезни, свидетелями которой они были на Лубянке, московские чекисты 5 июня требуют от Свердловского ОГПУ проведения срочной психиатрической экспертизы и «оказания содействия в лечении и работе <sic!>»⁴³⁹ Мандельштама, а 9 июня — перевода Мандельштама в свердловскую больницу.

⁴³³ Гаспаров М.Л. Комментарии // Мандельштам О. Стихотворения. Проза / Сост., вступ. статья, коммент. М.Л. Гаспарова. М.; Харьков, 2001. С. 659.

⁴³⁴ Ср. в письме Б.К. Лившица М.А. Зенкевичу от 14 января 1934 года: «Кстати, об Осипе. До меня дошли слухи, внушившие мне опасение за его душевное состояние. Верны ли эти слухи? Ахматова обещала позвонить мне по возвращении из Москвы, но пока я не на шутку встревожен» («Слово в движении и движение в слове»: Письма Бенедикта Лившица / Публ. П. Нерлера, А. Парниса // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1989. Вып. 8. С. 203). Б.К. Лившиц знал антисталинские стихи Мандельштама (см.: Шнейдерман Э. Бенедикт Лившиц: арест, следствие, расстрел // Звезда. 1996. № 1. С. 98).

⁴³⁵ Герштейн. С. 429.

⁴³⁶ См.: Видгоф Л. Мандельштам на Лубянке: Из воспоминаний Б.В. Мяздрикова // Знамя. 2018. № 5. С. 115.

⁴³⁷ Об одном из них, свидетелем которого стал писатель П.А. Павленко, Мандельштам рассказал в Воронеже Э.Г. Герштейн (Герштейн. С. 65). См. также воспоминания Б.В. Мяздрикова (Знамя. 2018. № 5. С. 114–115).

⁴³⁸ НМ. Т. 1. С. 153.

⁴³⁹ Нерлер П. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. С. 62.

Синхронно этим процессам — и никак с ними не пересекаясь до 9–10 июня — развивается другая линия событий, связанная с арестом Мандельштама и в конечном счете определившая его судьбу.

Между 6 и 9 июня (точная дата неизвестна) об аресте и высылке Мандельштама узнает Сталин. Информация об этом содержалась в недатированном письме к нему Н.И. Бухарина, упоминающем о чердынской попытке самоубийства поэта и о взволнованности литературных кругов (особенно Пастернака) его судьбой. С точки зрения Сталина, ситуация выглядит скандально: ОГПУ нарушило решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 июля 1931 года, запрещающее органам безопасности арестовывать видных специалистов в народно-хозяйственной и культурной областях без согласия ЦК партии (читай Сталина)⁴⁴⁰. Сталин плохо представляет себе (или не представляет вовсе), кто такой Мандельштам⁴⁴¹, и действительно ли он, как это следует из письма Бухарина (которому он не доверяет), является видным писателем, то есть подпадает под решение Политбюро 1931 года. С целью прояснить ситуацию Сталин звонит Пастернаку, в целом подтверждающему сведения Бухарина и высокий литературный статус Мандельштама. Адресованная руководству ОГПУ резолюция Сталина на письме Бухарина гласит: «Кто дал им право арестовать Мандельштама? Безобразие...»⁴⁴² 10 июня Особое

⁴⁴⁰ Подробнее см. наст. изд., с. 188 и след.

⁴⁴¹ Из письма Сталина Кагановичу от 7 июня 1932 года известно, что в 1932 году он читал в «Новом мире» первую книгу «Поднятой целины» Шолохова, публиковавшуюся в № 1–9 (Сталин и Каганович: Переписка 1932–1936 гг. С. 149). В № 4 и 6 «Нового мира» за тот же год были опубликованы и стихи Мандельштама (в 6-м номере они шли непосредственно за прозой Шолохова). Теоретически, две публикации одного автора за столь короткий период могли обратить на себя внимание Сталина (из всех авторов «Нового мира» за первое полугодие 1932 года им, кроме Шолохова, упомянут в том же письме Кагановичу лишь Демьян Бедный, напечатавший пьесу в № 2).

⁴⁴² *Нерлер П.* Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. С. 62. Сталинская реакция на случай с арестом Мандельштама была учтена чекистами: через год, в мае 1935-го, когда «писательская общественность» требовала ареста Павла Васильева, секретарь ССП А.С. Щербаков выходил с этим вопросом к руководству НКВД (очевидно, к тому же Агранову, занимавшемуся «интеллигенцией»), однако был переадресован им к Сталину, которому и сообщил 22 мая: «Работники НКВД, с которыми я разговаривал, заявляют: „Меры в отношении П. Васильева принять пора, но сделать это можем только по указанию ЦК“» (Власть и художественная интеллигенция. С. 256). В августе 1935 года Агранов, получив одобрение Н.И. Ежова, позволил себе без санкции Сталина арестовать не слишком заметного главреда московского франкоязычного *Journal de Moscou* С.С. Лукьянова, что вызвало моментальную острую реакцию вождя («НКВД не имел права арестовать Лукьянова без санкции ЦК. Надо сделать Агранову надраение») и уже персональный выговор Агранову на заседании Политбюро (*Морев Г.* Поэт и Царь. С. 20).

совещание пересматривает приговор Мандельштаму: вместо трехлетней административной высылки в Чердынь поэт лишается права проживания в двенадцати крупнейших городах и местностях СССР («минус двенадцать»). Место своей ссылки он может выбрать самостоятельно.

Из сопоставления опубликованных к сегодняшнему дню документов из Кремля и ОГПУ ясно следующее. План Агранова (не решившегося из-за оскорбительного характера стихотворения Мандельштама доложить Сталину об этом деле, давшего поэту стандартный, не привлекающий внимания, приговор и планировавшего информировать вождя об аресте и высылке Мандельштама постфактум, сильно «отредактировав» суть дела и скрыв факт существования антисталинского текста) был нарушен письмом Бухарина. Оно на несколько дней опередило подготавливавшееся Аграновым для Сталина спецсообщение об аресте поэта⁴⁴³. Бухарин был единственным давно и хорошо знавшим Мандельштама человеком, имевшим в 1934 году уникальный ресурс — непосредственный выход на Сталина и, следовательно, возможность передавать ему информацию, минуя секретариат (именно так было передано письмо о Мандельштаме).

Обстоятельства — чисто хронологически — сложились таким образом, что для Сталина весь этот казус оказался связанным не с *причиной* ареста Мандельштама, оставшейся ему неизвестной (и его не заинтересовавшей), а с нарушением информационной цепочки — сообщения об аресте «видных специалистов» Сталин, согласно принятым еще в 1931 году правилам, должен был получать не от Бухарина (или кого-то еще), а от руководства ОГПУ. Резолюция на письме Бухарина четко зафиксировала негативную оценку Сталиным именно этого факта. Можно с уверенностью говорить, что, с одной стороны, если бы Сталин узнал стихи Мандельштама, наказание, как и предполагал поэт, было бы гораздо суровее и, с другой, что если бы спецсообщение Агранова опередило письмо Бухарина, то исход дела был бы непредсказуем.

Ничего не зная об оскорбительных стихах (Бухарин о них также в тот момент не знал, а Пастернак, зная, разумеется, не упоминал), Сталин своей резолюцией, напоминающей о решении Политбюро 1931 года, поместил дело Мандельштама в контекст дел об антисоветских проявлениях у «спецев» — «старых мастеров» культуры и/или военно-технического хозяйства, чья высокая квалификация служила

---

⁴⁴³ Анализ обнаруженного в архиве ФСБ спецсообщения Агранова см.: Морев Г. Поэт и Царь. С. 41 и след.

«реабилитирующим» обстоятельством при возможности использовать опыт и навыки незначительно провинившегося перед режимом человека в построении социалистической культуры или в военно-промышленной области. Вслед выбранному местом жительства Воронеж Мандельштаму из Москвы была послана директива одного из руководящих сотрудников Культпропа ЦК ВКП(б) П.Ф. Юдина, называвшая поэта «большим мастером» и предписывавшая местной администрации «использовать его по мере возможности как культурную силу»⁴⁴⁴.

О решившем его участь прямом вмешательстве Сталина в дело — звонке Пастернаку — Мандельштам узнал от жены, находившейся в Москве, в марте–апреле 1935 года. Несмотря на то что Пастернак (с разрешения секретаря Сталина А.Н. Поскребышева) не делал из звонка секрета и слухи о нем разошлись по литературной Москве, Мандельштамы ничего об этом не слышали. По воспоминаниям Н.Я. Мандельштам, узнав из случайного разговора с Г.А. Шенгели о звонке Сталина, она отправилась к Пастернаку, который подтвердил рассказ Шенгели «до малейшей детали»⁴⁴⁵. Одновременно с получением в Воронеже информации о разговоре Сталина с Пастернаком Мандельштам вновь — после более чем годового перерыва — начинает писать стихи⁴⁴⁶.

20

До сообщения Н.Я. Мандельштам о звонке Сталина поэт, судя по написанной по пути из Москвы в уральскую ссылку «басне» «Один портной...», построенной на каламбурном соединении «(высшей) меры» и «(портновской) мерки»⁴⁴⁷, свой, против ожидания, мягкий приговор связывал с нервным срывом и суицидальной попыткой на Лубянке («С себя он мерку снял — И до сих пор живой»). В этой логике чердынский «прыжок» способствовал дальнейшему смягчению приговора⁴⁴⁸. Сведения о вмешательстве в дело Сталина меняли картину.

⁴⁴⁴ *Нерлер П.* Он ничему не научился...: О.Э. Мандельштам в Воронеже: новые материалы // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 92.

⁴⁴⁵ *НМ.* Т. 1. С. 225.

⁴⁴⁶ Письма С.Б. Рудакова позволяют датировать это событие 6 апреля 1935 года (*Рудаков.* С. 34).

⁴⁴⁷ См. о ней: *Сурат И.* Мандельштам и Пушкин. М., 2009. С. 197.

⁴⁴⁸ Болезнью Мандельштама объяснялось изменение приговора 1934 года и во внутренней переписке НКВД в 1938 году (см.: *Нерлер П.* Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. С. 98).

Теперь Мандельштаму было ясно, что, несмотря на то что он был арестован за оскорбительные для Сталина стихи, вождь лично способствовал смягчению его участи. По мысли поэта (которому, разумеется, не была доступна информация о направленной на сокрытие его текста тактике Агранова, приведшей в силу случайного стечения календарных обстоятельств к недовольству Сталина действиями ОГПУ), это случилось вследствие того, что «стишки, верно, произвели впечатление»⁴⁴⁹. Этот «литературоцентричный» ракурс подтверждал и в каком-то смысле провоцировал и выбор Сталиным поэта в качестве собеседника о деле Мандельштама. В сознании Мандельштама «милость» Сталина оказалась соотносима с поэтическими достоинствами его стихов, которые Сталин — несмотря на всю их оскорбительность — сумел оценить. Судя по сохранившейся памяти Н.Я. Мандельштам реплике («Почему Сталин так боится „мастерства“? Это у него вроде суеверия. Думает, что мы можем нахамить...»⁴⁵⁰), для Мандельштама было очевидно, что его «помилование» вождем непосредственно связано с официальной идеологией заботы о «мастерах». Возникновение этой отдающей дань «мастерам культуры» и оказавшейся спасительной для него идейной тенденции он склонен был объяснять имманентной «настоящим» стихам иррациональной силой, в существовании которой был убежден: «Поэтическая мысль вещь страшная, и ее боятся... <...> Подлинная поэзия перестраивает жизнь, и ее боятся...» — заявляет он С.Б. Рудакову 23 июня 1935 года⁴⁵¹ в разговоре, имеющем в виду, по нашему мнению, сравнительно незадолго до этого полученное известие об участии Сталина в его деле. Парадоксальным образом идея коммуникации со Сталиным, следы которой можно увидеть и в письме поэта Мариэтте Шагинян, и в донесении сексота ОГПУ (лето 1933 года), оказывалась реализованной: Сталин становился *читателем* — понимающим читателем! — Мандельштама. Эта утопическая конструкция меняла не только картину хода дела и вынесения приговора, но и всю картину мировосприятия поэта.

До Воронежа осмысление Мандельштамом политической проблематики было — в русле всех *внутрипартийных* оппозиций конца 1920-х — начала 1930-х годов — предельно персонифицировано: все неприемлемые для него черты советского режима — и прежде всего, жестокость и палачество — воплощались в фигуре Сталина.

---

⁴⁴⁹ *НМ*. Т. 1. С. 227.

⁴⁵⁰ Там же.

⁴⁵¹ *Рудаков*. С. 68.

Следствием этого стала направленная «не против режима, а против личности Сталина»⁴⁵² стихотворная инвектива. Та же особенность восприятия Мандельштамом социальной реальности сохранится и после получения известий об участии Сталина в его судьбе — но теперь с обратным знаком: все привлекающее поэта в новом советском обществе — масштабность большевистского социального эксперимента, его «историческая правота» и прокламируемая устремленность в будущее — будет заключаться в персоне Сталина, становящегося с 1935 года настоящей поэтической одержимостью Мандельштама.

В связи с посещением Мандельштамом в конце 1934 года психиатра в Воронеже Н.Я. Мандельштам пишет о его принадлежности к людям, которые «превращают в навязчивые идеи каждое тяжелое [resp. значительное] для них биографическое событие»⁴⁵³. Таким событием, связанным одновременно и с тяжелой травмой ареста и с радостью «помилования», стало для Мандельштама участие в его деле Сталина. Психологический механизм реакции Мандельштама на произошедшее с ним тонко раскрыт (отчасти как раз в связи с его делом) в дневнике М.М. Пришвина, которого много лет занимала фигура Сталина. В ноябре 1936 года Пришвин записывает: «Он [Сталин], вероятно, непрерывно „прижимает человека к стене“, ловит его с поличным его блажи <sic!> и <...> отпустив, делает своим человеком навсегда <...> Не дай-то Бог попасть в такой нравственный плен!»⁴⁵⁴ Именно о своего рода *нравственном плене* мы можем вести речь в случае Мандельштама⁴⁵⁵.

На новом, наступившем после получения информации о вмешательстве Сталина, биографическом этапе послуживший причиной его ареста текст «Мы живем, под собою не чуя страны...» квалифицируется Мандельштамом как «нелепая затея»⁴⁵⁶, неорганичный «контрреволюционный выпад» (III: 544–545), «политическое преступление» (III: 563). Текст фактически деавторизован — даже ближайший конфиденгент Мандельштама в Воронеже, его «официальный» биограф С.Б. Рудаков, кому доверен архив поэта и чья надежность

⁴⁵² Гаспаров М.Л. Комментарии. С. 659.

⁴⁵³ НМ. Т. 1. С. 204.

⁴⁵⁴ Пришвин М.М. Дневники. 1936–1937. С. 368–369.

⁴⁵⁵ Характерно ощущение Мандельштамом этого рода отношений именно как травмирующего «плена»: ср. его разговор с Рудаковым 24 марта 1936 года: «О.Э.: „<...> я вам завидую: вы сумели себя сохранить, пронести. Вы окружающих (!) не цените“. Я: „А вы?“ О.Э.: „Я отношусь не с точки зрения бытовой, а нравственной. Вы вот ничего не потеряли, а я изломан“» (Рудаков. С. 162).

⁴⁵⁶ Из стихотворения «Стансы» (1935).

не вызывала сомнений, не будет ознакомлен с инвективой⁴⁵⁷, а в составленном Н.Я. Мандельштам под наблюдением поэта в Воронеже полном списке его стихов с 1930 года (так называемом Ватиканском) для инвективы даже не оставлено пустого места (как это было сделано для не записанной из осторожности «Квартиры»)⁴⁵⁸. «Говорил Мандельштам о Сталине благожелательно», — вспоминал лето 1935 года воронежский знакомый поэта антрополог Я.Я. Рогинский⁴⁵⁹. Начиная с этого времени, поэт создает восемь текстов, полностью или частично инспирированных образом Сталина⁴⁶⁰, — беспрецедентное для русского поэтического канона число.

Начатые весной 1935 года стихи «Первой воронежской тетради» пишутся как идейный противовес антисталинским стихам, призванный аннигилировать их эффект. При этом в основание новых текстов Мандельштам кладет тот же, что и в инвективе, поэтический принцип: «Сейчас нужны уже стихи с буквальным названием современности», — говорит он Рудакову в апреле 1935 года⁴⁶¹, в разгар работы над вещами, которые тот же Рудаков характеризует как «цикл открытых политических стихов»⁴⁶². Как «просоветские» стихи с «тенденцией» воспринимаются они (неприязненно) и их первым, наряду с Рудаковым, слушателем — ссыльным оппозиционером А.И. Стефеном. В ответ Мандельштам заявляет, что это «вещи первые», написанные «по-новому о новом», «впервые — о новом „племени“ — о ГПУ, о молодежи, у которой будущее»⁴⁶³. «Мандельштам, впервые после болезни приступивший к стихам <...> был целиком в гражданско-воронежской теме», — вспоминает Н.Я. Мандельштам⁴⁶⁴.

Отправленный в ссылку за «антисоветские» стихи, Мандельштам работу над новыми, «советскими» стихами воспринимает как «ис-

⁴⁵⁷ Текст стихотворения Рудакову сообщила Э.Г. Герштейн в 1938 году (*Герштейн*. С. 265).

⁴⁵⁸ См. коммент. А.Г. Меца: I: 590.

⁴⁵⁹ Рогинский Я.Я. Встречи в Воронеже / Публ. С.М. Марголиной // *Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама*. С. 43.

⁴⁶⁰ Мы имеем в виду следующие тексты: «Мне кажется, мы говорить должны...» (1935), «Мир начинался страшен и велик...» (1935), «Средь народного шума и спеха...» (1937), «Стихи о Сталине» (1937), «Обороняет сон мою донскую сонь...» (1937), «Если б меня наши враги взяли...» (1937), «С примесью ворона голуби...» (1937), «Стансы» (1937).

⁴⁶¹ Рудаков. С. 44.

⁴⁶² Там же. С. 54. Речь, в частности, идет о стихотворениях «Чернозем», «Кама», «Мне кажется, мы говорить должны...» и «Еще мы жизнью полны в высшей мере...».

⁴⁶³ Там же. С. 57. Имеется в виду стихотворение «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...».

⁴⁶⁴ Мандельштам Н. Комментарии к стихам 1930–1937 гг. // *НМ*. Т. 2. С. 767.

купительный стаж»⁴⁶⁵, а материал, созданный в результате этой работы, — как важнейший (среди других⁴⁶⁶) аргумент в разговоре об окончательном помиловании и скорейшем возвращении в Москву. Разговор этот Мандельштам ведет со Сталиным. По логике поэта, как она видится нам, если вождь прочитал его оскорбительное стихотворение и оценил его, то новые вещи, написанные после идеологического переворота, тем более заслуживают его внимания. Основной задачей Мандельштама становится установление «необходимой прямой литературной связи с Москвой» (июнь 1935; III: 526). Руководство Союза советских писателей, по понятным причинам являющееся ближайшим адресатом Мандельштама, он склонен по умолчанию считать передаточным звеном между собой и высшим партийным руководством, то есть в конечном счете Сталиным — «Союз [писателей], т.е. ЦК партии», упоминает Мандельштам 26 декабря 1935 года в письме к жене, пытающейся устроить в Москве его литературные дела (III: 530).

Уже летом 1935 года⁴⁶⁷ у Мандельштама возникает мысль — собрать свои новые тексты и в сопровождении письма, документирующего идеологическую перестройку автора, направить в Союз советских писателей, воронежский или московский. Замысел всерьез оформляется после 24 октября, когда было объявлено о подготовке к проведению во второй половине декабря пленума правления ССП, посвященного «состоянию поэтического фронта»⁴⁶⁸. Этот пленум, известный как Минский, прошел позднее намеченных первоначально сроков, в феврале 1936 года. Через Воронежское областное отделение ССП Мандельштам передает в московский Союз в качестве «самоотчета» подборку новых стихов и письмо. 20 декабря 1935 года эти документы с доброжелательной припиской об отношении областного союза к деятельности Мандельштама пересылаются в Москву (III: 537). Поэт придает своему обращению, приуроченному к Минскому пленуму, огромное значение, надеясь на публикацию новых стихов и изменение условий ссылки (разрешение на переезд в Старый Крым) или даже освобождение. Не исключает он и веро-

⁴⁶⁵ Из письма неустановленному лицу, начало 1937 года (III: 549).

⁴⁶⁶ Судя по свидетельствам С.Б. Рудакова, в ракурсе возможного влияния на его положение ссыльного Мандельштам рассматривал многие события своей воронежской жизни — от болезней («болезнь как путь [к освобождению]» [Рудаков. С. 114]) до приезда Ахматовой (Там же. С. 138).

⁴⁶⁷ См. письмо С.Б. Рудакова от 1 июля 1935 года (Рудаков. С. 72).

⁴⁶⁸ Готовиться к декабрьскому пленуму // Литературная газета. 1935. 24 октября. С. 1.

ятности своего присутствия в Минске на пленуме⁴⁶⁹. О характере сопровождавшего стихи письма можно судить по эпистолярному обращению Мандельштама к жене 3 января 1936 года:

Надик, надо все время помнить, что письмо мое в воронежский Союз бесконечно обязывает, что это не литература. После этого письма разрыва с партией большевиков у меня быть не может при любом ответе, при молчании даже, даже при ухудшении ситуации. Никакой обиды. Никакого брюзжания. Партия не нянька и не доктор. Для автора *такого* письма всякое ее решение обязательно (III: 538–539)⁴⁷⁰.

Письмо/заявление Мандельштама в ССП до сих пор не обнаружено; есть основания полагать, что оно было уничтожено Н.Я. Мандельштам при разборе архива поэта с целью «выпрямления» его творческой биографии. Отправка письма никак не изменила статус Мандельштама — никакого ответа на свое обращение он не получил: в Москве некому было принять решение о его литературной судьбе.

21

Реакция членов ЦК на письма писателей была разная, а в некоторых случаях и неожиданная. Каганович, прочитав письмо Фадеева, вызвал своего помощника Левина:

— Пригласите ко мне Кирпотина!

И когда я появился, обложил русским классическим матом и помощника, и меня. Брань перемежалась угрозами в адрес Фадеева.

На самом деле Каганович выполнить свои угрозы не мог. Без Сталина он не решался ничего предпринимать в области литературы и искусства.

---

⁴⁶⁹ См. письмо Н.Я. Мандельштам мужу от 29 декабря 1935 года (*Тименчик Р.* Об одном эпизоде биографии Мандельштама // *Toronto Slavic Quarterly*. 2014. № 47. Р. 238). О том, что Мандельштам «просился на Минский пленум», сообщал в Москву 28 сентября 1936 года секретарь партгруппы Воронежского ССП Ст. Стойчев (*Нерлер П.* Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. С. 69).

⁴⁷⁰ В письме Н.Я. Мандельштам мужу от 2 января 1936 года письмо Мандельштама в ССП, при рассказе о знакомстве с ним Вс. Вишневского, названо «заявлением» (*Тименчик Р.* Об одном эпизоде биографии Мандельштама. Р. 224). Аналогично характеризует его и сам Мандельштам («заявление к минскому пленуму, содержащее ряд серьезных политических высказываний») в письме в Секретариат ССП от 30 апреля 1937 года (III: 564).

Позднее я убедился: снизу вверх можно было обращаться сколько угодно, но если вопрос не доходил до Сталина, никакого ответа не следовало, каким бы срочным он ни считался.

По поводу писем писателей ни Каганович, ни Постышев, ни Стецкий не посмели обратиться к генсеку. И все завертелось лишь после того, когда письма Авербаха, Киршона, Афиногенова положили на стол Сталину. Он в эти годы был в лучшей своей форме, умел учитывать особенности среды, —

писал, вспоминая эпизод с письмами А.А. Фадеева Кагановичу и Авербаха, В.М. Киршона и А.Н. Афиногенова Сталину (по поводу Декларации о самороспуске литературных организаций после постановления Политбюро ЦК ВКП(б) 23 апреля 1932 года), опытный аппаратчик В.Я. Кирпотин⁴⁷¹. Это чрезвычайно информативное мемуарное свидетельство инсайдера из партийно-государственных структур 1930-х годов многое объясняет, с одной стороны, в истории со смягчением наказания Мандельштаму в 1934 году и, с другой, в его трагически закончившихся попытках, говоря словами поэта на следствии по последнему делу, «получить критическую оценку» своей «поэтической работы».

Ясно, что в разрешении ситуации вокруг Мандельштама в июне 1934 года решающую роль сыграл имевшийся у Н.И. Бухарина (как и у упомянутых Кирпотиним бывших руководителей РАППа) прямой канал связи со Сталиным. Обусловленное исключительно личным письмом Бухарина вмешательство Сталина в его дело создало у Мандельштама ошибочное представление о своеобразной «подконтрольности» его случая персонально вождю. Между тем среди адресатов поэта в руководстве ССП, к которому Мандельштам обращался, начиная с 1935 года, считая их «связными» между собой и ЦК, не было ни одного человека, хоть отдаленно напоминавшего Бухарина с его уникальным сочетанием понимания культурного значения Мандельштама и возможности прямой коммуникации с генсеком⁴⁷². После 1934 года дело Мандельштама никогда не поднималось до уровня Сталина. Между тем решить вопрос о его литературной «реабилитации», который фактически ставил поэт, без санкции Сталина было невозможно. В советских условиях эдическая практика была

⁴⁷¹ Кирпотин В.Я. Указ. соч. С. 154.

⁴⁷² Сам Бухарин выпал из списка потенциальных заступников после того, как, узнав (по-видимому, от Агранова) антисталинские стихи Мандельштама, отказался принять Н.Я. Мандельштам летом 1934 года во время ее пребывания в Москве проездом из Чердыни в Воронеж (НМ. Т. 1. С. 98).

предельно идеологизирована и допуск автора в печать означал жест политического доверия. По словам начальника Главлита Б.М. Волина, «когда наше государство печатает книжку — это политический документ»⁴⁷³. Взять на себя *политическую* ответственность за допуск в печать административно сосланного Мандельштама (чью участь, как это было известно руководству ССП, решил в 1934 году лично Сталин) никто из руководителей ССП СССР не хотел, да и не мог — это была прерогатива политического руководства страны. В области культуры, как мы видели, в частности, из записок В.Я. Кирпотина, это руководство сводилось к Сталину⁴⁷⁴. Тактика ССП в этих условиях все эти годы (1935–1938) фактически заключалась в последовательном уклонении от какого-либо решения «по Мандельштаму».

Мы вас не считаем врагом, ни в чем не упрекаем, но не знаем, как относится к вам писательский центр, а потому воздерживаемся от дальнейшего сотрудничества, —

говорили, в свою очередь, поэту в воронежском ССП, кивая на Москву⁴⁷⁵.

Апеллировавшая к решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 июля 1931 года (запрету арестовывать крупных специалистов без санкции ЦК) резолюция Сталина на письме Бухарина (фактически — на «деле» Мандельштама) помещала поэта в категорию литературных *спецев* — старых мастеров, чью квалификацию необходимо было использовать для воспитания новых кадров. Именно в соответствии с этой установкой (как мы помним по письму П.Ф. Юдина от 20 ноября 1934 года) инструктировал московский Культпроп воронежских товарищей относительно Мандельштама. Характерным примером этого подхода к поэту в Воронеже является история с несостоявшейся в местном журнале «Подъем» публикацией его стихотворения о погибших советских летчиках — «Не мучнистой бабочкою белой...».

⁴⁷³ Из стенографического отчета Заседания с молодыми писателями по обсуждению статьи А.М. Горького «Литературные забавы», 15 июня 1934 года (Кирпотин В.Я. Указ. соч. С. 263).

⁴⁷⁴ В принятом 10 марта 1935 года постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О распределении обязанностей между секретарями ЦК» при перечислении отделов ЦК, наблюдение за которыми поручалось лично Сталину, отдельно подчеркивалось — «особенно за отделом культуры и пропаганды» (Хлевнюк О. Указ. соч. С. 251).

⁴⁷⁵ Из письма Мандельштама в Секретариат ССП, 30 апреля 1937 года (III: 564).

Сам Мандельштам летом 1935 года остался недоволен этим стихотворением, называя его в присутствии Рудакова «подхалимским», считая «одой без достаточного повода к тому»⁴⁷⁶ и противопоставляя «настоящим стихам», написанным им в Воронеже до этого «бодрого, мутного и пустого»⁴⁷⁷ текста. Тем не менее — вероятно как раз в силу несомненной идеологической «благонадежности» и «простоты» — эти стихи были отобраны редакцией из предложенной Мандельштамом для публикации в журнале «Подъем» подборки. В амстердамском архиве Н.И. Харджиева был обнаружен корректурный лист с текстом стихотворения, извлеченный, как установили Томас Лангерак⁴⁷⁸ и Г.А. Левинтон⁴⁷⁹, из макета 6-го номера «Подъема» за 1935 год. В вышедшем в свет номере журнала вместо стихов Мандельштама напечатано стихотворение воронежского поэта Григория Рыжманова. Очевидно, в последний момент текст Мандельштама был снят редакцией «Подъема». При этом Мандельштам вел в журнале литературную консультацию и неоднократно публиковался как рецензент, выступая в качестве эксперта в области современной советской поэзии — в том же номере «Подъема», где не было напечатано мандельштамовское стихотворение, вышли две его рецензии⁴⁸⁰.

Ситуация не выглядит противоречивой, если иметь в виду принципиальное для советских литературных инстанций различие между «старым мастером» (и потенциальным полем его использования) и актуальным советским автором. Мандельштаму как «культурной силе» (по определению П.Ф. Юдина) предоставляется право работать и/или публиковаться как сотруднику радио, театра, очеркисту, рецензенту — при этом реализуется его легитимная с точки зрения советской литературной идеологии *прикладная* функция «специалиста» и квалифицированного знатока культуры. В то же самое время его выступление в печати с (пусть вполне «выверенным» идеологически) *оригинальным* текстом не выполняет санкционированной

⁴⁷⁶ О контаминационном характере фактической основы стихотворения см.: Левинг Ю. Поэзия в мертвой петле: Мандельштам и авиация. М., 2021. С. 65–66.

⁴⁷⁷ Рудаков. С. 80.

⁴⁷⁸ См.: Лангерак Т. «Подхалимские стихи»: О творческой истории стихотворения Мандельштама «Не мучнистой бабочкой [sic!] белой» // Филологические записки. Воронеж, 2006. Вып. 25. С. 143–152.

⁴⁷⁹ В докладе «Заметки о Мандельштаме (По материалам архива Н.И. Харджиева)» (Тринадцатые Тыняновские чтения, Резекне, 18–21 августа 2006).

⁴⁸⁰ На сборники А. Адалис и М. Тарловского (Подъем. 1935. № 6). До этого три рецензии Мандельштама были напечатаны в № 1 и 5 «Подъема» за 1935 год.

властью экспертной функции, являя собой попытку проникновения в идеологически маркированную зону художественного творчества — и потому блокируется на стадии гранок.

Это положение остро переживается Мандельштамом:

В Воронеже я благополучен: должен писать книгу о городе, колхозные очерки, передачи о Гете, Павке («[Как закалялась] Сталь»), Платоне etc. объяснять всех музыкантов мира — для радиоконcertов, давать советы руководителям радицентра, исправлять для [воронежского] Большого театра переводы Шекспира Соколовского и Радловой, создавать итальянские песенки, сочинять на немецком и французском языках приветствие Коминтерну, режиссировать в театре, поддерживать связь театра с Союзом [писателей] <...> поддерживать неугасимо хорошее настроение, готовить собрание сочинений; при всем этом не мозолить глаза общественности, а быть в рамках вспомогательной работы, черновых ролей... —

с горькой иронией говорит он Рудакову 28 октября 1935 года⁴⁸¹. Ироническая интонация маскирует здесь вовсе нешуточную цель Мандельштама, ради достижения которой и предпринимаются синхронные шаги вроде письма/заявления Минскому пленуму ССП, — полноценную ресоциализацию, «признание меня снова писателем»⁴⁸².

Ситуация осложняется тем, что, несмотря на изменение идеологических координат и полную политическую лояльность, литературного признания Мандельштам по-прежнему требует *на своих условиях*⁴⁸³ — «писателем» в презируемом им смысле, автором «разрешенной литературы», «приспособленцем» он быть не может. Ни о каких компромиссах, возможных, скажем, для Клюева («Стихи из колхоза»), речь не идет.

Я не могу так: «посмотрел и увидел». Нельзя, как бык на корову, устаться и писать. Я всю жизнь с этим боролся. Я не могу описывать,

⁴⁸¹ Рудаков. С. 98.

⁴⁸² Там же.

⁴⁸³ Ср. в связи с этим эпизоды 1931 года, когда Мандельштам отказался «обособленно» публиковать в «Новом мире» стихотворение «Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем...», что почти на год задержало его выход (*Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. / Подгот. текста и коммент. А.Д. Михайлова, П.М. Нерлера. М., 1990. Т. 1. С. 516*), и 1933 года, когда он отверг предложение исключить из своего подготавливаемого ГИХЛом двухтомного собрания сочинений «Путешествие в Армению», что заведомо осложняло перспективы этого (неосуществленного) издания.

описывать Господь Бог может или судебный пристав. Я не писатель.
Я не могу так, —

заявляет он 2 августа 1935 года после неудачной попытки написать «колхозный» очерк⁴⁸⁴. Лишь внутренняя органичность вещей, их соответствие авторскому видению, не обусловленному внешним давлением, служит для Мандельштама залогом их ценности и действенности. М.Л. Гаспаров, анализируя авторские редакции «Стихов о неизвестном солдате» (1937), убедительно показал, как «в смене редакций „Неизвестного солдата“ <...> мы видим каждое его [Мандельштама] движение навстречу советской современности, как под микроскопом. Ни приспособленчества, ни насилия над собой в этом движении нет — есть только трудная и сложная логика поэтической мысли»⁴⁸⁵.

Для *такого* автора, еще и стигматизированного в качестве идеологически не вполне надежного «старого мастера», пропуск в «невспомогательную» (а потому особо контролируруемую) область советской литературы не мог быть выдан на уровне редакции журнала «Подъем» или даже московского ССП — он требовал санкции политического руководства.

Именно инерционным сохранением принципиальной (идеологической) границы между социокультурными ипостасями Мандельштама — разрешенной («мастера»-наставника, переводчика⁴⁸⁶) и запрещенной (поэта) — объясняется поведение как редакции «Подъема», так и московских чиновников из ССП. Собственно «идейное содержание» и «стилистика» текстов имели при этом второстепенное значение. Это поняла бравшая на себя труд общения с московским ССП Н.Я. Мандельштам, после очередного обсуждения стихов Мандельштама с высказанными очередным функционером Союза стилистическими претензиями писавшая мужу:

Конкретный ответ — это вопрос о том, можно ли тебя сейчас печатать. Все разговоры о качестве — уклонение от ответа на основное: нужны ли вообще эти стихи? Я не понимаю, что такое «гудочки» плохо, потому что это уменьшительное. Я понимаю другое: мировоззренческий

⁴⁸⁴ Рудаков. С. 80.

⁴⁸⁵ Гаспаров М.Л. О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года. С. 84–85.

⁴⁸⁶ В 1935 году Гослитиздатом переиздается (и оплачивается) перевод Мандельштама — поэма Важи Пшавелы «Гоготур и Апшина» (Пшавела В. Поэмы. М., 1935. С. 7–21; перевод подписан инициалами; это последняя прижизненная публикация Мандельштама).

нравственный сгусток. Нужен он или нет. Входит он в действительность или нет⁴⁸⁷.

Смущенный уменьшительным суффиксом в слове «гудочки» из стихотворения Мандельштама «Наушники, наушнички мои...» И.А. Марченко, помощник ответственного секретаря ССП по творческому вопросу, не мог дать «конкретного ответа» на поставленный Н.Я. Мандельштам вопрос. Ответ на него мог дать только Сталин. Но такого вопроса перед ним никто не ставил.

22

30 мая 1936 года, после многомесячного перерыва в писании стихов, вызванного кризисом вокруг неудавшегося «колхозного» очерка и «подхалимских», по тогдашнему мнению самого поэта, стихов о погибших летчиках, Мандельштам возвращается к ним и исправляет последнюю строку в этой «последней [на тот момент] воронежской вещи»⁴⁸⁸: вместо

Шли нестройно — люди, люди, люди —
Продолженье зорких тех двоих

— Мандельштам пишет на отдельном листе Рудакову:

Последний стих:

...Шли нестройно люди, люди, люди...
Кто же будет продолжать за них?⁴⁸⁹

Специфическая конструкция с глаголом «продолжать» в контексте, имеющем в виду развитие в будущем неких идей и принципов (в данном случае тех, за которые отдали жизнь погибшие летчики), отсылает нас к двум недавним (по отношению ко времени исправления финала стихотворения) случаям аналогичного употребления этого глагола Мандельштамом: во-первых, к рецензии на стихи Г. Санникова, опубликованной в «Подъеме» (1935. № 5), которую Мандельштам заканчивает словами — «Партийная мысль должна быть

⁴⁸⁷ *Тименчик Р.* Об одном эпизоде биографии Мандельштама. Р. 238–239.

⁴⁸⁸ *Рудаков.* С. 178.

⁴⁸⁹ Там же.

не изложена, а продолжена в поэтическом порыве» (III: 203; пересказывая эту рецензию Рудакову, Мандельштам формулирует: «Поэты должны не излагать волю партии, а продолжать ее поэтически»⁴⁹⁰), а во-вторых, к фрагменту письма Мандельштама жене от 3 января 1936 года, где (в связи с написанием письма/заявления Минскому пленуму) говорится: «Мне кажется, ты еще не сделала достаточных выводов из данного моего шага и не научилась продолжать его в будущее» (III: 539). Как видим, все три случая связывает общий контекст «новой» (коммунистической/советской/партийной) идеологии, долженствующей, по мысли поэта, определять жизненную траекторию индивидуума и/или народа в целом.

Смысловый акцент на будущем здесь принципиален: воронежское существование Мандельштамов описывается Рудаковым как «жизнь <...> в ожидании будущего»⁴⁹¹. Будущее связывается Мандельштамом с *продолжением* сталинской «милости» — досрочным возвращением из ссылки или облегчением ее условий (разрешением на переезд в Старый Крым). «Поводов для возврата»⁴⁹², как именует Рудаков аргументы, к которым прибегал Мандельштам в коммуникации с Москвой, два — здоровье поэта и его новая литературная работа. Первое в рамках борьбы за улучшение условий может становиться у Мандельштамов предметом разного рода манипуляций («болеть, чтобы жить льготами»⁴⁹³) и одной из составляющих не чуждой поэту поведенческой поэтики скандала⁴⁹⁴. Второе, литературный труд, находится вне зоны каких-либо тактических уловок. Вера (периодически затухающая) в «зачет» в качестве «искупительного стажа» своих новых вещей лежит в основе возникшего после вмешательства Сталина в его дело убеждения Мандельштама «во всем видеть фабулу, фабульность своей судьбы»⁴⁹⁵. «Зачет» невозможен без обозначающей полную ресо-

⁴⁹⁰ Там же. С. 67.

⁴⁹¹ Там же. С. 102.

⁴⁹² Там же. С. 99.

⁴⁹³ Там же. С. 100.

⁴⁹⁴ Ср.: «О<сип> сам подчеркивает, что очаг болей — плацдарм, так сказать, — места казенные: [газета] „Коммуна“, театр. Посмеивается, что это-де „сердце знает, кого пугать, пусть начальство видит“» (Там же. С. 171). См. также московский эпизод лета 1937 года: «Я покажу, что значит настоящая политическая симуляция!!» (*Герштейн*. С. 69). Ср. замечание Р.Д. Тименчика о «скандале» как о «категории, весьма важной для „домашней семантики“ Мандельштамов» (*Тименчик Р.* Об одном эпизоде биографии Мандельштама. Р. 227; см. также: *Токер Л.* О торможении скандала в «Египетской марке» Мандельштама // *Семиотика скандала* / Под ред. Н. Букс. М., 2008. С. 334–344).

⁴⁹⁵ Рудаков. С. 99. «Фабула двигается!» — восклицает Мандельштам, чувствуя в какой-то момент «„перелом“ в отношении к себе» (Там же. С. 125).

циализацию Мандельштама публикации его стихов. Отсюда — свидетельство Н.Я. Мандельштам о том, что «О.М. отчаянно пробивался в печать»⁴⁹⁶, отмеченное, впрочем, интонацией некоторого отчуждения.

Судя по опубликованным к сегодняшнему дню документам, стратегия Мандельштама, направленная на то, чтобы непременно «себя поставить под контроль советской писательской организации»⁴⁹⁷ (что означало одобрение его новых текстов Москвой и, как ему виделось, его Главным читателем), воспринималась женой поэта как «навязчивая идея», контрпродуктивная в окружавшей их социополитической реальности. Впервые тема необходимости «перестать бороться» всплывает в письме Н.Я. Мандельштам к М.С. Шагинян от 31 октября 1934 года:

Мне кажется, что судьба — перестать бороться и захлебываться, как мы это делали всю жизнь. Больше сил нет, Мариэтта. Я всегда удивлялась живучести Мандельштама. Сейчас у меня этого чувства нет. По-моему пора кончать⁴⁹⁸.

2 августа 1935 года, после неудачи с написанием очерка о поездке в колхоз, Н.Я. Мандельштам говорит Рудакову: «Ося цепляется за все, чтобы жить, я думала, что выйдет проза, но приспособляться он не умеет. Я за то, чтобы помирать...»⁴⁹⁹ Наконец, на рубеже 1935–1936 годов в письме жене Мандельштамом была написана процитированная нами выше фраза о том, что она не сделала «достаточных выводов» из его письма Минскому пленуму и не умеет «продолжать его в будущее». Этот упрек был высказан в контексте обсуждения перспективы переезда в Старый Крым и московских хлопот Н.Я. Мандельштам, пытавшейся поставить перед ССП «вопрос о <...> печатаньи [Мандельштама] во всей глубине». В конце декабря 1935 года она писала мужу:

Я, в общем, сейчас собой довольна — сделала и делаю все, что можно. А дальше — только покориться неизбежности... И жить вместе в Кры-

⁴⁹⁶ Мандельштам Н. Комментарии к стихам 1930–1937 гг. // *НМ*. Т. 2. С. 762.

⁴⁹⁷ Из письма Мандельштама в Секретариат ССП, 30 апреля 1937 года (III: 564).

⁴⁹⁸ Два письма О.Э. и Н.Я. Мандельштам М.С. Шагинян. С. 77. Мы не обсуждаем здесь и далее свойственную Н.Я. Мандельштам в 1930-е годы суицидальную мотивику, в данном случае могущую быть элементом манипуляции адресатом.

⁴⁹⁹ Рудаков. С. 80.

му, никуда не ездить, ничего не просить, ничего не делать. Это мое, и я думаю, твое решение. Вопрос в деньгах, но и он уладится.

Может, придется жить на случайные присылы. Тоже лучше, чем мотаться. Правда? Никогда я еще так остро не понимала, что нельзя действовать, шуметь и вертеть хвостом⁵⁰⁰.

3 января Мандельштам, вместе с напоминанием о «минском» письме в ССП, после которого «разрыва с партией большевиков у меня быть не может при любом ответе», так отреагировал на эти планы:

Сейчас, что бы ни было, я уже свободен.

<...> Еще о Старом Крыме: чтоб не было уходом, бегством, «цинциннатством». Я не Плиний Младший и не Волошин. Объясни это кому нужно (III: 539).

Как видим, Мандельштам не готов к публичному восприятию своего возможного переселения в Старый Крым как сознательной маргинализации — добровольного «ухода» и «бегства» от социальной и политической реальности⁵⁰¹. Он подчеркивает, что «любой» ответ Москвы на его ходатайства не изменит его солидарности с партийной политикой и не заставит отказаться от того, что на языке позднесоветского времени именовалось «активной жизненной позицией». Сколько можно судить, в дальнейшем (и особенно после возвращения из ссылки) напряжение, вызванное несоединимостью двух представленных стратегий выживания, росло⁵⁰². «Во мне он со-

⁵⁰⁰ Тименчик Р. Об одном эпизоде биографии Мандельштама. Р. 223.

⁵⁰¹ Символом такого «маргинального» положения служат для Мандельштама прокламировавший свою принципиальную политическую нейтральность обитатель Коктебеля Максимилиан Волошин, добровольно удалившийся в провинцию из Рима Луций Квинций Цинциннат и Плиний Младший, автор писем в том числе Галлу и Домицию Аполлинарию со знаменитыми описаниями прелестей уединения на виллах в Лаврентиуме и Тускулуме (кн. II, письмо 17; кн. V, письмо 6).

⁵⁰² Дополнительным фактором служили здесь, видимо, сложные отношения Н.Я. Мандельштам с Б.С. Кузиным, начавшиеся, судя по письмам Н.Я. Мандельштам Кузину 1937–1938 годов, по-видимому, в Старом Крыму весной 1933 года (см.: Кузин Б. Указ. соч. С. 551 и след.; ср.: Герштейн. С. 39, 427–428). После возвращения Кузина из лагеря в середине 1937 года Н.Я. Мандельштам выстраивает с ним независимую от мужа эпистолярную коммуникацию. В начале мая 1937 года в Воронеже Мандельштам сделал (неудачное) предложение выйти за него замуж Н.Е. Штемпель (см.: «Ясная Наташа»: Осип Мандельштам и Наталья Штемпель / Сост. П. Нерлер, Н. Гордина. М.; Воронеж, 2008. С. 65). «Мне кажется, что к концу мы [с Мандельштамом] подошли еще к какому-то периоду, может быть, даже к разрыву, но мы этого не узнали, потому что нас насиль-

юзницу не видел», — вспоминала Н.Я. Мандельштам, говоря о послеворонежском периоде⁵⁰³.

Поведение Мандельштама диктовалось фундаментальным для него убеждением, что пишущиеся им новые стихи «становятся понятны решительно всем»⁵⁰⁴ и будут «принадлежать народу советской страны»⁵⁰⁵ или, как он сообщает на рубеже 1936–1937 годов воронежскому ССП, «принадлежат вам, а не мне: они принадлежат русской литературе, советской поэзии» (III: 544). Эта внутренняя убежденность поэта, очевидно, находила поддержку и в авторитетных для него внешних сигналах, значение которых не должно быть уменьшено при ретроспективном разговоре об «утопизме» позиции Мандельштама в 1937–1938 годах. Так, весной 1937 года, в Воронеже, он получил письмо от Б.Л. Пастернака с отзывом о стихотворениях «Второй воронежской тетради»:

Пусть временная судьба этих вещей Вас не смущает. Тем поразительнее будет их скорое торжество. Как это будет, никто предсказать не может. Я думаю, судьба Ваша скоро должна будет измениться к лучшему⁵⁰⁶.

Одновременно поэтом руководило то же, что и в 1930 году, при обращении Н.Я. Мандельштам к Молотову, ощущение безальтернативности профессиональной реализации исключительно в установленных государством институциональных рамках, восходящее к принципиальному для «поэтической идеологии» Мандельштама положению об «органическом типе новых взаимоотношений, связывающем государство с культурой» («Слово и культура»). В отличие от Ахматовой, которой настойчивость Мандельштама в вопросе признания (в той или иной форме) его стихов Союзом советских писателей казалась до конца дней «непонятной»⁵⁰⁷, поэт не видел способа полноценного существования в литературе вне рамок ССП и связанных с ними публикационных возможностей. Свою новую политическую лояльность Мандельштам «продолжал в будущее» в виде неперемennого следования той единственной модели *как быть писателем*, которая оказалась предложена советской властью лите-

---

ственно разлучили», — писала Н.Я. Мандельштам в середине 1960-х в набросках книги об Ахматовой (*Мандельштам Н. Об Ахматовой*. С. 154).

⁵⁰³ *НМ*. Т. 2. С. 812.

⁵⁰⁴ Из письма Ю.Н. Тынянову, 21 января 1937 года (III: 548).

⁵⁰⁵ Из письма Н.С. Тихонову, 31 декабря 1936 года (III: 543).

⁵⁰⁶ *Пастернак Б. Указ. соч.* Т. IX: Письма 1935–1953. С. 112.

⁵⁰⁷ *Ахматова А. Листки из дневника. <О Мандельштаме>*. С. 120.

ратурному сообществу после образования в 1934 году единого Союза советских писателей СССР. (Литературная профессионализация вне рамок Союза в СССР была фактически невозможна.) При этом ограничения, которые Мандельштам в 1935–1937 годах ставил перед писательским сообществом в вопросе об обеспечении своих бытовых условий, как и в 1930 году (в письме Молотову), были чрезвычайно сильными: предлагалось исключить из рассмотрения переводческую работу и «службу», к которым Мандельштам «не способен»⁵⁰⁸. По сути, Мандельштам рассматривал один вариант нормализации литературного и материального существования — покупку Союзом писателей и издание новой книги его стихов (с возможной перед выходом книги публикацией стихотворений в периодике). Свое формальное вступление в ССП после окончания ссылки Мандельштам (который не был ни членом, ни кандидатом в члены Союза), по видимому, увязывал с разрешением вопроса о новой книге.

Стихи, чья поэтика, по мысли Мандельштама, должна «раствориться» в народной речи, в которой «вся сила окончаний родовых», становятся для него единственным залогом будущего изменения участи. Когда в 1936–1937 годах положение Мандельштама в ссылке резко меняется к худшему (о причинах этого изменения мы поговорим далее), поэт, в отличие от начала 1930-х, когда социальная травма, изначально связанная с «делом Уленшпигеля», спровоцировала целый ряд «отщепенских» текстов, завершившийся антисталинской инвективой и «Квартирой», наоборот, с удвоенной энергией притяжения обращается к современности и ее главным темам — «о вожде, который дает имя эпохе, и о бойце, который погибает безымянным»⁵⁰⁹. Мандельштам пишет «Стихи о Сталине» и «Стихи о неизвестном солдате».

Устоявшееся с легкой руки Н.Я. Мандельштам именование первого из этих текстов «Одой» не находит подтверждения в хранившейся у нее же авторизованной машинописи, в которой он назван «Стихами о Сталине». Это название присутствует во всех трех первопубликациях текста, восходящих к этой машинописи: в *Slavic Review* (1975.

⁵⁰⁸ Из письма Мандельштама Н.С. Тихонову, 31 декабря 1936 года (III: 544). Ср. также письмо Н.Я. Мандельштам мужу от конца декабря 1935 года: *Тименчик Р.* Об одном эпизоде биографии Мандельштама. Р. 222. В полемически заостренной форме, сохраняющей, однако, смысловую первооснову излагаемого источника, позиция Мандельштамов зафиксирована Рудаковым 13 апреля 1936 года: «<...> весь веер разговоров, что деньги давать должны, а работать ни О<сип>, ни Н<адин> (!) не должны» (*Рудаков.* С. 170).

⁵⁰⁹ *Гаспаров М.Л.* О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года. С. 9.

Vol. 34. № 4), в *Scando-Slavica* (1976. Vol. 22. № 1) и в дополнительном, 4-м томе Собрания сочинений (Paris, 1981). То же название («Стихи о Сталине») упоминает знакомый с (не дошедшей до нас) рукописью новой книги стихов, переданной Мандельштамом в ССП в 1937 году, П.А. Павленко в своей внутренней рецензии на нее⁵¹⁰. Эдиционная традиция, сложившаяся при издании этого текста Мандельштама в позднем СССР/России, по необъяснимым причинам игнорирует авторское название⁵¹¹. В то время как сопоставление написанных друг за другом «Стихов о Сталине» (январь — февраль 1937) и «Стихов о неизвестном солдате» (март — апрель 1937) дает основания говорить о существовании у Мандельштама замысла некоего обращенного к современности поэтического диптиха и, разумеется, меняет наши представления о статусе «Стихов о Сталине» в поэтическом сознании Мандельштама. Смысловая соотнесенность двух текстов, убедительно продемонстрированная М.Л. Гаспаровым, оказывается подчеркнута автором и на формальном уровне — путем акцентированной корреляции заглавий. В прижизненном списке стихотворений Мандельштама 1937 года, соответствующем, как указывает А.Г. Мец⁵¹², «Третьей воронежской тетради», «Стихи о Сталине» и «Стихи о неизвестном солдате» идут, соответственно, под номерами 1 и 2⁵¹³. Возникновение «замещающего» авторское название и банализирующего прагматику текста «жанрового» имени для этих стихов («Ода») мы склонны связывать с сознательным стремлением Н.Я. Мандельштам разрушить композиционный за-

⁵¹⁰ См.: *Нерлер П.* Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. С. 98.

⁵¹¹ См.: *Мандельштам О.* Сочинения: В 2 т. / Сост. П.М. Нерлера, подгот. текста и коммент. А.Д. Михайлова, П.М. Нерлера. М., 1990. Т. 1; *Мандельштам О.* Собрание произведений. Стихотворения / Подгот. текста и примеч. С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдина. М., 1992; *Мандельштам О.* Полное собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А.Г. Меца. СПб., 1995; *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. М., 2009. Т. 1. В специальной работе, использующей в названии авторские заголовки стихотворений, А.Г. Мец также уклоняется от, казалось бы, напрашивающегося сопоставления: «Для краткости мы будем использовать для стихотворений „домашние“ названия Мандельштамов — „Солдат“ <...> и „Ода“» (*Мец А.Г.* Взгляд на «Стихи о неизвестном солдате» и «Стихи о Сталине» Осипа Мандельштама // *Toronto Slavic Quarterly*. 2019. № 70. С. 1).

⁵¹² Там же. С. 12. Ср. коммент. А.Г. Меца: I: 629.

⁵¹³ Имеется в виду восходящий к довоенному собранию Н.И. Харджиева так называемый список из собрания Б.И. Маршака (ныне в Принстонском архиве Мандельштама), куда входили «стихи 1937 г. с нумерацией от № 2 („Солдат“) до № 21, что соответствует [„Второй“ и] „Третьей тетради“» (*Мец А.Г.* Взгляд на «Стихи о неизвестном солдате» и «Стихи о Сталине» Осипа Мандельштама. С. 12). Невозможно не согласиться с А.Г. Мецом в том, что «номер первый в этом списке был, по-видимому, зарезервирован для „Оды“» (Там же).

мыслей поэта и отдалить в сознании читателей и исследователей «Стихи о неизвестном солдате» (которые она, замалчивая часть текста, интерпретирует как «драгоценный противовес „Оде“»⁵¹⁴) от «Стихов о Сталине». Актуальной задачей мандельштамовской текстологии является восстановление подлинного места «Стихов о Сталине» и «Стихов о неизвестном солдате» в основном корпусе произведений Мандельштама, позволяющее увидеть семантическое и композиционное единство поздних вещей поэта.

Эти масштабные поэтические композиции, несомненно, являются ответом Мандельштама на новые болезненные вызовы социальной реальности. Ответ этот продиктован, однако, не неприемлемым для него внешним давлением — от поэта никто не «требовал»⁵¹⁵ и не ждал стихов о Сталине (и, как мы видели по истории с «Подъемом», вообще стихов) — но внутренней необходимостью или, по слову М.Л. Гаспарова, «бессознательной <...> потребностью»⁵¹⁶.

Обращение к сталинской и военной теме происходит на фоне тяжелого душевного состояния Мандельштама — советский социум, к интеграции в который (прежде всего, в лице структур ССП) он так стремится, отторгает его. Отсюда — моменты (вообще свойственных ему) колебаний, когда Мандельштам ощущает тотальную зависимость своей биографической стратегии от вопроса признания стихов и бесконечное ожидание ответа от ССП как своего рода неволю. «Мором стала мне мера моя», — говорит он в стихах, отчуждающих его собственную поэзию («И свои-то мне губы не любы»)⁵¹⁷, и спустя три недели повторяет в письмах:

Сейчас я буду сильнее стихов. Довольно им помыкать нами. Давай-ка взбунтуемся! Тогда-то стихи запляшут по нашей дудке, и пусть их никто не смеет хвалить (III: 562).

Мне кажется, что мы должны перестать *ждать*. Эта способность у нас иссякла. Все что угодно, кроме ожидания (III: 566).

Свидетельства о таких моментах, однако, единичны. После возвращения из Воронежа стратегия Мандельштама никак не меняет-

⁵¹⁴ Гаспаров М.Л. О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года. С. 19.

⁵¹⁵ *НМ*. Т. 1. С. 291.

⁵¹⁶ Гаспаров М.Л. О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года. С. 145.

⁵¹⁷ Кажется, данная интерпретация позволяет уточнить оценку М.Л. Гаспарова, который рассматривает эти стихи («Флейты греческой тэта и йота...», 7 апреля 1937 года) как «сомнение в правильности своего „равнодействия“ с народом» (Там же. С. 79).

ся — свою жизнь он по-прежнему видит исключительно через оптику взаимодействия с ССП:

Сейчас наш старый воронежский быт уже не существует, а новый еще не сложился. Все зависит от решения Союза Писателей, подошедшего к этому делу очень серьезно (Б.С. Кузину, 6 ноября 1937; III: 571).

У нас сейчас нет нигде никакого дома, и все дальнейшее зависит от Союза Писателей. Уже целый год Союз не может решить принципиально: что делать с моими новыми стихами и на какие средства нам жить (Е.Э. Мандельштаму, 16 апреля 1938; III: 577).

Продолжающееся ожидание решения ССП становится лейтмотивом в переписке Мандельштама и фактором, подчиняющим себе все времяпрепровождение поэта после Воронежа.

Основным адресатом Мандельштама в Союзе был начавший свой путь в партии большевиков в Гражданскую войну восемнадцатилетним чекистом В.П. Ставский, тогдашний ответственный секретарь ССП и главный редактор «Нового мира». Ему Мандельштам передает после возвращения из ссылки рукопись новой книги стихов.

23

Состав переданной Мандельштамом рукописи — так же как и состав подборки стихотворений, приложенной в 1935 году к письму/заявлению к Минскому пленуму, — нам неизвестен: рукопись до сих пор не обнаружена. О стихах, в нее вошедших, мы можем судить только по внутренней рецензии П.А. Павленко «О стихах О. Мандельштама», написанной по просьбе Ставского и приложенной к его письму наркому внутренних дел Н.И. Ежову от 16 марта 1938 года с просьбой «решить <...> вопрос об Осипе Мандельштаме»⁵¹⁸. Судя по отзыву Павленко со ссылками на нумерацию страниц, в рукописи их было как минимум 33. В нее точно вошли следующие, упомянутые Павленко, тексты: «Стихи о Сталине» (без указания страницы), «Мир начинался страшен и велик...» (с. 4), «Стансы» (с. 5), «Не мучнистой бабочкою белой...» (с. 7), три «пейзажных» стихотворения (с. 15, 21, 25), «Где связанный и пригвожденный стон?...» (с. 23), «Если б меня наши враги взяли...» (с. 33).

⁵¹⁸ Нерлер П. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. С. 93.

Судя по перечисленным вещам, Мандельштам, составляя новую книгу для передачи в ССП, включил туда широкую подборку стихов из всех трех «Воронежских тетрадей», не ориентируясь на состав принимаемого сегодня за последнюю авторскую волю «Ватиканского списка» (так, в подборку вошел текст 1935 года «Мир начался страшен и велик...», исключенный из «Ватиканского списка», по предположению А.Г. Меца, в мае — июле 1937 года [I: 630]). Помимо трех «пейзажных» стихотворений, идентифицировать которые не представляется возможным, вопросы вызывают упомянутые Павленко «Стансы». Расположение (известных нам) текстов подборки по страницам в хронологическом порядке провоцирует очевидное, казалось бы, предположение, что на странице 5 было помещено стихотворение «Стансы», написанное в мае — июле 1935 года. Ряд деталей заставляет, однако, высказать другую гипотезу.

Павленко ссылается (не цитируя их) в рецензии на строфы 4, а также 7 и 8 «Стансов». Однако в редакции «Ватиканского списка», куда входят «Стансы» 1935 года и основная работа над которым была закончена, как сообщает А.Г. Мец, «не позднее 30 мая 1936 г.» (I: 591), «Стансы» имеют семь пронумерованных строф. Восемь строф они содержали в промежуточной редакции, отмененной «Ватиканским списком»⁵¹⁹. Сомнительно, что, посылая стихи Ставскому более, чем через год после завершения работы над окончательным текстом, Мандельштам использовал старую редакцию. Между тем *десять* пронумерованных строф имеет в сохранившемся списке, восходящем к автографу Мандельштама, другое его стихотворение с аналогичным названием — «Стансы», написанные 4–5 июля 1937 года. При этом и к четвертой, и к седьмой, и к восьмой строфам из них вполне приложима — в отличие от соответствующих строф «Стансов» 1935 года (даже если взять не окончательную их редакцию) — данная Павленко характеристика: «Язык стихов сложен, темен и пахнет Пастернаком (см. четвертую строфу „Станс“, стр. № 5, и даже седьмую и восьмую)»⁵²⁰.

Последнее дошедшее до нас стихотворение Мандельштама — «Стансы» 1937 года — обращено к последнему же его увлечению, к жене друга, чтеца В.Н. Яхонтова, режиссеру и соавтору его «театра

⁵¹⁹ Ср. замечание Н.Я. Мандельштам: «<...> ему [Мандельштаму] не нравилось, что в стихах — восемь разделов. Он предпочитал, чтобы их было семь (это его отношение к числам)» (НМ. Т. 2. С. 805).

⁵²⁰ *Нерлер П.* Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. С. 98.

одного актера»⁵²¹ Еликониде (Лиле) Поповой. Название, как и в случае стихов 1935 года, в соответствии с литературной традицией, заданной пушкинскими «Стансами» 1826 года и прямо эксплицировавшейся Мандельштамом («О.М. говорил, что стансы всегда примирительно настроены»⁵²²), сигнализирует об «общественном» характере текста, нетривиально сплавленном здесь Мандельштамом с любовной темой. Стихи представляют собой манифест солидарности с адресатом, Лилей Поповой, известной в литературе о Мандельштаме преимущественно по мемуарной характеристике, данной ей Н.Я. Мандельштам, — «сталинистка умильного типа»⁵²³. Тесное соединение сталинской темы со связанными у Мандельштама с Поповой мотивами молодости, сексуальности, витальности и будущего не только определено биографическими обстоятельствами — влюбленностью автора в адресата стихов и ее политической ангажированностью — но демонстрирует то смысловое поле, в котором находился для Мандельштама Сталин к 1937 году. На наш взгляд, само возникновение чувства к Поповой, с которой Мандельштам был знаком к тому времени более десяти лет, может быть поставлено в определенную зависимость от ее демонстративного сталинизма⁵²⁴. Поэт готов двигаться вместе со своей героиней, влюбленной в вождя, по исключаяющей малодушные «укоризны» «дороге к Сталину», защищая того от (внешних и внутренних) врагов⁵²⁵. Приведем этот, не самый известный — Е.А. Тоддес справедливо называет его «заслоненным <...> в глазах исследователей» «Стихами о Сталине»⁵²⁶ — мандельштамовский текст:

⁵²¹ См.: Яхонтов В.Н. Театр одного актера / Лит. ред. Е.Е. Поповой, вступ. ст. И.Л. Андроникова. М., 1958.

⁵²² Мандельштам Н. Комментарии к стихам 1930–1937 гг. // *НМ*. Т. 2. С. 761.

⁵²³ Там же. Т. 1. С. 288. Д.М. Сегал приводит следующий отзыв Н.Я. Мандельштам о Поповой: «она была „настоящий сталинский ‘товарищ’ — как артистка из тогдашнего кино“» (Сегал Д.М. Указ. соч. Кн. 1. С. 231).

⁵²⁴ Ситуация в определенном смысле повторяла воронежскую, связанную с увлечением поэта Н.Е. Штемпель. Говоря о политических разногласиях с мужем из-за «сталинских» стихов начала 1937 года, Н.Я. Мандельштам замечает: «Легче ему было с Наташей [Штемпель], которая принимала стихи [о Сталине] вне их смысла, да и была гораздо более миролюбиво настроена...» (*НМ*. Т. 2. С. 793).

⁵²⁵ По наблюдению О.А. Лекманова, «выворачивание наизнанку типовой для советской поэзии 1930-х годов ситуации — бойцы красной армии во главе со Сталиным охраняют покой всех советских граждан» отличает «сталинские» стихи Мандельштама от остального массива советской поэзии 1930-х (Лекманов О. Сталинская «Ода»: Стихотворение Мандельштама «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» на фоне поэтической сталинианы 1937 года // *Новый мир*. 2015. № 3. С. 185).

⁵²⁶ Тоддес Е.А. Наблюдения над текстами Мандельштама [1998] // Тоддес. С. 563.

<1.>

Необходимо сердцу биться —
Входить в поля, вращать в леса.
Вот «Правды» первая страница,
Вот с приговором полоса.

2.

Дорога к Сталину — не сказка,
Но только — жизнь без укоризн:
Футбол для молодого баска,
Мадрида пламенная жизнь.

3.

Москва повторится в Париже,
Дозреют новые плоды,
Но я скажу о том, что ближе,
Нужнее хлеба и воды, —

4.

О том, как вырвалось однажды:
— Я не отдам его! — и с ним,
С тобой, дитя высокой жажды,
И мы его обороним,

5.

Непобедимого, прямого,
С могучим смехом в грозный час,
Находкой выхода прямого
Ошеломляющего нас.

6.

И ты прорвешься, может статься,
Сквозь чащу прозвищ и имен
И будешь сталинкою зваться
У самых будущих времен...

7.

Но это ощущение сдвига,
Происходящего в веках,
И эта сталинская книга
В горячих солнечных руках, —

8.

Да, мне понятно превосходство
И сила женщины — ее
Сознание, нежность и сиротство
К событиям рвутся — в бытие.

9.

Она и шутит величаво,
И говорит, прощая боль,
И голубая нитка славы
В ее волос пробралась смоль.

10.

И материнская забота
Ее понятна мне — о том,
Чтоб ладилась моя работа
И крепла — на борьбу с врагом⁵²⁷.

Впитавший в себя остроактуальную хронику мая — июня 1937 года — газетные сообщения о расстреле военачальников по «делу Тухачевского»⁵²⁸, о приезде в Москву футбольной команды басков с бойцами-республиканцами в составе⁵²⁹, об открытии 24 мая 1937 года советского павильона на международной выставке «Искусство и техника в современной жизни» в Париже⁵³⁰ — текст Мандельштама является ярким примером декларативного политического высказывания (чей литературный статус подкреплен автором с помощью указывающего на классическую традицию заголовка). Трудно предположить, что поэт не включил его в свою, предлагаемую к публикации, книгу стихов.

У нас нет точной даты передачи Мандельштамом рукописи Ставскому. Известно, что к ознакомлению с рукописью Ставский планировал приступить в конце октября 1937 года⁵³¹. Летом 1937 года Мандельштам, по свидетельству жены, неоднократно ездил из Савелова,

⁵²⁷ Мы приводим текст по первопубликации с уточнением по автографу Е.Е. Поповой (см. примеч. 538). Последующая эдиционная традиция, заложенная в «Сочинениях» Мандельштама под ред. А.Д. Михайлова и П.М. Нерлера (М., 1990. Т. 1. С. 316), без оговорок игнорирует нумерацию строф.

⁵²⁸ Первые пять полос (из шести) субботнего номера «Правды» от 12 июня 1937 года были посвящены материалам о расстреле М.Н. Тухачевского и других военачальников Красной армии «за шпионаж и измену Родине». Сообщение о приговоре было опубликовано на второй полосе (В Верховном суде СССР // Правда. 1937. 12 июня. С. 2).

⁵²⁹ Немов М. Баскские футболисты приехали в Москву // Правда. 1937.

17 июня. С. 6. Там же помещена фотография встречи футболистов на Белорусском вокзале в Москве.

⁵³⁰ См.: Лекманов О. Осип Мандельштам: Ворованный воздух: Биография. М., 2016. С. 411. Строку «И мы его обороним» О.А. Лекманов связывает с выпуском 2 июля 1937 года «Займа Укрепления Обороны Союза ССР» (Там же).

⁵³¹ См. запись в дневнике Ставского от 29 октября 1937 года: «О Мандельштаме: взять стихи и прочитать» (Нерлер П. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. С. 93).

где были написаны обращенные к Поповой «Стансы», в Москву, «пытаясь договориться с Союзом писателей»⁵³². Тогда же он побывал в полученной от секретаря ССП А.А. Лахути командировке на только что достроенный заключенными ГУЛАГа канал Москва — Волга, 15 июля торжественно открытый для движения судов⁵³³ (написанное об этом стихотворение — последний поэтический текст Мандельштама, о котором нам достоверно известно, — было уничтожено Н.Я. Мандельштам и А.А. Ахматовой в годы войны в Ташкенте⁵³⁴). Можно предполагать, что в том случае, если рукопись книги и была сдана Ставскому до начала июля (то есть в первый месяц после приезда из Воронежа), то в одно из нескольких посещений ССП летом — осенью 1937 года Мандельштам дополнил ее новыми стихами, принципиальными для определения его общественной позиции⁵³⁵. Этим же, теоретически, может объясняться и нахождение текста в начале рукописи.

Еще одним обращающим на себя внимание обстоятельством, касающимся «Стансов» 1937 года, является то, что Н.Я. Мандельштам не знала об этих стихах.

В завершеном к 1970 году комментарии к стихам 1930–1937 годов Н.Я. Мандельштам, говоря о группе текстов, писавшихся в Савелове и обращенных к Е.Е. Поповой, обозначает их как утраченные: «пропали в Саматихе и, может, у Рудакова»⁵³⁶. «Стансы» при этом ею не упоминались. Два из трех названных Н.Я. Мандельштам стихотворений нашлись в архивах Е.Е. Поповой («С примесью ворона голуби...») и С.Б. Рудакова («На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...») и были опубликованы соответственно в 1977 и 1980 годах⁵³⁷. В де-

⁵³² *НМ*. Т. 2. С. 813.

⁵³³ См.: Торжественное заседание Московского совета, посвященное открытию канала Москва — Волга // *Правда*. 1937. 16 июля. С. 1.

⁵³⁴ *НМ*. Т. 2. С. 813.

⁵³⁵ О том, что Мандельштам привозил «Стансы» из Савелова в Москву, прямо свидетельствует запись Е.Е. Поповой: «Через неделю [13 июля 1937 года] приезжает Мандельштам из Савелова и привозит „Стансы“» (*Швейцер В.* Мандельштам после Воронежа // *Синтаксис*. 1989. № 25. С. 81, с уточнением по автографу: РГАЛИ. Ф. 2440. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 299).

⁵³⁶ *НМ*. Т. 2. С. 812. Речь идет о стихотворениях «Черкешенка» (по-видимому, «С примесью ворона голуби...»; название дано по аналогии с другим «изменическим» текстом Мандельштама — «Мастерица виноватых взоров...», посвященным М.С. Петровых и обозначавшимся в домашнем кругу Мандельштамов как «Турчанка»), «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...», «И веером разложенная драпка непобедимых скатных крыш...» (утрачено). Отдельно Н.Я. Мандельштам упоминает уничтоженный ею «канальский стишок».

⁵³⁷ *Jangfeldt B.* Three Poems by Osip Mandel'stam // *Russian Literature*. 1977. Vol. V. № 3. P. 279; Забытые рецензии О. Мандельштама / Публ. и вступ. заметка Э. Герштейн // *Вопросы литературы*. 1980. № 12. С. 243.

кабре 1975 года — одновременно с публикацией в США «Стихов о Сталине» — в Москве, в архиве Поповой/Яхонтова в ЦГАЛИ был обнаружен и текст «Стансов».

По воспоминаниям В.А. Швейцер, нашедшей «Стансы» в подготовительных материалах Поповой к мемуарно-биографической книге о Яхонтове⁵³⁸, когда Н.Я. Мандельштам услышала от нее новонайденные стихи, то была огорчена: «„Я впервые приревновала Осю“ и „лучше б вы их не находили“, — сказала Н.Я.»⁵³⁹. Швейцер связывает тот факт, что Мандельштам утаил стихи от жены, с тем, что «они обращены к другой женщине»⁵⁴⁰. Однако, как мы видим, о «Черкешенке», обращенной к той же Поповой (и гораздо более интимной), Н.Я. Мандельштам знала. Мотивировку сокрытия Мандельштамом «Стансов» от жены, на наш взгляд, лучше проясняют комментарии Н.Я. Мандельштам к стихотворениям 1930–1937 годов, в части, посвященной «изменническим стихам» к Поповой, целиком сосредоточенные на *политических* разногласиях между Поповой (и поддерживающим ее Мандельштамом) и самой Н.Я. Идеологическую природу огорчения Н.Я. Мандельштам после прочтения ею «Стансов» демонстрируют и воспоминания Е.Б. Муриной, относящиеся ко времени обнаружения стихотворения в 1975 году:

<...> как-то [Н.Я.] заявила, едва я вошла: «Когда встречусь с Оськой, дам ему в морду». «За что?» — возопила я. «За Сталина». Имелись в виду стихи, обращенные к Еликонице Поповой, ярой сталинистке, найденные Викой Швейцер в архиве. Об этом узнала накануне. Сердита была очень, как на живого⁵⁴¹.

Эту интерпретацию подтверждает и Л.Г. Сергеева: «Надежда Яковлевна не могла простить мужу не его увлечения красивой женщиной Лилей Поповой, а его подыгрывания „сталинистке умильного типа“»⁵⁴².

⁵³⁸ РГАЛИ. Ф. 2440. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 299–300. Архивный шифр, ошибочно указанный в первой публикации текста Швейцер (Синтаксис. 1989. № 25. С. 91), был уточнен при перепечатке ее статьи в СССР: Швейцер В. Мандельштам после Воронежа // Вопросы литературы. 1990. № 4. С. 235–253. Сообщение А.Д. Михайлова и П.М. Нерлера в комментариях к мандельштамовским «Сочинениям» (М., 1990. Т. 1. С. 589) о том, что текст содержится в письме Е.Е. Поповой к сестре (повторено А.Г. Мецем: I: 692–693), неверно.

⁵³⁹ Швейцер В. Мандельштам после Воронежа // Синтаксис. 1989. № 25. С. 74.

⁵⁴⁰ Там же. С. 73.

⁵⁴¹ Мурина Е. О том, что помню про Н.Я. Мандельштам // «Посмотрим, кто кого переупрямит...». С. 389.

⁵⁴² Сергеева Л. «Мы с тобой на кухне посидим»: Мое общение с Надеждой Яковлевной Мандельштам // Там же. С. 407.

Из стихотворения понятно, что движение по «дороге к Сталину» требует от поэта «без укоризн» и изъятий принять реальность, включая казни, о которых сообщает «Правда». В контексте всегдашнего отвращения Мандельштама к любым видам террора (включая государственный), а также в свете явной противопоставленности такой установки автора пушкинской традиции, на которую ориентирует нас заглавие текста⁵⁴³, пафос «Стансов» 1937 года выглядит особенно шокирующе. Думается, что именно идеологическая направленность последнего стихотворения Мандельштама способствовала тому, что, несмотря на всю историко-литературную сенсационность находки, текст почти пятнадцать лет после обнаружения не публиковался, будучи одинаково неудобным как для советской, так и для русской эмигрантской печати⁵⁴⁴. При его публикации в 1989 году в склонном к нарушению эстетико-политических конвенций парижском журнале «Синтаксис» — по горькой иронии истории литературы последнее дошедшее до нас стихотворение Мандельштама увидело свет последним из его новонайденных текстов — В.А. Швейцер сопроводила «Стансы» «смягчающей» интерпретацией, усматривая в них некую «неоднозначность и двусмысленность» и даже — входящую в очевидное противоречие с обозначенным заголовком жанром — иронию⁵⁴⁵. Текст, однако, на наш взгляд, не дает к этому никаких поводов. В связи с установлением места «Стансов» в литературной стратегии Мандельштама необходимо вернуться к замечанию Павленко об осязаемом влиянии Пастернака на эти (по нашему предположению) стихи.

---

⁵⁴³ «По виду пушкинским, а по сути — антипушкинским» называет И.З. Сура́т разрешение темы казней в «Стансах» Мандельштама (*Сура́т И.* Указ. соч. С. 230).

⁵⁴⁴ Так, несмотря на то что, по словам Н.А. Струве, В.А. Швейцер была одним из «главных вкладчиков» дополнительного тома Собрания сочинений Мандельштама (*Струве Н.* От составителя // Мандельштам О. Собрание сочинений. IV: Дополнительный том / Под ред. Г. Струве, Н. Струве, Б. Филиппова. Paris, 1981. С. [7]), «Стансы» в этом издании не появились.

⁵⁴⁵ *Швейцер В.* Мандельштам после Воронежа // Синтаксис. 1989. № 25. С. 84, 87. Последние стихи Мандельштама продолжают служить своеобразным камнем преткновения для идеологизированного мандельштамоведения, прибегающего в этой связи к радикальным жестам — ср. фактический отказ Д.М. Сегала от их рассмотрения в его подробнейшем герменевтическом проекте: *Сегал Д.* Указ. соч. Кн. 2. С. 1450.

Возвращение Мандельштама 30 мая 1936 года к финалу стихов о погибших летчиках, которое, по словам поэта, «раскрыло то, что меня закупило, запечатало»⁵⁴⁶, произошло в тот самый день и после того, как он в «судорогах от восторга» (по свидетельству Рудакова) прочитал подборку стихов Пастернака в апрельском «Знамени» (1936. № 4). Эта подборка, называвшаяся «Несколько стихотворений», открывалась стихами о Сталине, ранее опубликованными в «Известиях» (1 января 1936 года; эту публикацию Мандельштам, находившийся тогда в санатории в Тамбове, видимо, пропустил⁵⁴⁷).

Написанные в конце 1935 года «сталинские» стихи Пастернака — «Я понял: все живо...» и «Мне по душе строптивый норв...» — отмечают момент наибольшего сближения поэта с вождем, начало которому было положено их телефонным разговором о Мандельштаме в июне 1934 года. Стремясь загладить неудачу этой, прерванной Сталиным после слов Пастернака о желании поговорить о «жизни и смерти», беседы, свои последующие эпистолярные обращения к Сталину Пастернак выстраивает с учетом «уроков» телефонного разговора. Помня упрек Сталина в недостаточной энергии, с которой он вступает за Мандельштама («Я бы на стену лез, если б узнал, что мой друг поэт арестован»⁵⁴⁸), свое письмо Сталину 1 ноября 1935 года с просьбой освободить арестованных в Ленинграде Н.Н. Пунина и Л.Н. Гумилева — мужа и сына А.А. Ахматовой — Пастернак начинает с отсылки к телефонному разговору 1934 года и целиком выстраивает как письмо *в защиту Ахматовой*. Не будучи на этот раз связан необходимостью болезненных умолчаний (вызванных опасениями из-за антисталинского характера текста Мандельштама и вопросом о том, знает ли собеседник о его знакомстве с текстом), Пастернак делает акцент на «честности» Ахматовой и рисует

⁵⁴⁶ Рудаков. С. 178.

⁵⁴⁷ Прочитавшие стихи Пастернака в газете Н.Я. Мандельштам и С.Б. Рудаков невысоко оценили их, соотнеся — оба — с опытом Мандельштама. «Вчера в Известиях были его стихи. Чуть ли не после 5 лет молчания. Может, он тоже выиграет, как ты после своей пятил<етки> молчания? Только непохоже», — писала мужу в Тамбов Н.Я. Мандельштам 2 января 1936 года (Тименчик Р. Об одном эпизоде биографии Мандельштама. Р. 224); «А Пастернак в „Правде“ или „Известиях“ за 1-е дрянн напечатал. Тоже „большевеет“», — сообщал Рудаков 3 января (Рудаков. С. 121; закавычена отсылка к мандельштамовским «Стансам» 1935 года: «Я должен жить, дыша и большевая»).

⁵⁴⁸ [Пастернак Е.Б., Пастернак Е.В.] Заметки о пересечении биографий Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака // Память: Исторический сборник. М., 1979 [Paris, 1981]. Вып. 4. С. 318.

Сталину ее трудное положение в современной советской жизни откровенно, без «обычного советского тона»⁵⁴⁹. Освобождение Пунина и Гумилева через день после отправки этого письма Сталину, названное Пастернаком «чудесным молниеносным»⁵⁵⁰, поэт читает как сигнализирующее о верности взятого им тона и еще одним обширным письмом Сталину в декабре 1935 года вновь — после неудачи 1934 года — пытается установить с вождем отдельную, не обусловленную темой репрессий, содержательную коммуникацию. Мотивировкой ее служит, по словам Пастернака, чувство личной связи между ним и адресатом, позволяющее ему обращаться к Сталину, «по-своему <...> повинуюсь чему-то тайному, что помимо всем понятного и всеми разделяемого, привязывает меня к Вам»⁵⁵¹.

Поэтическим воплощением этой модели отношений с вождем и явились связанные с образом Сталина стихи, написанные по просьбе Н.И. Бухарина и напечатанные в новогоднем номере «Известий» 1936 года.

Стихотворение «Мне по душе строптивый норв...» Пастернак строит на сопоставлении независимого художника и живущего «на расстояньи» от него за кремлевской стеной вождя, призванного историей совершать «поступки ростом в шар земной»:

А в те же дни, на расстояньи,
За древней каменной стеной,
Живет не человек — деянье,
Поступок ростом в шар земной.

Судьба дала ему уделом
Предшествующего пробел:
Он — то, что снилось самым смелым,
Но до него никто не смел.

⁵⁴⁹ Власть и художественная интеллигенция. С. 216. Подробнее о разговоре Сталина с Пастернаком см.: Морев Г. Поэт и Царь. С. 23–32.

⁵⁵⁰ Власть и художественная интеллигенция. С. 275.

⁵⁵¹ Там же. Мотив загадочной «внутренней» связи со Сталиным последовательно утверждался Пастернаком, начиная с его первого печатного обращения к вождю — персональной приписки к коллективному писательскому письму Сталину с выражением соболезнования по поводу смерти Н.С. Аллилуевой в «Литературной газете» (1932. 17 ноября. С. 1: «Присоединяюсь к чувству товарищей. Накануне глубоко и упорно думал о Сталине; как художник — впервые. Утром прочел известье. Потрясен так, точно был рядом, жил и видел. Борис Пастернак»). «Необычность и какая-то таинственность приписки Пастернака», «какая-то [содержащаяся в ней] мистика» были впервые отмечены М.М. Коряковым (Коряков М.М. Термометр России // Новый журнал. 1958. № 55. С. 140).

<...>

И этим гением поступка
 Так поглощен другой, поэт,
 Что тяжелеет, словно губка,
 Любою из его примет.

Как в этой двухголосой фуге
 Он сам ни бесконечно мал,
 Он верит в знание друг о друге
 Предельно крайних двух начал.

Можно предположить, что пастернаковское утверждение «тайной», но явственной для обоих связи между поэтом и вождем («двухголосая фуга») явилось для Мандельштама неожиданным — учитывая разницу социального положения Пастернака и его самого — поэтическим воплощением его собственной, выработанной после катастрофы 1934 года, формулы отношений со Сталиным — как со своим читателем, поразившим его *поступком* — проявлением «милости к падшему». Для Мандельштама «знание» Сталина о нем⁵⁵², о его стихах, было своего рода приводным ремнем, запускающим не только психологический механизм «нравственного плена», но и работу по созданию новых стихов, «искупающих» «нелепую затею» с антисталинской инвективой. Важнейшей авторской интенцией при создании этих текстов было расширение потенциальной аудитории — в полном соответствии со свойственным Мандельштаму и актуализировавшимся у него после 1934 года «комплексом народнической традиции»⁵⁵³, — служащее залогом изменения места поэта в социуме и литературе — от изгойства к потребности «быть с людьми: учиться у них»⁵⁵⁴. Такое расширение диктовало, в свою очередь, представление о необходимости «демократиза-

⁵⁵² Необходимо отметить абсолютно уникальную, с точки зрения советского человека 1930-х годов, ценность самого факта любой формы личной коммуникации со Сталиным. Это становится топосом советской поэзии 1930-х: «Одной из ключевых тем сталинского коллективного поэтического текста 1930-х годов была тема чрезвычайно затрудненной в реальности коммуникации с вождем» (Лекманов О. Сталинская «Ода». С. 177 и след.).

⁵⁵³ Гинзбург Л. Указ. соч. С. 289.

⁵⁵⁴ Из письма Мандельштама Б.С. Кузину, декабрь 1937 года (III: 572). Ср. свидетельство Н.Е. Штемпель о рассказе Мандельштама о чтении им «ночью типографским наборщикам» в Воронеже стихотворения «Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый...» («Ясная Наташа». С. 117).

ции» поэтики, потребность «быть понятным решительно всем». В этой связи пример Пастернака, радикально упростившего свою поэтику на рубеже 1930-х годов, очевидным образом должен был привлекать Мандельштама. Обращение Пастернака к сталинской теме (*de facto* объединившей их с Мандельштамом биографически) в тот момент, когда, по наблюдению Л.С. Флейшмана, «оригинальные русские стихотворения, трактующие образ Сталина <...> практически не существовали»⁵⁵⁵, служило еще одной причиной той эмоциональной реакции, которую вызвали у Мандельштама стихи в «Знамени».

По наблюдению Г.М. Фрейдина, влияние пастернаковской образности из напечатанных в «Знамени» текстов заметно уже в «Стихах о Сталине», написанных в январе — феврале 1937 года⁵⁵⁶. Однако не будет преувеличением сказать, что самым радикальным шагом Мандельштама в сторону апроприации пастернаковской поэтики в рамках сталинской темы стали «Стансы» 1937 года.

На очевидную «ориентацию „Стансов“ на пастернаковский стиль 1930-х годов, да и вообще на поэтику Пастернака» сравнительно недавно обратил внимание А.К. Жолковский⁵⁵⁷. Справедливо утверждая соотношенность мандельштамовских «Стансов» с пушкинским образцом 1826 года и его пастернаковской проекцией 1932 года («Столетье с лишним — не вчера...») на основе тематической и метрической близости (4-стопный ямб), исследователь упускает, однако, еще один, главный, с нашей точки зрения, претекст, объединенный со стихами Мандельштама не только теми же признаками («гражданская тематика» и 4-стопный ямб), но и образом Сталина как героя стихотворения. Мы имеем в виду то самое стихотворение из «знаменской» подборки Пастернака — «Мне по душе строптивый норв...», — в котором Пастернаком была дана общая для него и Мандельштама формула взаимоотношений Поэта и вождя.

Отзвуки именно этого, с высокой долей вероятности известного ему стихотворения Пастернака мог услышать в «Стансах» Мандельштама 1937 года Павленко, когда упоминал в своей рецензии о «сложном, темном и пахнущем Пастернаком» языке. Как справедливо, на наш взгляд, указывает А.Г. Мец, «конкретные замечания Павленко

⁵⁵⁵ Флейшман Л. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 389.

⁵⁵⁶ Freidin G. Op. cit. P. 264.

⁵⁵⁷ Жолковский А.К. Он Пастернака перепастерначит...: О мандельштамовских «Стансах» к Е.Е. Поповой // Звезда. 2015. № 2. С. 251–260.

об отдельных стихах [Мандельштама] нередко пронизательны»⁵⁵⁸ — исчерпывающий список пастернаковских параллелей к отмеченным Павленко четвертой, седьмой и восьмой строфам «Стансов» Мандельштама приведен Жолковским в его детальном разборе этого текста.

Жолковский связывает обращение Мандельштама к пастернаковской поэтике с поиском «волшебного рецепта выживания»⁵⁵⁹, который он надеялся найти у Пастернака как широко печатаемого советского автора. Степень отрефлексированности такого рода мотивировки у Мандельштама останется, видимо, дискуссионной, однако нам известен случай, когда поэт учитывал внешнюю конъюнктуру с целью облегчить прохождение в печать своего текста. Речь идет о стихотворении «Не мучнистой бабочкою белой...», причины отказа от публикации которого в журнале «Подъем» были разобраны нами выше. По сообщению Ю.Л. Фрейдина, в одной из машинописей этого текста, «которые рассылались Мандельштамами в редакции газет и журналов», фигурирует посвящение «Памяти В. Куйбышева»⁵⁶⁰. Ю.П. Левинг, посвятивший стихотворению Мандельштама монографическое исследование, резонно связывает появление посвящения с попыткой автора усилить «политическую актуальность произведения» и повысить таким образом «шансы на его попадание в официальную печать»⁵⁶¹. В качестве образца «покаянной тактики» для Мандельштама Левинг приводит случай Н.А. Заболоцкого, которому после критической травли, спровоцированной публикацией поэмы «Торжество земледелия» (1933), удалось в 1934 году вернуться в советскую печать и, в частности, выступить с циклом «Прощание», посвященным памяти С.М. Кирова⁵⁶². Не исключено, что в случае с Пастернаком имела место сознательная ориентация Мандельштама на прошедший советские цензурные (политический и эстетический) фильтры вариант реализации сталинской темы, к тому же лежащий в русле успешного опыта упрощения поэтики, также связанного для Мандельштама с практикой Пастернака. (Заметим, что для самого Пастернака такая «прагматическая» точка зрения на творчество

⁵⁵⁸ Мец А.Г. Вокруг доноса на Мандельштама // Toronto Slavic Quarterly. 2018. № 63. Р. 8.

⁵⁵⁹ Жолковский А.К. Указ. соч. С. 256.

⁵⁶⁰ Левинг Ю. Указ. соч. С. 77. В таком виде стихотворение Мандельштама было впервые опубликовано в СССР в 1967 году: Литературная Грузия. 1967. № 1. С. 59.

⁵⁶¹ Левинг Ю. Указ. соч. С. 82.

⁵⁶² Там же. С. 83.

современников была органичной — так, в годы войны он говорил А.К. Гладкову: «Читаю [Константина] Симонова. Хочу понять природу его успеха»⁵⁶³.) Во всяком случае, можно констатировать, что тема Сталина в силу биографических и литературных причин плотно ассоциировалась у Мандельштама с Пастернаком — разговорам о Сталине была посвящена их последняя встреча в Переделкине во второй половине лета (после написания «Стансов») или ранней осенью 1937 года. У нас есть два воспоминания об этой встрече, корректирующих друг друга.

Н.Я. Мандельштам вспоминала о ней так:

В день, когда в последний раз мы были с О.М. у него в Переделкине, он пошел провожать нас на станцию, и мы долго разговаривали на платформе, пропуская один поезд за другим. Борис Леонидович еще бредил Сталиным и жаловался, что не может писать стихов, потому что не сумел тогда по телефону добиться личной встречи. О.М. сочувственно посмеивался, а я удивлялась⁵⁶⁴.

Вяч.Вс. Иванов в своих записках о Пастернаке приводит эпизод конца 1950-х годов:

Как-то Борис Леонидович, как обычно, заглянул к нам по окончании своей работы в середине дня, что часто совпадало с нашим обедом. В этом разговоре Пастернак рассказал, что после воронежской ссылки Мандельштам приезжал к нему в Переделкино. Он старался уверить Пастернака, что тот недооценивает Сталина. На Пастернака он произвел впечатление сумасшедшего⁵⁶⁵.

В цитированном нами выше письме мужу от 2 января 1936 года Н.Я. Мандельштам особо отметила факт выступления Пастернака в печати «после своей пятил<етки> молчания». Стихи в «Известиях» знаменовали для Пастернака окончательное преодоление кризисного эпизода 1934 года и нахождение органичного для него в тот период модуса отношения к Сталину. В свете этого фраза о сетованиях Пастернака на невозможность писать стихи из-за неудачи телефонного разговора выглядит очевидным анахронизмом. Ха-

⁵⁶³ Гладков А. Встречи с Пастернаком. Paris, 1973. С. 94.

⁵⁶⁴ НМ. Т. 1. С. 391.

⁵⁶⁵ Иванов Вяч.Вс. Перевернутое небо: Записи о Пастернаке // Звезда. 2010. № 2. С. 107.

рактика «бредил Сталиным» также не находит подтверждения в синхронных этой встрече документах. Так, 2 июля 1937 года, за два дня до создания мандельштамовских «Стансов», Пастернак писал Н.С. Тихонову об общественной атмосфере «обязательного притязанья, эфиопской напыщенности, вневременно надутой, нечеловеческой, ложной». С данной в том же письме характеристикой политической обстановки («<...> кругом такой блеск, эпоху так бурно слабит жидким мрамором <...> Сейчас все полно политического охоращиванья, государственного умничанья, социального лицемерья, гражданского святошества»⁵⁶⁶) скорее соотносится свидетельство о «недооценке» Пастернаком Сталина, передающее точку зрения Мандельштама, не согласного с разочарованностью Пастернака в современности и вожде.

Один из принципиальных пунктов расхождения Пастернака с советской действительностью в 1937 году оказывается напрямую связан с тематикой мандельштамовских «Стансов». Мы имеем в виду тему смертной казни. Она могла быть затронута Мандельштамом и Пастернаком при их последней встрече. 11 июня 1937 года Пастернак, как известно, отказался подписать писательское письмо с одобрением того самого смертного приговора Тухачевскому и другим военачальникам, чья публикация на страницах «Правды» отразилась в «Стансах» Мандельштама. «<...> пять лет назад я отказывал Ставскому в подписи под низостью и был готов пойти за это на смерть, а он мне этим грозил и все-таки дал мою подпись мошеннически и подложно», — вспоминал Пастернак свое настроение в июньские дни 1937 года в письме К.И. Чуковскому 12 марта 1942 года⁵⁶⁷.

«Разговор со Ставским о казни» упоминает в биографической хронике Мандельштама, составленной в середине 1960-х годов, Н.Я. Мандельштам, относя его ко времени перед отъездом в санаторий в Саматиху (весна 1938 года)⁵⁶⁸. «У О.М. перед отъездом в Саматиху был разговор со Ставским. О.М. заявил, что сочувствует всему, но примириться с расстрелами не может», — дополняет свою

⁵⁶⁶ Пастернак Б. Указ. соч. Т. IX: Письма 1935–1953. С. 115–116. См. также об этом эпизоде: Флейшман Л. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 625–626.

⁵⁶⁷ Пастернак Б. Указ. соч. Т. IX: Письма 1935–1953. С. 266. Подпись Пастернака поставлена при публикации одобряющего казнь военачальников писательского обращения «Не дадим житья врагам Советского Союза» в «Известиях» (1937. 12 июня. С. 3) и «Литературной газете» (1937. 15 июня. С. 1).

⁵⁶⁸ ИМ. Т. 2. С. 962.

хронику Н.Я. Мандельштам в отрывочных записях 1960-х годов⁵⁶⁹. Никаких дополнительных данных, позволяющих реконструировать содержание беседы Мандельштама и Ставского и уточнить ее дату, у нас нет. Однако, учитывая еще одно упоминание Н.Я. Мандельштам о смертной казни в контексте событий осени 1937 года (когда Мандельштам бывал в ССП и когда могла состояться его последняя встреча с Пастернаком), позволим себе высказать одно предположение.

В «Воспоминаниях» Н.Я. Мандельштам упоминается эпизод на станции Савелово, когда Мандельштамы «случайно достали газету и прочли, что смертная казнь отменяется, но сроки заключения увеличиваются до двадцати лет»⁵⁷⁰. Газетное сообщение произвело впечатление на Мандельштама. Речь, как указывают С.В. Василенко и П.М. Нерлер⁵⁷¹, идет о публикации «Известий» от 3 октября 1937 года с сообщением о принятом накануне постановлении ЦИК СССР об изменении уголовного законодательства: предлагалось дополнить существующие меры наказания за антигосударственные преступления (10 лет и расстрел) еще одной — 25 годами заключения, с целью «предоставления суду возможности избирать по этим преступлениям не только высшую меру наказания (расстрел), но и лишение свободы на более длительный срок»⁵⁷². Нельзя исключить, что такая, выглядящая гуманной и неожиданная в обстановке террора мера, могла стать для Мандельштама одновременно одним из аргументов в споре с Пастернаком о «недооценке» Сталина и темой обсуждения со Ставским.

Свои новые тексты, включая написанные в Савелове, Мандельштам читает летом 1937 года приехавшей в гости из Воронежа Н.Е. Штемпель.

---

⁵⁶⁹ Там же. С. 977. Ср. в воспоминаниях Н.Е. Штемпель: «Кажется, хотя я в этом не уверена, у Мандельштама на эту тему [смертной казни] был спор в Союзе писателей, как будто с [И.К.] Лупполом» («Ясная Наташа». С. 22). Видимо, Н.Е. Штемпель путает Ставского и Луппола, который отказал Мандельштаму в получении переводческой и редакторской работы: см. письмо Мандельштама Ставскому от начала марта 1938 года (III: 575). Вполне вероятно, что на датировку разговора Мандельштама и Ставского у Н.Я. Мандельштам также оказал влияние инцидент с Лупполом и письмо Мандельштама о нем Ставскому.

⁵⁷⁰ *НМ*. Т. 1. С. 351.

⁵⁷¹ Там же. С. 556.

⁵⁷² Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР // *Известия*. 1937. 3 октября. С. 2. Н.Я. Мандельштам сконстатировала это постановление с указом президиума Верховного совета СССР от 26 мая 1947 года «Об отмене смертной казни», почти на три года (до января 1950-го) отменившим смертную казнь в СССР.

Полночи мы с Осипом Эмильевичем бродили по лесу вдоль берега Волги. Надежда Яковлевна с нами не пошла. Осип Эмильевич рассказывал мне, как они жили эти два месяца после отъезда из Воронежа, прочитал все новые стихи. <...> Насколько я помню, это были небольшие (по количеству строк) стихи, лирические, любовные — и, конечно, прекрасные. Но одно из них резко отличалось от остальных. В нем шла речь о смертной казни, —

вспоминала она⁵⁷³.

Стихотворение о смертной казни — единственная прочно запомнимшаяся Штемпель деталь их встречи с Мандельштамом, обстоятельства которой в ее памяти менялись⁵⁷⁴. Упоминание об этом тексте как об утраченном заложило своего рода традицию в мандельштамоведении, наиболее ярко выраженную С.С. Аверинцевым:

Впечатления наши от савеловского эпилога были бы, очевидно, более радостными, если бы сохранилось написанное тогда же стихотворение против смертной казни, в котором поэт возвращался к одному из самых глубоких мотивов своей мысли и жизни, не сводимому у него к тривиальной «гуманности»⁵⁷⁵.

Между тем, если вернуться к воспоминанию Н.Е. Штемпель, то становится ясно, что единственным, резко отличающимся от других лирических текстов, обращенных к Лиле Поповой и составляющих сегодня «савеловский цикл» в корпусе Мандельштама, стихотворением из прочитанных поэтом своей воронежской гостье, являются

⁵⁷³ Штемпель Н.Е. Мандельштам в Воронеже // «Ясная Наташа». С. 22.

⁵⁷⁴ В письме к Н.Я. Мандельштам от 4 декабря 1967 года, написанном за несколько лет до начала работы над воспоминаниями, Н.Е. Штемпель относила этот эпизод к своему приезду в Калинин в 1938 году: «Когда я зимой приезжала к Вам в Калинин, О.Э. читал мне новые стихи 1938 г., одно из них о смертной казни» (Там же. С. 117). Именно на эту датировку Штемпель ориентируется Н.Я. Мандельштам во «Второй книге», когда вспоминает о «стихах о смертной казни», написанных, по ее версии, под впечатлением от постановления ЦИК СССР от 2 октября 1937 года о введении 25-летнего срока заключения (НМ. Т. 2. С. 274). Наиболее правдоподобной нам представляется следующая версия: о существовании неких стихов «о смертной казни» Н.Я. Мандельштам узнала из письма Н.Е. Штемпель от 4 декабря 1967 года, в период работы над «Второй книгой» — поэтому в законченных в 1965 году «Воспоминаниях», где подробно описан эпизод с чтением газетного сообщения о названном постановлении ЦИК, эти стихи, «толчком» к которым, якобы, было постановление, ни словом не упомянуты.

⁵⁷⁵ Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Аверинцев и Мандельштам: Статьи и материалы / Ред.-сост. П. Нерлер, Д. Мамедова. М., 2011. С. 111.

как раз «Стансы». Характеризуя это стихотворение, В.А. Швейцер справедливо замечает, что «в „Стансах“ прежде всего вспоминается газетная страница с приговором»⁵⁷⁶. Именно эта уникальная своей острой конкретностью, связанной с атмосферой 1937 года, деталь последних мандельштамовских стихов, вероятно, и сохранилась в памяти Н.Е. Штемпель спустя много лет, понятным образом определив для нее тематику всего текста. Общий же смысл воспринятого единожды и на слух стихотворения оказался «амортизирован» инерционным представлением о Мандельштаме, находящим к тому же достаточно оснований в его «до-савеловском» наследии.

25

Литературная Москва, в которую Мандельштам вернулся, отбыв трехлетний срок высылки, была совсем не похожа на Москву перед съездом писателей 1934 года. Идеологические основания, способствовавшие смягчению участи Мандельштама Сталиным и определявшие его писательский статус в первые годы ссылки, более не существовали. С изменением идейных установок советской власти связано резкое ухудшение положения Мандельштама в Воронеже весной 1936 года.

Стартовавшая 28 января 1936 года направленной против Д.Д. Шостаковича статьей «Правды» «Сумбур вместо музыки»⁵⁷⁷ кампания против «формализма», быстро перешедшая с музыки на другие виды искусства, знаменовала наступление нового этапа советской политико-культурной жизни. Одной из принципиальных черт этого этапа было, по точной формулировке Л.С. Флейшмана, «дезаурирование ранее выдвигавшегося лозунга „мастерства“»⁵⁷⁸. На смену вниманию к формальной стороне литературного дела, к писательской технике и проблемам овладения ею с помощью квалифицированных кадров пришли требования «понятности», «общедоступности» и «народности».

Одним росчерком пера были перечеркнуты все усилия Горького по повышению «качества» литературы и языка: новая кампания ставила

⁵⁷⁶ Швейцер В. Мандельштам после Воронежа // Синтаксис. 1989. № 25. С. 85.

⁵⁷⁷ Как установил Е.Б. Ефимов (см.: Ефимов Е. Сумбур вокруг «Сумбура» и одного «маленького журналиста». М., 2006), анонимным автором этой статьи, поданной при публикации в «Правде» как редакционная, был Д.И. Заславский, один из главных оппонентов Мандельштама в «деле Уленшигеля».

⁵⁷⁸ Флейшман Л. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 393.

тупых недоучек над «мастерами», самодеятельный театр — над «мейерхольдовщиной», И. Дзержинского — над Шостаковичем, художественная безграмотность и бездумная примитивность объявлялись нормой, воплощавшей «возросший уровень культуры» народных масс⁵⁷⁹.

Находившийся в Воронеже рядом с Мандельштамом и внимательно следивший за культурными новостями из столицы С.Б. Рудаков сразу — в отличие от Мандельштама — ощутил коренное и необратимое изменение обстановки: «Следишь ли ты за „Правдой“ etc.? по вопросам искусства? — спрашивал он жену 17 марта 1936 года. — Это все очень значительно и окончательно»⁵⁸⁰. Идеологические новации, как правильно понимал Рудаков, перечеркивали его надежды легализовать через воронежский ССП свою работу над творчеством Мандельштама:

Что с Союзом? Вот что: было общегородское совещание работников искусства <...> о формализме. Это (ты знаешь, наверно) отклик на статью в «Правде» etc. Был и я. Такая дичь и тупость, что мне лезть с работой немислимо. То есть завтра зайду узнать в Союз «ответ», но или он отрицательный, или надо будет говорить простые и честные вещи, все время клянясь, «что не формалист»⁵⁸¹.

Ответ про Мандельштама был получен Рудаковым в воронежском ССП после возвращения одного из его руководителей Ст. Стойчева из Москвы, где тот, очевидно, входил в курс новейших идеологических веяний. «К Мандельштаму отношение непоправимо-отрицательное, даже пренебрежительное (вопреки его о них рассказам)», — сообщал Рудаков 10 марта 1936 года⁵⁸². Это не замедлило проявиться публично: «На днях с трибуны облплена писателей было здесь произнесено, что я „пустое место и пишу будуарные (бу-ду-ар-ны-е) стишки и что возиться со мной довольно“», — писал брату жены Мандельштам месяц спустя (III: 539–540). Судя по письмам поэта 1936 — начала 1937 года и по свидетельствам Рудакова, Мандельштаму осталась не ясна связь резкого изменения отношения к нему со стороны воронежского ССП с новыми партийными установками. Невозможность «рационализировать» причины ухудшения своего

⁵⁷⁹ Там же. С. 406.

⁵⁸⁰ Рудаков. С. 160.

⁵⁸¹ Там же. С. 159.

⁵⁸² Там же. С. 158.

положения («Все общественные организации <...> держат меня под абсолютным бойкотом. Вся эта картина сложилась за последние несколько месяцев, причем вся моя воронежская деятельность не дает к этому ни малейшего повода»: III: 549) служит причиной тяжелой депрессии Мандельштама к концу ссылки.

Антиформалистическая кампания и сопровождавшая ее обстановка идеологической «чистки рядов» и травли сводили на нет гарантии писательского существования Мандельштама и его использования как «культурной силы» и «большого мастера и знатока поэтического творчества», которые были даны письмом П.Ф. Юдина от 20 ноября 1934 года и в целом выполнялись до 1936 года. В «отчетном» письме Ставскому от 28 сентября 1936 года, фактически снимая с себя всякую ответственность за происходящее с Мандельштамом («Ни членом, ни кандидатом *организации* он не является и в деятельности ССП никакого участия не принимает»), Стойчев, реагируя на актуальную идеологическую конъюнктуру, прямо мотивирует резко отрицательную характеристику Мандельштама исчерпанием необходимости литературной учебы у «мастеров»:

Основное ядро наших писателей, несомненно, здорово, творчески дееспособно. У большинства из наших писателей *дело овладения основами литературного мастерства подходит к концу*, и в ближайшее время мы вправе ожидать от них зрелых, достойных Сталинской эпохи произведений⁵⁸³.

К моменту возвращения Мандельштама в Москву в конце мая 1937 года ситуация усугублялась вакханалией политического террора, начавшейся во второй половине 1936 года. Стратегия максимально широкого писательского объединения в рамках ССП, доминировавшая при создании Союза, сменилась на противоположную — насаждение атмосферы тотальной подозрительности и истерическое обнаружение все новых «врагов народа» вели к идее необходимости чистки писателей. «Литературная газета» сообщала с заседания президиума ССП:

Мы плохо знали членов Союза и тем самым дали возможность классовому врагу проникнуть в наши ряды, дали ему возможность творить гнуснейшие дела, прикрываясь званием советского писателя. <...> Нужно добиться стопроцентного оздоровления писательской организации⁵⁸⁴.

⁵⁸³ Нерлер П. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. С. 70.

⁵⁸⁴ На Президиуме ССП СССР // Литературная газета. 1936. 27 августа. С. 2.

Посетивший за месяц до возвращения Мандельштама трехдневное собрание драматургов в ССП А.К. Гладков записывал в дневнике:

Я слушал и смотрел на все это с жадным интересом, словно присутствовал на заседании Конвента в день падения Робеспьера. Масштаб, конечно, иной, но и тут тоже не игрушки, и тут пахнет кровью, и тут кончаются судьбы, а может быть и чьи-то жизни⁵⁸⁵.

В этих, с каждым месяцем эскалирующих, условиях стремление Мандельштама с его политически неблагонадежным прошлым к инкорпорации в Союз было бесперспективным. Ответственный секретарь ССП Ставский, к которому Мандельштам настойчиво адресовался с просьбами о материальной помощи и с книгой новых стихов, был с головой погружен в борьбу за свое физическое выживание в обстановке чреватых арестом политических доносов и подсиживания со стороны различных писательских групп⁵⁸⁶. Проблема Мандельштама осложнялась для Ставского его косвенной личной заинтересованностью в жилплощади Мандельштамов, куда в марте 1936 года — по просьбе Ставского и с разрешения Н.Я. Мандельштам — был временно поселен его знакомый, писатель Н. Костарев. Весной 1937 года Костарев в нарушение договоренностей и без ведома хозяев прописался в квартире Мандельштамов.

Судя по цитировавшейся нами записи в дневнике Ставского от 29 октября 1937 года, осенью он планировал ознакомиться с рукописью Мандельштама. Однако еще 29 января 1938 года в письме Б.С. Кузину Н.Я. Мандельштам жалуется: «Теперешнее руководство Союза (Ставский, Вишневский) было крайне медлительно и до сих пор не успело прочесть книги стихов (в рукописи), которую всеми силами выдвигала писательская общественность»⁵⁸⁷. Дело двинулось после 2 марта, когда правление Литфонда СССР постановило:

Во изменение решения Правления Литфонда от 20.II.38 г. предоставить О.Э. Мандельштаму и его жене две путевки в санаторий «Саматиха» сроком на 2 м-ца за счет Литфонда и выдать единовременное пособие в сумме 300 руб. Просить Секретариат ССП решить вопрос о Мандельштаме О.Э. в полном объеме⁵⁸⁸.

⁵⁸⁵ Из записей А.К. Гладкова, 30 апреля 1937 года (Между молотом и наковальней. С. 654).

⁵⁸⁶ См.: Мец А.Г. Вокруг доноса на Мандельштама. С. 1–5.

⁵⁸⁷ Кузин Б. Указ. соч. С. 528.

⁵⁸⁸ Летпись. С. 493–494.

Выписка из постановления Литфонда важна появляющейся в ней формулой «решить вопрос о Мандельштаме О.Э.», которая затем будет несколько раз повторена Ставским в письме Ежову. На языке советской бюрократии это означало, что выдача со стороны Литфонда СССР денег лицу, не являющемуся членом ССП, не может считаться рядовой практикой и должна быть или узаконена принятием Мандельштама в ряды ССП или окончательным снятием его «вопроса» с повестки будущей работы Литфонда⁵⁸⁹. Первое, как уже говорилось, было невозможно по политическим причинам. Однако традиционная для руководства ССП тактика уклонения от «решения вопроса» о Мандельштаме входила здесь в противоречие с уже предпринятыми Литфондом конкретными шагами, связанными с вопросами бюджета. 16 марта Ставский обращается к Ежову, ссылаясь на выдачу Литфондом ссуды и делая особый акцент на (отмеченной и в письме Н.Я. Мандельштам Кузину) энергии, с которой выступают в поддержку Мандельштама некоторые члены ССП. Внутренняя рецензия Павленко, на которую Ставский ссылается в качестве подтверждения своего тезиса о том, что новые стихи Мандельштама «особой ценности не представляют», не отрицая их советского характера, предсказуемо подчеркивает неактуальность в текущей общественно-политической ситуации профессионализма Мандельштама («мастерства») и невозможность его использовать в советской литературе. Собственно, смысл письма Ставского сводится не к самому Мандельштаму (которому он не предъявляет никаких новых обвинений), но к тому, что его фигура «объективно» становится ненужным раздражителем для части писательского сообщества, провоцируя ее на «острое» и «нервное» обсуждение его положения.

13 апреля письмо Ставского было зарегистрировано как полученное в НКВД, а 27 апреля начальник 9-го отделения 4-го отдела Главного управления государственной безопасности старший лейтенант НКВД В.И. Юркевич составляет справку на Мандельштама на основе изучения его следственного дела 1934 года и письма Ставского. К сведениям из этих документов Юркевич прибавляет стандартную фразу: «По имеющимся сведениям, Мандельштам до настоящего времени сохранил свои антисоветские взгляды»⁵⁹⁰. В тот же день заместитель начальника 4-го отдела 1-го управления НКВД

⁵⁸⁹ Осенью 1937 года Ленинградское отделение Литфонда отказало Мандельштаму в выдаче ссуды (см.: Шнейдерман Э. «Элитфонд» // Звезда. 2004. № 1. С. 165).

⁵⁹⁰ Нерлер П. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. С. 99.

А.С. Журбенко накладывает на справку Юркевича адресованную начальнику ГУГБ НКВД М.П. Фриновскому резолюцию: «Прошу санкцию на арест»⁵⁹¹. 29 апреля Фриновский дает санкцию.

Капитан Журбенко (с 1937 года — майор), судя по некоторым данным, был прикомандирован к ССП от НКВД⁵⁹² и, вероятно, был тем человеком, с которым Ставский консультировался перед написанием письма о Мандельштаме. Не исключено, что он и посоветовал Ставскому обратиться именно к Ежову. Из воспоминаний Н.Я. Мандельштам известно также, что противник Ставского в руководстве ССП А.А. Фадеев, настроенный, в отличие от Ставского, по отношению к Мандельштаму благожелательно, в феврале — марте 1938 года безуспешно обращался по вопросу о приеме Мандельштама в Союз, предоставлении ему работы и публикации его стихов к А.А. Андрееву, члену Политбюро и секретарю ЦК, занимавшемуся с 1935 года вопросами культуры и идеологии⁵⁹³. По словам Н.Я. Мандельштам, Фадеев считал, что «вопрос о Мандельштаме» решил Андреев⁵⁹⁴.

Мандельштам был арестован в Саматихе 2 мая 1938 года. На следствии он на этот раз держался твердо и виновным в антисоветской деятельности себя не признал. В НКВД к его делу отнесли как к рутинному и после проведения младшим лейтенантом госбезопасности П. Шилкиным единственного допроса (17 мая) вынесли Особым совещанием при НКВД СССР 2 августа мягкий для дел по политической 58-й статье приговор — пять лет заключения в исправительно-трудовом лагере. 12 октября Мандельштам прибыл в пересыльный лагерь на станции Вторая Речка во Владивостоке. Там же в медицинском стационаре 27 декабря в 12 часов 30 минут он умер от, как указано в свидетельстве о смерти, паралича сердца и атеросклероза⁵⁹⁵, не дожив двух с небольшим недель до 48 лет.

⁵⁹¹ Там же.

⁵⁹² О своих консультациях с Журбенко по вопросам кадровой политики в ССП Ставский писал в обращении в комиссию партконтроля при ЦК ВКП(б) 4 ноября 1937 года (Там же. С. 92). По сведениям С.Ю. и С.С. Куняевых, «летом 1937 года в НКВД была создана специальная группа по ликвидации „террористов“ из писательской среды. Возглавлял ее капитан Журбенко» (Растерзанные тени. С. 377).

⁵⁹³ Ср.: «Архивные документы свидетельствуют, что весь 1937-й год Андреев бдительно следил за ситуацией в Союзе писателей» (Огрызко В. Темная лошадка, или Кто негласно возглавлял советскую политическую разведку в сталинскую эпоху // Литературная Россия. 2016. 22–28 июля. С. 9).

⁵⁹⁴ *НМ*. Т. 1. С. 449.

⁵⁹⁵ *Нерлер П.* Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. С. 154. Обстоятельствам последних месяцев жизни Мандельштама посвящена детальная работа: *Нерлер П.* Осип Мандельштам и его солагерники. М., 2015.

30 января 1939 года известие о смерти мужа дошло до Н.Я. Мандельштам⁵⁹⁶ (27 декабря она находилась у Б.С. Кузина в поселке Шортанды в Казахстане⁵⁹⁷). В начале февраля из письма Э.Г. Герштейн в Ленинград («Моя подруга Лена родила девочку, а подруга Надя овдовела»⁵⁹⁸) о смерти Мандельштама узнала Ахматова. Началась его вторая, посмертная литературная биография, во многом сформировавшая наши представления о первой, реальной, чьи обстоятельства до сих пор нуждаются в осмыслении и реконструкции.

---

⁵⁹⁶ Этим днем датировано ее письмо Б.С. Кузину с сообщением о смерти Мандельштама (см.: Кузин Б. Указ. соч. С. 564). Дата 5 февраля, фигурирующая в некоторых исследованиях (см., например: Дутли Р. Указ. соч. С. 355; Нерлер П. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. С. 158), ошибочна.

⁵⁹⁷ См.: Кузин Б. Указ. соч. С. 548.

⁵⁹⁸ Герштейн. С. 73. 30 января 1939 года родилась дочь у Е.К. Осмеркиной.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«КТО ДАЛ ИМ ПРАВО АРЕСТОВАТЬ МАНДЕЛЬШТАМА?»

*Сталинская резолюция на письме Бухарина и ее последствия*¹

1

Тотальная закрытость советской партийно-государственной жизни, выразившаяся, прежде всего, в засекреченности документов, фиксировавших важнейшие, определявшие жизнь людей решения, не могла не отразиться самым болезненным образом на процессе историко-культурного изучения советского периода. Продолжающийся до сих пор процесс обнародования и комментирования прежде скрытых архивных документов понятным образом не носил и не носит плано-согласованного характера, что зачастую приводит к ситуациям, когда исторически связанные между собой документы появляются в печати в «обратной» последовательности: публикация «документа-следствия» опережает открытие инициального «документа-ключа».

Одним из ярких примеров такого рода казусов стало выявление в 1993 году в так называемом кремлевском архиве Сталина письма Н.И. Бухарина об аресте Осипа Мандельштама с собственноручной резолюцией на нем Сталина². Поскольку эта резолюция — единственное по сей день документальное свидетельство участия Сталина в деле Мандельштама 1934 года, ее публикация стала своего рода сенсацией и породила немало количество толкований. Последнее было вызвано и тем, что текст Сталина и его датировка шли вразрез со сложившимся к началу 1990-х годов представлением о ходе следствия по делу Мандельштама и о механизме облегчения его участи. Мемуарно-исследовательский консенсус (опиравшийся, прежде всего, на книги Н.Я. Мандельштам и на ставшее в 1990 году доступным

---

¹ Впервые: Colta.ru. 2021. 15 января. Для настоящего издания текст уточнен и дополнен.

² «Всегда и везде я буду настаивать на своей абсолютной невинности...» Письма Н.И. Бухарина последних лет. Август — декабрь 1936 года / Публ. Ю. Мурин // Источник. 1993. № 2. С. 14. Текст резолюции дан публикатором с искажением; правильный текст и письмо Бухарина полностью впервые опубл.: Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946) // Вопросы литературы. 2003. Июль — август. С. 239.

следственное дело Мандельштама 1934 года³) заключался в том, что Сталин, несмотря на оскорбительность направленной против него инвективы Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...», за написание которой поэт был арестован в ночь на 17 мая 1934 года, своим указанием «изолировать, но сохранить» фактически свернул следствие ОГПУ, назначившего Мандельштаму 26 мая сравнительно мягкий срок (три года уральской ссылки в сопровождении жены), 10 июня замененный на еще более мягкий вариант — трехлетнюю административную высылку по принципу «минус 12 [крупных годов СССР]».

Обнаруженный текст резолюции Сталина на письме Бухарина с сообщением о факте ареста Мандельштама перечеркивал эту, казалось бы, непротиворечивую картину.

Письмо Бухарина не датировано. Однако из его текста ясно следует, что написано оно было после утверждения первоначального приговора Мандельштаму, его высылки из Москвы в Чердынь 28 мая и происшедшей там в ночь на 4 июня попытки его самоубийства. Из воспоминаний Н.Я. Мандельштам было известно о ее телеграммах с просьбой помочь выбросившемуся из окна больницы Мандельштаму, отправленных в Москву (в частности, Бухарину) 5 июня⁴. Соответственно, письмо Бухарина можно датировать 5–6 июня 1934 года. Так как на письме, написанном на бланке газеты «Известия», главным редактором которой Бухарин в то время являлся, отсутствуют пометы сталинского секретариата, то очевидно, что оно попало к Сталину напрямую, оперативно миновав бюрократическую процедуру доставки бумаг вождю. Это говорит о том, что Сталин прочитал письмо в те же дни — скорее всего, в день написания и передачи письма Бухарина. Резолюция, оставленная Сталиным (также без даты) на письме синим карандашом, гласила: «Кто дал им право арестовать Мандельштама? Безобразие...»

Буквальное прочтение сталинских слов означало, что а) он к 5–6 июня 1934 года ничего не знал об аресте Мандельштама и б) факт ареста вызвал его недовольство, адресованное ОГПУ. Это, однако, никак не укладывалось в картину, в которой еще 26 мая вождь санкционировал («изолировать, но сохранить») первый приговор поэту. Разумеется, неосведомленность Сталина об аресте и высылке Мандельштама исключала и его знакомство с текстом инкриминируемого Мандельштаму стихотворения.

³ Шенгалинский В. Улица Мандельштама // Огонек. 1991. № 1. С. 17–21.

⁴ НМ. Т. 1. С. 191.

Инерция «канонической» версии развития дела оказалась настолько сильна, что в мандельштамоведении в последние десятилетия укрепились два подхода к резолюции Сталина: одни авторы, обращаясь к аресту поэта 1934 года, игнорируют ее⁵, другие читают «иносказательно», интерпретируя как проявление «чистейшей воды лицемерия»⁶. Л.В. Максименков, который опубликовал полный текст бухаринского письма вместе со сталинской резолюцией, вполне убедительно реконструировал функцию слов Сталина⁷ и с определенной долей неуверенности все-таки предположил, что Сталин не знал об аресте Мандельштама. В своем анализе он также останавливается на констатации «имперсональности» сталинского высказывания, выделяя в нем «риторический вопрос и субъективную оценку факта» и характеризуя весь текст в целом как «сентенцию философско-созерцательного плана»⁸.

Между тем документы, дающие ключ к пониманию подлинного смысла написанных Сталиным слов, увидели свет уже спустя два года после первой (фрагментарной) публикации письма Бухарина. Речь идет о появившемся в 1995 году сборнике архивных документов Политбюро ЦК ВКП(б) под редакцией О.В. Хлевнюка, А.В. Квашонкина, Л.П. Кошелевой и Л.А. Роговой, включившем в себя информацию о решениях Политбюро от 10 июля 1931 года, касающихся деятельности ОГПУ⁹. В вышедшей через год монографии О.В. Хлевнюка эти данные были рассмотрены в историческом контексте эпохи¹⁰. К сожалению, до сих пор эти материалы, хорошо усвоенные представителями исторического цеха, не учтены историками русской литературы.

⁵ *Аверинцев С.С.* Судьба и весть Осипа Мандельштама // Аверинцев и Мандельштам: Статьи и материалы. М., 2011. С. 103–104 (текст опубл. в редакции 1996 года); *Гаспаров М.Л.* Мандельштам // Мандельштам О. Стихотворения. Проза. М.; Харьков, 2001. С. 17; *Кушнер А.* «Это не литературный факт, а самоубийство» // Новый мир. 2005. № 7. С. 132–146.

⁶ *Сарнов Б.* Сталин и писатели. М., 2009. Кн. 1. С. 386. Эта же точка зрения имплицитно содержится в кн.: *Нерлер П.* Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С. 39; *Лекманов О.* Осип Мандельштам: ворованный воздух. Биография. М., 2016. С. 328.

⁷ «Резолюция (поручение, приказ) Сталина должна была автоматически привести в „порядке контроля“ к внутриведомственному расследованию дела Мандельштама» (*Максименков Л.* Указ. соч. С. 242).

⁸ Там же. С. 246, 244.

⁹ Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сборник документов / Сост. О.В. Хлевнюк, А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 1995. С. 60.

¹⁰ *Хлевнюк О.В.* Политбюро: Механизмы политической власти. М., 1996. С. 55.

На заседании Политбюро ЦК ВКП(б), состоявшемся 10 июля 1931 года и посвященном особо секретным вопросам, относящимся, в частности, к деятельности ОГПУ¹¹, было принято решение «никого из специалистов (инженерно-технический персонал, военные, агрономы, врачи и т.п.) не арестовывать без согласия соответствующего наркома (союзного или республиканского), в случае же разногласия вопрос переносить в ЦК ВКП(б)»¹². Этому важнейшему решению предшествовала речь Сталина на совещании хозяйственников «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» 23 июня 1931 года¹³, где провозглашался «поворот известной части <...> интеллигенции, ранее сочувствовавшей вредителям, в сторону советской власти» и, соответственно, новый подход к «инженерно-техническим силам старой школы»: на смену репрессиям должна была прийти «политика привлечения и заботы». Все это было частью принимаемых с начала 1930-х партийной верхушкой СССР мер по контролю и, так сказать, структуризации террора, с помощью которого большевики начиная с 1917 года осуществляли значительную часть своей внутренней политики. Уже в период «дела Промпартии», 20 октября 1930 года, Политбюро предложило ОГПУ «вопросы о необходимых арестах согласовывать с Секретариатом ЦК»¹⁴. Последующие события показали острую потребность в ужесточении контроля за действиями карательных органов. О.В. Хлевнюк так описывает социополитический и экономический контексты, приведшие Сталина к необходимости некоторого ограничения репрессий:

Индустриальные скачки, непомерное наращивание капитальных вложений в тяжелую промышленность, игнорирование экономических рычагов управления и массовые репрессии против специалистов, вызвавшие волну так называемого «спецеидства» <...> привели к кризису

---

¹¹ Согласно тогдашнему графику заседаний Политбюро, из шести месячных встреч «три заседания (10, 20 и 30 числа каждого месяца) были закрытыми для рассмотрения только вопросов ГПУ, Наркомата иностранных дел, обороны, секретных валютных и некоторых внутрипартийных вопросов» (Там же. С. 63).

¹² Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 60. О.В. Хлевнюк указывает, что «Постановление первоначально было оформлено под грифом „Особая папка“ <...> а затем переоформлено как секретное и разослано на места» (Хлевнюк О.В. Указ. соч. С. 271).

¹³ Сталин И.В. Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 51–80.

¹⁴ Хлевнюк О.В. Указ. соч. С. 39.

в промышленности. Этот кризис особенно беспокоил руководство страны. Поэтому в конце 1930 — начале 1931 года в экономической политике стали проявляться тенденции, позволяющие говорить о некоторой корректировке откровенно репрессивной политики. <...> наиболее ярко и ощутимо новые тенденции проявились в осуждении массовых репрессий против инженерно-технических работников¹⁵.

Впоследствии эти тенденции, обусловленные идеями не столько либерализации, сколько «упорядочивания» репрессий и их «контроля и централизации»¹⁶, получили развитие (пусть непоследовательное и противоречивое), распространившись не только на «штучных» специалистов, но и на более широкую массу граждан. Одним из его ярчайших свидетельств стала подписанная Сталиным и В.М. Молотовым инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 года. Остро проблематизирующая самую проблему «права на арест», эта инструкция даже на уровне стилистики выражала персональное сталинское раздражение бесконтрольным и «беспорядочным» процессом репрессий:

Арестовывают председатели колхозов и члены правлений колхозов. Арестовывают председатели сельсоветов и секретари ячеек. Арестовывают районные и краевые уполномоченные. Арестовывают все, кому только не лень и кто, собственно говоря, *не имеет никакого права арестовывать*. Не удивительно, что при таком разгуле практики арестов органы, *имеющие право ареста*, в том числе и органы ОГПУ, и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: «сначала арестовать, а потом разобраться».

Но о чем все это говорит?

Все это говорит о том, что в областях и краях имеется еще немало товарищей, которые не поняли новой обстановки и все еще продолжают жить в прошлом. <...>

Эти товарищи не понимают, что метод массовых и беспорядочных арестов, если только можно считать его методом, в условиях новой обстановки дает лишь минусы, роняющие авторитет советской власти, что производство арестов должно быть ограничено и строго контроли-

¹⁵ Там же. С. 54.

¹⁶ Великанова О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. М., 2021. С. 63.

руемо соответствующими органами, что аресты должны применяться лишь к активным врагам советской власти¹⁷.

Возвращаясь к решению Политбюро от 10 июля 1931 года, нетрудно заметить, что первыми в списке специалистов («спецев» на тогдашнем политическом жаргоне), которых это решение было призвано оградить от внезапного и самовольного ареста органами ОГПУ, стоят «инженерно-технические работники», те самые «инженеры», без которых невозможно было индустриальное переустройство СССР.

Теория большевистского государственного строительства включала в себя не только промышленное, но и идеологическое («культурное») перерождение страны. Идея своего рода изоморфизма промышленных и идеологических процессов — одна из ключевых в текстах советских теоретиков рубежа 1930-х годов. «Вооружение индустриальное требует одновременности с вооружением интеллектуальным», — утверждалось в программном тексте Максима Горького «Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры»¹⁸. И в том и в другом процессах первостепенное значение придается учебе у «мастеров» — текст Горького прямо эксплицирует параллель между техническим перевооружением под руководством старых и/или чужих (в данном случае иностранных) специалистов и созданием новых советских культурных ценностей:

Должны ли выдвиженцы рабочего класса, молодые литераторы, учиться делу живописи словами у старых мастеров? Совершенно ясно, что должны, потому что им необходимо усвоить и освоить приемы работы, «секреты» мастерства. Рабочие-ленинградцы приобрели образцовое оборудование американского хлебозавода, а затем, изучив технически совершенные машины, решили строить такие же своими руками.

---

¹⁷ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание, 1927–1939: Документы и материалы: В 5 т. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2001. Т. 3: Конец 1930 — 1933. С. 747 (курсив наш). Количество арестов по обвинению в антисоветской деятельности к 1934 году действительно снизилось: если в 1933 году по соответствующим статьям было арестовано 283 тысячи человек, то в 1934-м — 90 тысяч (Хлевнюк О.В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 229).

¹⁸ Горький М. Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры [1929] // Он же. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1949. Т. 25. С. 43. Через год, 2 декабря 1930 года, выраженная в заглавии статьи мысль будет с нажимом повторена Горьким в письме Сталину: «Но — разумеется — надобно создавать своих спецев, своих!» («Жму вашу руку, дорогой товарищ»: Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина / Публ., подгот. текста, вступ. и коммент. Т. Дубинской-Джалиловой, А. Чернева // Новый мир. 1997. № 9. С. 179).

Нисколько не удивит меня, если они еще более усовершенствуют эти машины. Создавая «пристройку» в 90 тысяч сил к станции в 20 тысяч сил, рабочие пригласили немецких мастеров ставить котлы. Немцы поставили первый котел в шесть месяцев. Второй, при помощи русских рабочих, был поставлен на месяц скорей. Третий, четвертый котлы поставлены были еще скорей, и рабочие сказали мне, что последний, шестой котел они поставят в пять недель. Вот что значит учиться мастерству, и вот откуда мы должны брать *аналогии* и уроки¹⁹.

В русле развития этих аналогий и в целом теории, примитивизирующей значение литературы и фактически сводящей ее к подконтрольному государству утилитарному «мастерству», находится и аналогия, выдвинутая Сталиным в 1932 году на встрече с писателями: «Есть разные производства: артиллерии, автомобилей, машин. Вы тоже производите товар. Очень нужный нам товар, интересный товар — души людей»²⁰. Логической кульминацией этого метафорического ряда стало определение Сталиным писателей как «инженеров человеческих душ»²¹ — определение, которое будет растиражировано советскими медиа, а самим Горьким употреблено в установочной речи на Первом съезде писателей как термин, эквивалентный его «авторской» формуле «мастера культуры»²².

Слова про «инженеров душ» были произнесены Сталиным 26 октября на встрече с писателями в доме Максима Горького в Москве. Характерно, что квалификация «инженеров» была дана Сталиным беспартийным писателям, тогда как на встрече с писателями-коммунистами, состоявшейся там же неделей ранее, Сталин сосредото-

¹⁹ Горький М. Указ. соч. С. 44 (курсив наш).

²⁰ Зелинский К. Вечер у Горького (26 октября 1932 года) / Публ. Е. Прицкера // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1990. Вып. 10. С. 111.

²¹ Идея неперемного возведения этого афоризма Сталина к конкретным литературным текстам, получившая свое отражение, в частности, в статьях Омри Ронена (*Ронен О.* «Инженеры человеческих душ»: К истории изречения // Он же. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002. С. 164–174) и Виктории Файбышенко (*Файбышенко В.* От инженера души к инженерам душ: история одного производства // Новое литературное обозрение. 2018. № 4 (152). С. 131–145), представляется нам более остроумной, нежели основательной.

²² «Государство пролетариев должно воспитать тысячи отличных „мастеров культуры“, „инженеров душ“» (Доклад А.М. Горького о советской литературе // Первый Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М., 1934. С. 18). Восприятие инженеров в ряду представителей творческих профессий было типично для того времени: ср. в письме И.М. Гронского Сталину (май 1933 года) о «писателях, художниках, артистах, композиторах, инженерах и др. представителях интеллигенции» (Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов, 1917–1956 / Сост. Л.В. Максименков. М., 2005. С. 292).

точился на напрямую связанной с «инженерией» теме ученичества и «мастерства», — также обнаружив ряд существеннейших совпадений с положениями, выдвинутыми Горьким в статье 1929 года.

Утверждая, как и Горький, необходимость учиться литературному мастерству у старых авторов, Сталин неожиданно поднял тему «нетерпимости» авторов-коммунистов по отношению к беспартийным писателям.

Вы не понимали, что писателю надо учиться не только у Маркса, Энгельса, Ленина, но и у классиков литературы. Октав Мирбо не был диалектиком, но художником он был, кое-чему можно поучиться и у него. А у вас, в ваших статьях часто сквозили такие утверждения, что старое литературное наследство можно, мол, все к черту. Конечно, это не верно.

Ильич учил нас, что без знания и сохранения всего старого культурного опыта человечества мы не построим своей новой социалистической культуры. Вот если бы вы сумели писателям объяснить и внушить такую элементарную мысль, как мысль о том, что диалектика предполагает не только отрицание старого, но и сохранение его, это было бы не плохо. Надо писателю сказать, что литературному мастерству можно учиться и у контрреволюционных писателей — мастеров художественного слова²³.

В статье 1929 года Горький, реагируя на партийную критику классиков мировой литературы с идейных позиций, также утверждал приоритет мастерства и знания литературной техники над идеологией:

<...> в классиках читателя-рабочего увлекает не идеология, а — фабула, внешняя занимательность книги, обилие в ней содержания, наблюдений и знаний, ее словесное изобразительное мастерство, то есть как раз все то, чего еще нет и пока не может быть у большинства молодых писателей вследствие их малого знакомства с техникой литературной работы²⁴.

Подход к старым «мастерам культуры» здесь полностью соответствует отраженному в речи Сталина, произнесенной 23 июня 1931 года, и в решении Политбюро от 10 июля подходу к старым техническим специалистам («инженерам»): их обусловленная классовый

²³ Максименков Л. Указ. соч. С. 233.

²⁴ Горький М. Указ. соч. С. 44.

принадлежностью идейная чуждость и даже явившиеся следствием этой чуждости прегрешения против советской власти искупаются высокой квалификацией и возможностью использовать их мастерство на благо нового государства. Неслучайно апелляция к этой речи Сталина стала для советских идеологов одним из оснований при пересмотре олицетворявшейся РАППом культурной политики партии и при декларировании нового подхода к старым мастерам, учитывающего их опыт и знания²⁵.

С началом весной 1932 года работы по созданию своего рода «наркомата литературы» — Союза советских писателей — по отношению к непартийным писателям («попутчикам») начала реализовываться новая политика: тотальный идеологический диктат РАППа сменился некоторым вниманием к художественной стороне литературного творчества; партия сочла возможным использовать потенциал «старых мастеров», еще недавно уничтожаемых официальной критикой, в строительстве новой советской литературы. Прозаик Михаил Слонимский свидетельствовал осенью 1932 года:

Был такой период, когда разговоры о мастерстве были почти подпольными, когда только почти подпольно можно было говорить о форме произведения. Такая атмосфера не способствовала росту художественного мастерства писателя. Наоборот, она иногда способствовала его деградации. Теперь, когда вопрос о мастерстве поставлен по-настоящему, когда действительно писатель отвечает своими книгами — началась настоящая работа²⁶.

Через несколько лет уподобление одной из указанных социальных групп («специалистов») другой («старым мастерам культуры») станет общим местом советской литературной критики. В воронежской ссылке Мандельштам будет читать и обсуждать с С.Б. Рудаковым посвященную Михаилу Зенкевичу статью из журнала «Красная новь» с эмблематичным названием «Поэт и спец», где товарищ Мандельштама по «Цеху поэтов» описывался как «„спец“, старый „довоенный“ специалист в области поэтической техники», чьим «„мастерством“, навыками художественного построения, знанием законов словесно-

²⁵ См., например, доклады В. Кирпотина и Л. Субоцкого на Первом пленуме Оргкомитета Союза советских писателей 29 октября 1932 года: Советская литература на новом этапе: Стенограмма Первого пленума Оргкомитета Союза советских писателей (29 октября — 3 ноября 1932). М., 1933. С. 15, 47–48.

²⁶ Там же. С. 155.

го равновесия» и т.п. необходимо воспользоваться «при созидании советской лирики»²⁷.

Принцип такого «прагматичного» отношения к старым специалистам был сформулирован Сталиным, в частности, в его переписке с Горьким еще в конце 1930 года: «<...> людей раскаявшихся и разоружившихся советская власть не прочь помиловать, ибо она руководствуется не чувством мести, а интересами советского государства»²⁸. К 1934 году, с общим военно-экономическим укреплением режима, эти настроения только упрочились — в ноябре 1933-го зампред ОГПУ Г.Г. Ягода убеждал молодого писателя Григория Гаузнера: «Мы самое мягкосердечное учреждение. Суд связан с параграфами, а мы поступаем в связи с обстановкой, часто просто отпускаем людей, если они сейчас не опасны. Мы не мстим»²⁹. Уточнение «сейчас» является ключевым — сталинская репрессивная политика всегда строилась исходя из конкретной политико-экономической ситуации. В ситуации 1934 года квалифицированные мастера, и в том числе «инженеры человеческих душ», «специалисты в области поэтической техники», могли рассчитывать на определенные привилегии.

3

Если суммировать, то из письма Бухарина Сталин получил следующие сведения: арестован и выслан из Москвы «первоклассный», но «абсолютно несовременный» поэт Мандельштам. Аресту предшествовал конфликт Мандельштама в писательской среде (в частности, «драка» с Алексеем Толстым); в ссылке Мандельштам пытался покончить с собой, он болен. К Бухарину обращаются в связи с делом Мандельштама, но у него нет никакой информации, ОГПУ в лице зампреда Агранова молчит. И наконец, в постскриптуме Бухарин сообщал, что происходящим с Мандельштамом чрезвычайно взволнован Борис Пастернак.

Несмотря на то что Сталин, по всей вероятности, плохо знал, кто такой Мандельштам, характеристика Бухарина («первоклассный, но абсолютно несовременный поэт») вкуче с информацией о резо-

²⁷ Дынник В. Поэт и спец // Красная новь. 1936. № 1. С. 217. В письме С.Б. Рудакова жене от 11 февраля 1936 года статья Дынник названа «дрянью с проблемами» (Рудаков. С. 145).

²⁸ Сталин — Горькому, [8–14 декабря 1930 года] («Жму вашу руку, дорогой товарищ». С. 182–183).

²⁹ Громова Н. Узел: Поэты. Дружбы. Разрывы: Из литературного быта конца 1920-х — 1930-х годов. М., 2016. С. 133.

нансе, вызванном арестом, однозначно помещала его в категорию «старых специалистов»/«контрреволюционных писателей — мастеров художественного слова». Информация Бухарина нуждалась, однако, в проверке — самым естественным жестом было проверить ее у упомянутого в письме Пастернака, чье имя как одного из заметных советских авторов Сталин, вплотную занимавшийся контролем за подготовкой Первого съезда писателей, знал.

Таким образом, телефонный звонок Сталина Пастернаку состоялся, по нашему мнению, не только до 10 июня 1934 года, когда был пересмотрен приговор Мандельштаму, но и до вынесения резолюции на письме Бухарина — явившись важнейшим элементом выработки этой самой резолюции.

Избегая здесь подробного анализа разговора Сталина с Пастернаком, предпринятого нами в другом месте³⁰, отметим, что, как представляется, смысловым центром диалога вождя с поэтом был вопрос о том, является ли Мандельштам «мастером». В этом мы полностью солидаризируемся (в отличие от Л.С. Флейшмана³¹) с чрезвычайно проницательной, на наш взгляд, интерпретацией А.Д. Синявского, который еще в 1975 году на пастернаковском коллоквиуме в Серизила-Сале говорил: «Для Сталина, конечно, это не было вопросом таланта. Но Сталин знал, что „мастеров надо уважать и ценить“: это ценный „кадр“ — мастер. <...> Он думал: „ценный кадр или не ценный кадр?“ Сухой, деловой вопрос. <...> Сталину была нужна одна деталь — о Мандельштаме („кадр или не кадр“) — и больше ничего»³². Не приходится сомневаться, что в вопросе о том, «мастер» ли Мандельштам, со стороны Сталина имела место органичная в устной речи эллиптическая конструкция и понятие «мастер», употребленное им, отсылало к тем самым «мастерам художественного слова», учиться у которых Сталин призывал писателей-коммунистов. Характерно, что для Пастернака сталинская логика и этот «реабилитирующий» Мандельштама контекст, восходящий в конечном счете к секретному решению Политбюро 1931 года, понятным образом остались неочевидными — поэт и вождь разговаривали фактически на разных языках. Но, несмотря на попытку Пастернака уйти от темы, связанной с чуждой ему техницистской теорией «мастерства», и установить

³⁰ См.: Морев Г. Поэт и Царь: Из истории русской культурной мифологии: Мандельштам, Пастернак, Бродский. М., 2020. С. 23–41.

³¹ См.: Флейшман Л. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб., 2005. С. 231.

³² Boris Pasternak: 1890–1960. Colloque de Cerisy-La-Salle (11–14 septembre 1975). Paris, 1979. P. 46–47.

прямую содержательную (то есть не зависящую от конкретного дела Мандельштама) коммуникацию со Сталиным «о жизни и смерти» — что, в свою очередь, встретило резкое неприятие со стороны вождя, прервавшего разговор, — его ответы в целом не противоречили предоставленной Бухариным информации.

Картина, сложившаяся у Сталина по прочтении бухаринского письма и (если наша датировка верна) по результатам разговора с Пастернаком, ясно свидетельствовала: в нарушение решения Политбюро от 10 июля 1931 года (инициированного, кстати сказать, лично Сталиным³³) органами ОГПУ был без ведома ЦК партии и накануне писательского съезда арестован видный литературный специалист. Таким образом, резолюция, наложенная Сталиным на бухаринское письмо, сугубо функциональна и никоим образом не является «сентенцией философско-созерцательного плана». Она констатирует факт нарушения, напоминая, что в данном и подобных ему случаях право санкции на арест принадлежит исключительно ЦК («Кто дал им право арестовать Мандельштама?»), и фиксирует эмоционально окрашенную сталинскую оценку этого факта («Безобразие...»), долженствующую исключить его повторение в будущем³⁴.

Выглядящая энигматически для стороннего взгляда и дающая повод для ложных интерпретаций резолюция Сталина была абсолютно прозрачна для подчиненного ему партийно-чекистского аппарата. Предметом ее было, разумеется, не «дело» поэта, но недопустимое самоуправство ОГПУ, прямо идущее вразрез с решениями Политбюро. Однако, не касаясь собственно не очень известного (и не слишком интересного) Сталину Мандельштама, самим фактом апелляции к решению Политбюро 1931 года резолюция Сталина закрепляла за поэтом четко определенное место в жесткой системе тогдашней социальной стратификации — место «старого мастера», чью квалификацию на высшем уровне признано целесообразным использовать на данном этапе для работы по созданию новой социалистической культуры.

³³ О.В. Хлевнюк, знакомый с подлинниками протоколов заседаний Политбюро, сообщает, что «решение Политбюро по вопросам ОГПУ от 10 июля 1931 г. <...> было написано Сталиным» (*Хлевнюк О.В.* Политбюро. С. 74).

³⁴ «Особое недовольство Сталина вызывали, как правило, те решения, которые проходили без согласования с ним», — указывает О.В. Хлевнюк (Там же. С. 97). Отметим, что повторение инцидента с неинформированием ЦК об аресте видного литератора — редактора *Journal de Moscou* С.С. Лукьянова — в августе 1935 года кончилось для Агранова персональным выговором («надранием» в специфической сталинской терминологии) и разбирательством на Политбюро (*Морев Г.* Указ. соч. С. 20).

Это моментально (10 июня) привело к смягчению приговора и вскоре (20 ноября) было зафиксировано в директивном обращении П.Ф. Юдина, одного из организаторов нового Союза писателей³⁵, осенью 1934 года переведенного на руководящую работу в Отдел культуры и пропаганды ленинизма при ЦК ВКП(б) (Культпроп), к своему воронежскому коллеге, заведующему местным Культпропом М.И. Генкину:

Тов. Генкин!

В Воронеже с некоторых пор проживает *старый писатель-поэт* Мандельштам. Попал он в Воронеж за некоторые дела, не одобряемые органами советской власти. *Мандельштам как поэт очень квалифицированный и является большим мастером и знатоком поэтического творчества.*

Среди писателей он пользуется известным авторитетом. *Поэт он, конечно, не наш, и будет ли когда-нибудь нашим — не думаю.*

В Воронеже <...> ему не возбраняется заниматься литературной деятельностью.

<...> Речь <...> идет о том, чтобы Мандельштама постепенно *вовлекать в писательскую работу и использовать его по мере возможности как культурную силу* <...>

Об этом я говорил с А.И. Стецким и пишу тебе по его поручению³⁶.

Ссылка на А.И. Стецкого, заведующего всесоюзным Культпропом, однозначно сигнализирует, что речь идет не о частной инициативе Юдина, а о согласованной с высшим руководством страны позиции. Нет никаких сомнений, что мнение Стецкого (кстати, упомянутого, пусть и по другому поводу, в письме Бухарина) сформировалось не по собственному почину, а в результате сталинской резолюции и последовавшего за ней общего разрешения дела Мандельштама.

³⁵ И, между прочим, одного из авторов его устава (см.: Горький и П. Юдин: Неизданная переписка / Вступ. статья, подгот. текста и публ. О.В. Быстровой // Горький в зеркале эпохи: Неизданная переписка. М., 2010. Вып. 10. С. 645).

³⁶ *Нерлер П.* Он ничему не научился...: О.Э. Мандельштам в Воронеже: новые материалы // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 92 (курсив наш). Характерно возникновение по отношению к Мандельштаму «защитного» определения «мастер слова» уже в ходе первого общественно-литературного конфликта вокруг его имени — в коллективном письме советских писателей в редакцию «Литературной газеты» в ответ на оскорбительный фельетон Д. Заславского «О скромном плагиате и развязной халтуре» в связи со скандалом вокруг перевода «Тили Уленшпигеля» (Литературная газета. 1929. 13 мая. С. 4; эта же характеристика варьируется и в продолжающей защиту поэта статье «Комсомольской правды» от 2 июня: «значительнейший мастер литературы»).

Совпадение некоторых риторических ходов из письма Юдина со стилистикой других известных нам сегодня документов, касающихся «перемены участи» бывших специалистов³⁷, и, главное, общая для этих бумаг логика позволяют сделать вывод о том, что случай Мандельштама следует рассматривать не в индивидуальном, но в более широком контексте перипетий партийной политики первой половины 1930-х годов по отношению к специалистам, «старым мастерам», к какой бы области занятий ни относилась их деятельность³⁸.

4

Оборотной стороной сталинской резолюции, закрепившей за Мандельштамом спасительный для 1934 года статус «старого мастера», было то обстоятельство, что в условиях характерной для советского

³⁷ Ср. письмо К.Е. Ворошилова Сталину 9 мая 1934 года с просьбой освободить из заключения бывшего царского генерала А.И. Верховского: «<...> во всяком случае другом нашим он никогда не был, вряд ли и теперь стал им. Это ясно. Тем не менее, учитывая, что обстановка теперь резко изменилась, считаю, что можно было бы без особого риска его освободить, используя по линии научно-исследовательской работы» (цит. по: Морев Г. Указ. соч. С. 25; ср.: «Поэт он, конечно, не наш, и будет ли когда-нибудь нашим — не думаю»). Верховский был освобожден через месяц после пересмотра приговора Мандельштаму.

³⁸ Напомним, что не приходится сомневаться в том, что подобный поворот и исход дела Мандельштама оказались возможны исключительно из-за стечения обстоятельств, вызванного специфически острой оскорбительностью его антисталинской инвективы. Как мы старались показать в посвященной делу Мандельштама 1934 года работе (Морев Г. Указ. соч. С. 13–68), зампред ОГПУ Я.С. Агранов, давший санкцию на арест Мандельштама, не решился доложить Сталину текст инвективы и планировал информировать вождя об аресте и высылке поэта постфактум, подготовив в начале июня (недавно найденное в архиве ФСБ) спецсообщение, в котором фактически дезинформировал Сталина о характере дела Мандельштама и скрыл существование направленного против него текста. Отправку спецсообщения Агранова опередило письмо Бухарина. Добавим здесь, что и до обнаружения спецсообщения Агранова, ставшего основой для нашей реконструкции событий, небанальной для своего времени версии о том, что «окружение Сталина не посмело показать ему стихотворение», неизменно придерживалась М.С. Петровых, которая — единственная среди близкого окружения Мандельштама — по биографическим причинам имела потенциальный доступ к информации, связанной с советской властной верхушкой (Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Сост. О.С. Фигурнова, М.В. Фигурнов. М., 2001. С. 166–167). Со ссылкой на мнение Петровых тезис о том, что «приближенные Сталина не доложили ему о мандельштамовском стихотворении», выдвинул в своей биографии Мандельштама Ральф Дутли (Dutli R. Mandelstam: Meine Zeit, mein Tier. Eine Biographie. Zürich, 2003; рус. изд.: Дутли Р. «Век мой, зверь мой»: Осип Мандельштам: Биография / Пер. с нем. К. Азадовского. СПб., 2005. С. 284, ср. с. 289). Осторожное предположение о том, что «может быть, ему [Сталину] не были показаны стихи? Может быть, ему сообщили о неблагонадежности Мандельштама в общих чертах, не вдаваясь в подробности?», было высказано в свое время А.С. Кушнером (Новый мир. 2005. № 7. С. 141), но оставлено им без развития.

общества 1920–1930-х годов рестриктивной стратификации поневоле занятая Мандельштамом социокультурная «ячейка» и навязанное ею социальное амплуа были фактически пожизненной стигмой. Уже в 1935 году он становится объектом историко-литературного исследования, посвященного исключительно *дореволюционной* русской литературе и включающего (разумеется, не санкционированную автором) публикацию его частной переписки³⁹. Положение административно высланного неизбежно усугубляло общественную маргинализацию, но не являлось определяющим в сохранении за Мандельштамом места старого «квалифицированного специалиста», чья лояльность режиму априори ставилась под сомнение. Даже после отбытия срока наказания возможность социальной реабилитации фактически не распространялась на группы «лишенцев», которые неизменно находились под подозрением у репрессивных органов. Как свидетельствовал в 1936–1937 годах один из представителей этой группы, «чтобы от нас, бывших людей, ни исходило, все будет не так... Мы прокляты до конца жизни, и как бы ты ни перековался — тебе не поверят и при первой возможности заключут и заплуют»⁴⁰.

Между тем вся энергия поэта после внутреннего переворота, вызванного тем, что виделось ему как помилование Сталиным несмотря и вопреки его антисталинским стихам, была направлена на ресоциализацию, на перемещение из занимаемой им одной социокультурной ячейки в другую — ячейку активного и полноправного участника строительства новой культурной реальности. В институциональном смысле это означало установление тесной

---

³⁹ См.: Волков А. Поэзия русского империализма. М., 1935. На с. 119–120 опубликовано письмо Мандельштама Федору Сологубу от 27 апреля 1915 года. Характерно, что в 1931 году аналогичная — то есть осуществленная без ведома автора — публикация частной переписки З.Н. Гиппиус (из архива жившего в СССР П.П. Перцова) в работе Д.Е. Максимова «Новый путь» (*Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики: Статьи и материалы. Л., [1930]. С. 131–254*) вызвала резкий протест с ее стороны (см.: Гиппиус З. Письма к Берберовой и Ходасевичу / Ed. by E. Freiburger-Sheikholeslami. Ann Arbor, 1979. С. 107). В целом степень «легитимности» Мандельштама в академическом поле, связанном с изучением культурного *прошлого*, резко контрастировала с его проблемным статусом у актуальной советской критики: одновременно с выходом книги Волкова Пушкинский Дом планирует приобрести архив Мандельштама (см.: Рудаков. С. 140), ср. также эпизод 1934 года, когда — уже после ареста и высылки поэта — в вышедшем под редакцией Д.Д. Благого собрании сочинений Батюшкова были процитированы стихи Мандельштама «Батюшков», а сам он был охарактеризован (без упоминания имени) как «современный нам поэт, один из видных деятелей нашей литературы» (*Б[лагой] Д. От редактора // Батюшков К.Н. Сочинения / Ред., статья и коммент. Д.Д. Благого. М.; Л., 1934. С. 40*).

⁴⁰ Цит. по: Великанова О. Указ. соч. С. 185.

связи с Союзом советских писателей, чьим членом Мандельштам не успел стать из-за ареста. В условиях советской действительности после 1934 года полноценное литературное существование — то есть существование за счет литературного труда (позиция, которую Мандельштам принципиально отстаивал с начала 1920-х годов) — было возможно только в рядах Союза советских писателей.

«С Союзом Писателей и через Союз (начиная с Воронежа) начал большой разговор. Сказал свое слово. Они отвечают», — писал Мандельштам 17 декабря 1935 года Рудакову (III: 529), имея в виду свое обращение в Союз с приложением новых воронежских стихов, приуроченное к подготовке посвященного советской поэзии Третьего пленума правления ССП, назначенного на февраль 1936 года в Минске. Настоящим адресатом этих новых текстов, посланных в Союз, Мандельштам видел Сталина, с которым *через Союз* он и вел свой «большой разговор», рассматривая всю свою новую поэтическую работу в качестве «искупительного стажа» (по позднейшей авторской характеристике [III: 549]). И хотя важнейший документ этой начатой Мандельштамом коммуникации — его адресованное Минскому пленуму письмо, — к сожалению, утрачен или до сих пор не разыскан, судя по письму Н.Я. Мандельштам от 29 декабря 1935 года из Москвы в Воронеж, Мандельштам надеялся на возможность принять участие непосредственно в работе пленума⁴¹. Как известно, этим надеждам, равно как и надеждам на публикацию стихов, не суждено было сбыться.

Состоявшие в 1935–1938 годах в руководстве Союза писателей А.С. Щербаков, В.В. Вишневский, И.А. Марченко и, наконец, В.П. Ставский (к которым апеллировал Мандельштам и с которыми, бывая в Москве, многократно общалась Н.Я. Мандельштам), выказывая внешне подчеркнутую внимательность по отношению к положению ссыльного, а потом и вернувшегося из ссылки поэта⁴², ничего не предпринимали по существу.

---

⁴¹ Тименчик Р. Об одном эпизоде биографии Мандельштама // *Toronto Slavic Quarterly*. 2014. № 47. Р. 238. Имя Мандельштама прозвучало на пленуме, когда на одном из литературских банкетов Пастернак, оказавшийся за одним столиком с воронежскими писателями, поднял за него тост: «Вы знаете Мандельштама? — спросил Пастернак. Хвалил Мандельштама. Поднял на банкете тост за него. Не публично — между шестью-семью. — „Выпьем за прекрасного поэта!“ Передавал ему привет. Хвалил» (*Гыдов В. О. Мандельштам и воронежские писатели (по воспоминаниям М.Я. Булавина)* // «Сохрани мою речь...». М., 1993. Вып. 2. С. 35).

⁴² Ср., например, эпизод из письма Н.Я. Мандельштам в Воронеж от 27 апреля 1937 года: «Ставского я сегодня не видела: его ждало (угол листа оторван. — Р.Т.) человек, но он не пришел в Союз. Зато он позвонил в Союз,

Какой конкретный ответ ты хочешь на эти конкретные стихи? — писала Н.Я. мужу в Воронеж в декабре 1935 года после очередного обсуждения стихов Мандельштама с функционером писательского союза. — Конкретный ответ — это вопрос о том, можно ли тебя сейчас печатать. Все разговоры о качестве — уклонение от ответа на основное: нужны ли вообще эти стихи? Я не понимаю, что такое «гудочки» плохо, потому что это уменьшительное. Я понимаю другое: мировоззренческий нравственный сгусток. Нужен он или нет. Входит он в действительность или нет⁴³.

Дать санкцию на публикацию стихов Мандельштама, зачесть его «искупительный стаж» означало согласиться с утверждением самого Мандельштама о том, что его стихи теперь «принадлежат <...> советской поэзии» (из заявления в Воронежское отделение ССП, конец 1936-го — начало 1937 года: III: 544), а значит, «входят в действительность». Однако ни Щербаков, ни Вишневский, ни Марченко, ни Ставский решиться на это не могли. Н.Я. Мандельштам абсолютно верно понимала: это был вопрос не стилистики, а политики. «Конкретный ответ» означал коренное изменение социально-политического статуса Мандельштама, определенного в 1934 году резолюцией Сталина. Дать этот ответ мог только сам Сталин.

К концу ссылки это ясно понимал и сам Мандельштам.

В Союз Писателей не обращайтесь, бесполезно. Они умоют руки. Есть один только человек в мире, к которому по этому делу можно и должно обратиться. Ему пишут только тогда, когда считают своим долгом это сделать. Я — за себя не поручитель, себе не оценщик. Не о моем письме речь. Если вы хотите спасти меня от неотвратимой гибели — спасти двух человек, — пишите. Уговорите других написать. Смешно думать, что это может «ударить» по тем, кто это сделает. Другого выхода нет. Это единственный *исторический* выход, —

писал Мандельштам К.И. Чуковскому весной 1937 года (III: 557).

что не придет, и вызвал меня к телефону (Какая вежливость! — только меня из всего десятка посетителей). Мы поговорили по телефону. Я в общих чертах рассказала, в чем дело, — он сказал, что посоветуется с товарищами и завтра будет со мной разговаривать» (Тименчик Р. К биографии Осипа Мандельштама: 1937 год // Летняя школа по русской литературе. 2019. Т. 15. № 1. С. 98).

⁴³ Тименчик Р. Об одном эпизоде биографии Мандельштама. Р. 238–239. Упоминаются «гудочки» из стихотворения «Наушники, наушнички мои...» (1935), вызвавшие неудовольствие И.А. Марченко, помощника ответственного секретаря ССП по творческим вопросам.

Невозможность личного обращения к Сталину определялась для Мандельштама, с одной стороны, чувством персональной вины за нанесенное стихами оскорбление (напомним: поэт был уверен в том, что Сталин прочитал его инвективу). Еще осенью 1934 года в письме М.С. Шагинян Н.Я. Мандельштам мотивировала неуместность адресации со стороны семьи поэта к вождю: «Все говорят, чтобы я писала Сталину. О чем? Поэт отвечает за свои стихи. В государственном плане все логично»⁴⁴. Другим существенным обстоятельством, затрудняющим для Мандельштама прямое обращение к Сталину, является то, что речь в его случае идет не просто о рядовой просьбе о смягчении участи — речь идет, в первую очередь, об оценке новых стихов, поручительство за качество которых перед Сталиным естественнее давать не ему, но кому-то другому. По мысли Мандельштама, оценивший, несмотря ни на что, его поэтический «выпад»⁴⁵ Сталин не может не увидеть новой природы воронежских стихов и не признать их советской сущности. Перемена положения Мандельштама внутри советской литературы, его выход из «отщепенства» должны стать следствием переоценки его поэзии. Знаменитые слова Мандельштама из письма Ю.Н. Тынянову от 21 января 1937 года, написанные в разгар работы над «Стихами о Сталине»⁴⁶, — «Вот уже четверть века, как я, мешая важное с пустяками, наплываю на русскую поэзию; но вскоре стихи мои сольются и растворятся в ней, кое-что изменив в ее строении и составе» (III: 548)⁴⁷ — имеют в виду именно эту близкую, как ему хотелось думать, переоценку.

Однако писать Сталину о Мандельштаме было некому. Н.Я. Мандельштам вспоминала в последние годы жизни об отказе Пастернака обратиться к Сталину по поводу Мандельштама, относя этот

⁴⁴ Два письма О.Э. и Н.Я. Мандельштам М.С. Шагинян / Публ., вступ. зам. и примеч. П.М. Нерлера // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж, 1990. С. 76.

⁴⁵ Ср. в том же письме Н.Я. Мандельштам М.С. Шагинян о «безответственных стихах, вернее <...> выпадѣ, за который Мандельштам был выслан» (Там же. С. 75). О «контрреволюционном выпадѣ, приведшем меня в Воронеж» Мандельштам писал в заявлении рубежа 1936–1937 годов в Воронежское отделение ССП (III: 544–545).

⁴⁶ См.: Гаспаров М.Л. О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года / 2-е изд. СПб., 2013. С. 142–143.

⁴⁷ В «Стихах о Сталине» с этими мотивами растворения в народной речевой стихии корреспондируют строки: «Уходят вдаль людских голов бугры: / Я уменьшаюсь там. Меня уж не заметят. / Но в книгах ласковых и в играх детворы / Воскресну я сказать, как солнце светит».

отказ к концу 1935 года⁴⁸. Если эта датировка верна, то речь идет о времени наибольшего сближения Пастернака со Сталиным, выразившегося в написании им большого письма Сталину в декабре 1935-го и посвящении опубликованных в новогоднем номере «Известий» 1936 года стихов. В этот период Пастернак, выстраивавший с 1932 года свою персональную коммуникацию со Сталиным, мог счесть неуместным еще одно обращение к вождю по поводу Мандельштама, напоминающее об их неудачном телефонном общении 1934 года, — учитывая, что неудачу этого разговора он старался исправить в последующей адресации к Сталину осенью 1935 года в связи с арестом Н.Н. Пунина и Л.Н. Гумилева⁴⁹. (К тому же осенью 1934 года Пастернак, как мы знаем из цитированного письма П.Ф. Юдина М.И. Генкину, обращался в Культпроп ЦК ВКП(б) с просьбой о помощи Мандельштаму в ссылке.) Если же речь идет о более позднем времени, совпадающем со временем написания письма Мандельштама Чуковскому, то в 1937 году Пастернак уже испытывает, по его позднейшей формулировке, «чувство потрясенного отталкивания от установившихся порядков»⁵⁰ и, по-видимому, считает подобного рода попытки тщетными (в феврале 1936 года он вместе с вернувшейся из Воронежа Ахматовой посетил, прося за Мандельштама, старшего помощника прокурора Верховного суда СССР Р.П. Катаняна).

Сегодня не может не вызывать удивления та настойчивость, с которой, несмотря на очевидное ему изменение политическоего и социального пейзажа⁵¹, Мандельштам продолжал добиваться

⁴⁸ «Любил, но изредка чуть-чуть изменял»: Заметки Н.Я. Мандельштам на полях американского «Собрания сочинений» Мандельштама / Подгот. текста, публ. и вступ. заметка Т.М. Левиной; примеч. Т.М. Левиной, А.Т. Никитаева // *Philologica*. 1997. Т. 4. № 8/10. С. 179.

⁴⁹ Подробнее см.: *Морев Г.* Указ. соч. С. 31–37.

⁵⁰ [Пастернак Е.Б., Пастернак Е.В.] Заметки о пересечениях биографий Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака // *Память: Исторический сборник*. М., 1979/Paris, 1981. Вып. 4. С. 335.

⁵¹ По воспоминаниям Э.Г. Герштейн, вернувшись из ссылки в Москву, Мандельштам сказал: «И люди изменились... Все какие-то, — он шевелил губами в поисках определения, — все какие-то, какие-то... ПОРУГАННЫЕ» (*Герштейн*. С. 67). Судя по дошедшим до нас отрывочным свидетельствам, Мандельштам — как и в случае с расстрелом Ф. М. Конара в 1933 году (см. наст. изд., с. 80) — воспринимал эскалацию террора, коснувшуюся близких ему людей, сквозь защитный механизм поиска «рациональных» мотивировок. Так, узнав осенью 1937 года об аресте Б.К. Лившица, «он сразу сказал — Это из-за того человека (про [Виктора] Сержа)... Потом замолчал» (*Михеев М.Ю.* Александр Гладков о поэтах, современниках и — немного о себе: Из дневников и записных книжек / 2-е изд. М., 2019. С. 148; хорошо знакомый со многими ленинградскими писателями В.Л. Серж (Кибальчич), осужденный в 1933 году за принадлежность к троцкист-

признания своей работы Союзом советских писателей — при том что эта позиция, сколько можно судить, не находила понимания ни у его ближайших друзей, таких как Ахматова (придерживавшаяся противоположной схемы литературного и социального поведения)⁵², ни у Пастернака (служившего в последний период для Мандельштама своего рода ролевой моделью), ни в его собственной семье. Еще в конце 1935 года Н.Я. Мандельштам писала мужу по итогам московских союзписательских хлопот:

<...> дальше — только покориться неизбежности... И жить вместе в Крыму, никуда не ездить, ничего не просить, ничего не делать. Это мое, и я думаю, твое решение. Вопрос в деньгах, но и он уладится. Может, придется жить на случайные присылы. Тоже лучше, чем мотаться. Правда? Никогда я еще так остро не понимала, что нельзя действовать, шуметь и вертеть хвостом⁵³.

Как видим, однако, решением Мандельштама это не стало.

«Еще о Старом Крыме: чтоб не было уходом, бегством, „цинцинатством“. Я не Плиний Младший и не Волошин», — ответил Мандельштам жене 3 января 1936 года (III: 539). Идея обустройства эскапистской ниши в провинции (которая спустя три десятилетия будет манифестирована в «Письмах римскому другу» Бродского) для Мандельштама, чувствующего «небывалое доверие ко всем подлинным участникам нашей жизни»⁵⁴, была неприемлема. Дальнейшее развитие своей поэзии он, наоборот, напрямую связывает с обретением им после кризиса 1934 года новой лояльности власти и обществу, с чаемой им демаргинализацией, с движением вместе с народом по «дороге к Сталину» (как это сказано в самых последних его стихах). «Хочу двигать язык, учиться и вообще быть с людьми: учиться у них», — пишет он Б.С. Кузину⁵⁵.

ской оппозиции, в 1936-м был под давлением западной общественности выслан из СССР; связь с ним будут ставить в вину и Мандельштаму на следствии 1938 года [Нерлер П. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. С. 105]).

⁵² Ср. про «непонятное упорство», с каким Мандельштам продолжал добиваться вечера в Союзе советских писателей, в «Листках из дневника» Ахматовой (Ахматова А. Победа над Судьбой. I: Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы / Сост., подгот. текстов, предисл., примеч. Н. Крайневой. М., 2005. С. 120).

⁵³ Тименчик Р. Об одном эпизоде биографии Мандельштама. Р. 223.

⁵⁴ Из письма Б.С. Кузину, 10 марта 1938 года (III: 576; выделено Мандельштамом).

⁵⁵ Из письма Б.С. Кузину, сер. декабря 1937 года (III: 572).

Думается, что причина этой настойчивости Мандельштама лежит в изначальной «индивидуализации» им своего «дела» 1934 года, в представлении о существующей теперь персональной связи со Сталиным как со своим главным читателем, оценившим его стихи (следствием чего поэт считает смягчение приговора). Испытывая настоящую поэтическую Obsession, связанную со сталинской темой, которой прямо или косвенно вдохновлено около десятка стихотворений 1935–1937 годов, Мандельштам весь руководим идеей донести через сопротивление бюрократов из Союза писателей⁵⁶, свой новый поэтический труд до его подлинного адресата и, с его помощью, до «народа советской страны, перед которым я в бесконечном долгу»⁵⁷.

Ситуация 1937–1938 годов, однако, коренным образом отличается от времени середины 1930-х: на общественной сцене больше нет уникальных даже для того времени фигур типа Бухарина, способных быть коммуникаторами между представителями старой беспартийной интеллигенции вроде Пастернака и Сталиным. В стране, чье население, включая политический класс, переживает огромный стресс Большого террора, каналы связи с Кремлем фактически заблокированы. Ближайшим проводником высшей политической воли являются репрессивные органы — важнейший инструмент проведения внутренней политики, к которой относится и напрямую связанная с идеологией область литературы. Вполне естественно, что руководство Союза писателей (видимо, после консультаций с кураторами ССП в ЦК партии и НКВД) делегирует ответственность за принятие решения относительно Мандельштама НКВД.

Письмо Ставского Н.И. Ежову от 16 марта 1938 года с просьбой «решить <...> вопрос об Осипе Мандельштаме» сопровождала рецензия П.А. Павленко «О стихах О. Мандельштама»⁵⁸. Этот текст — един-

⁵⁶ Отсюда — внимательное наблюдение за кадровыми переменами в ССП и надежды на связанные с ними изменения. Ср. в письме Н.Я. Мандельштам Б.С. Кузину 29 января 1938 года: «Сейчас ждут перемен в Союзе [писателей] и некоторого оживления. Нас это может очень близко коснуться. Теперешнее руководство Союза (Ставский, Вишневский) было крайне медлительно и до сих пор не успело прочесть книги стихов (в рукописи), которую всеми силами выдвигала писательская общественность» (Кузин Б. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н. 192 письма к Б. Кузину / Сост., предисл., подгот. текстов, примеч. Н.И. Крайневой, Е.А. Пережогойной. СПб., 1999. С. 528).

⁵⁷ Из письма Н.С. Тихонову, 31 декабря 1936 года (III: 543).

⁵⁸ *Нерлер П.* Указ. соч. С. 98. Был ли случайным выбор Павленко в качестве рецензента новых стихов Мандельштама, представленных им в Союз писателей? А.Г. Мец отмечает, что Павленко «в глазах Ставского, по-видимому, обладал неким преимуществом для данной цели, ибо с точки зрения на существо дела логично было бы поручить рецензию на стихи поэту (из подходящих ему кандидатов можно назвать, например, Н.Н. Асеева), а не прозаику, каковым был

ственное доступное нам развернутое высказывание, отражающее и мотивирующее позицию функционеров Союза писателей по «недопущению» поэзии Мандельштама в советскую литературу («Если бы передо мною был поставлен вопрос — следует ли печатать эти стихи, — я ответил бы — нет, не следует»). Не ставя под сомнение политическую правоверность Мандельштама («Советские ли это стихи? Да, конечно»), Павленко предсказуемо делает акцент на раз и навсегда легализованном Сталиным мастерстве («версификатор, холодный головной составитель рифмованных произведений»), которое, однако, в изменившихся политических условиях, требующих от каждого новой проверки его преданности партии, выступает в качестве негативной характеристики, поскольку противопоставляется отсутствующим в стихах Мандельштама «темпераменту» и простоте, с которыми должно, по мнению Павленко, «без обиняков» выражаться «советское». Такое мастерство перестает выполнять свою — важнейшую в советском идеологическом каноне — утилитарную функцию; оно, сигнализирует Павленко, сомнительно с точки зрения «пригодности»⁵⁹.

Последнюю попытку апеллировать в связи с Мандельштамом к идеологии «мастерства» предпринимает в защитных целях Н.Я. Мандельштам. В письме новому наркому внутренних дел Л.П. Берии 19 января 1939 года она, еще не зная о смерти мужа в лагере 27 декабря 1938 года и пытаясь воспользоваться ожидаемыми изменениями в репрессивной политике властей после ухода

Павленко» (*Мец А.Г.* Вокруг доноса на Мандельштама // *Toronto Slavic Quarterly*. 2018. № 63. Р. 5). Кажется немаловажным, что Павленко был одним из очень немногих не связанных с Мандельштамом литераторов, кто, вероятно, мог быть знаком с текстом его антисталинской инвективы. Надо понимать, что источники распространения этого текста во второй половине 1930-х годов были чрезвычайно ограничены: так как всякое его копирование (даже чекистами) было исключено в силу чрезвычайной опасности (известен лишь один список 1930-х, сделанный по памяти Б.С. Кузиным), основным каналом знакомства со стихотворением могло быть лишь устное произнесение заученного текста. Однако Павленко, как известно, был дружен с ведущим дело Мандельштама следователем Н.Х. Шиваровым, видел Мандельштама на Лубянке и тайно присутствовал на его ночном допросе (*НМ*. Т. 1. С. 161–162). Он мог знать текст стихотворения непосредственно из следственного дела поэта, с которым его мог познакомить тот же Шиваров. Нельзя исключать, что это обстоятельство, если оно было известно Ставскому, сыграло роль в выборе им рецензента.

⁵⁹ Тот же стандартный набор мотивов обнаруживается и в написанном в стусившейся политической атмосфере конца 1936 года стихотворении воронежского поэта Григория Рыжманова, портретирующем Мандельштама: «<...> Не его проходит смена, / Не его стихи поют. // Буржуазен, он не признан, / Нелюдимый, он — чужак, / И побед социализма / Не воспеть ему никак» (*Литературный Воронеж*. 1937. № 1; цит. по: Осип Мандельштам в Воронеже: Воспоминания. Фотоальбом. Стихи. М., 2008. С. 49).

Ежова⁶⁰, задается «не юридическим, а скорее моральным вопросом: достаточно ли было оснований у НКВД, чтобы уничтожить *поэта и мастера* в период его активной и дружественной поэтической деятельности»⁶¹. Выход в область «морали» недвусмысленно отсылал к решившим дело 1934 года сталинским идеологическим установкам середины 1930-х, предполагавшим, что несущественные прегрешения «мастеров» перед режимом (а все письмо Н.Я. Мандельштам посвящено доказательствам того, что поэт не мог быть виновен ни в чем серьезном) заслуживают снисхождения с учетом их высокой и полезной власти квалификации. Отчаянная попытка Н.Я. Мандельштам очевидным образом игнорировала изменения социополитического контекста и установившийся с конца 1936 года «деперсонализированный», конвейерный подход к репрессиям и предсказуемо окончилась кафкианской неудачей: 31 января, после проведения соответствующей проверки ее просьба была оставлена без удовлетворения⁶². Справиться о судьбе арестованного поэта никому в московском аппарате НКВД не пришло в голову.

Во время следствия 1938 года, длившегося три месяца, Мандельштам был допрошен один раз. Следователь Г.Б. Шилкин, писавший фамилию поэта как «Мандельштамп»⁶³, дважды заводил шаблонную для политических дел речь об «антисоветской деятельности» Мандельштама, но настойчивости не проявил, удовлетворившись отрицательными ответами подследственного. По сути дела Мандельштам показал следующее:

Должен признать свою вину в том, что, несмотря на запрещение и не имея разрешения, я неоднократно приезжал в Москву. Цель моих поездок, в сущности, сводилась к тому, чтобы через Союз писателей получить необходимую работу, т.к. в условиях г. Калинина я не мог найти себе работы. Помимо этого я добивался через Союз писателей получения критической оценки моей поэтической работы и потребности творческого общения с советскими писателями⁶⁴.

---

⁶⁰ Невозможно согласиться с Э.Г. Герштейн, характеризующей это письмо как документ «полной растерянности» и «потери ориентации в новой обстановке» (Герштейн. С. 434–435). Наоборот, обращение к Берии свидетельствует, на наш взгляд, о вполне продуманной и резонной попытке воспользоваться «окном возможностей», открывшимся после смены руководства НКВД.

⁶¹ Нерлер П. Указ. соч. С. 161; курсив наш.

⁶² Там же. С. 162–163.

⁶³ Там же. С. 101.

⁶⁴ Там же. С. 102.

Изложенные клишированным языком обвинительного заключения, эти показания выглядели так:

Следствием по делу установлено, что МАНДЕЛЬШТАМ О.Э. несмотря на то, что ему после отбытия наказания запрещено было проживать в Москве, часто приезжал в Москву, останавливался у своих знакомых, пытался воздействовать на общественное мнение в свою пользу путем нарочитого демонстрирования своего «бедственного» положения и болезненного состояния⁶⁵.

В условиях Большого террора это было квалифицировано как «антисоветская агитация» и повлекло за собой приговор в виде пятилетнего лагерного срока, убивший Мандельштама. Фактически поэт был осужден за те энергии и (названное Ахматовой «непонятым») упорство, с которыми он пытался изменить свое место в литературном и социальном пространстве, намертво зафиксированное сталинской резолюцией 1934 года.

---

⁶⁵ Там же. С. 105.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Герштейн — *Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998.

Летопись — *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем: В 3 т.

Приложение: Летопись жизни и творчества / Сост. А.Г. Мец при участии
С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева, Е.И. Лубянской. М., 2014.

НМ — *Мандельштам Н.* Собрание сочинений: В 2 т. / Сост. С.В. Василенко,
П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин, подгот. текста С.В. Василенко при участии
П.М. Нерлера, Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко, П.М. Нерлера.
Екатеринбург, 2014. Т. 1–2.

Рудаков — *О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) /*
Вступ. статья Е.А. Тоддеса, А.Г. Меца, публ. и подгот. текста Л.Н. Ивановой,
А.Г. Меца, коммент. А.Г. Меца, Е.А. Тоддеса, О.А. Лекманова // Еже-
годник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год: Материалы
об О.Э. Мандельштаме. СПб., 1997. С. 7–185.

Тоддес — *Тоддес Е.А.* Избранные труды по русской литературе и филологии /
Сост. Е. Лямина, О. Лекманов, А. Осповат. М., 2019.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О. МАНДЕЛЬШТАМА

- Армения (цикл; 12 стихотворений) 66, 120
- Батюшков 199
- Буря и натиск 61
- «Волк» см. «За гремучую доблесть грядущих веков...»
- Воронежские тетради 145, 157, 159, 162
- Vulgata: Заметки о поэзии 61
- «Где связанный и пригвожденный стон?...» 161
- Гимн см. Сумерки свободы
- Гоготур и Апшина (пер. из В. Пшавела) 152
- Государство и ритм 17
- Грифельная ода 67
- Гуманизм и современность 120
- «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...» 145
- «Довольно кукуться! Бумаги в стол засушем!...» 151
- Египетская марка 47, 69, 154
- «Если б меня наши враги взяли...» 145, 161
- «Еще мы жизнью полны в высшей мере...» 145
- Жак родился и умер 37, 84
- «За гремучую доблесть грядущих веков...» 68–69, 86, 116, 118, 135
- «И веером разложенная дранка...» 166
- К немецкой речи 6, 81
- Кама 145
- «Квартира тиха, как бумага...» 68, 135–136, 145, 158
- «Кому зима — арак и пушш голубоглазый...» 81
- «Куда как страшно нам с тобой...» 66
- «Мастерица виноватых взоров...» 166
- «Мир начинался страшен и велик...» 145, 161, 162
- «Мне кажется, мы говорить должны...» 145
- «Мы живем, под собою не чуя страны...» 72, 121–130, 133–136, 138, 139, 141, 143–146, 148, 158, 169, 186, 198, 199, 202, 206
- «Мы с тобой на кухне посидим...» 66
- «Мякнул конь и кот заржал...» 109
- «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...» 166
- «На полицейской бумаге верже...» 66, 72
- «Надсон» см. «За гремучую доблесть грядущих веков...»
- «Наушники, наушнички мои!..» 153, 201
- «Не говори никому...» 66
- «Не мучнистой бабочкою белой...» 149–150, 153, 161, 169, 173
- «Необходимо сердцу биться...» см. Стансы
- «Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый...» 171
- «О, как мы любим лицemerить...» 67
- О переводах 40, 43
- О природе слова 124
- «Обороняет сон мою донскую сонь...» 145
- [Ода] («Когда б я уголь взял для высшей похвалы...») см. Стихи о Сталине
- «Один портной...» 142
- Открытое письмо советским писателям 41, 43, 48, 68
- Памяти Андрея Белого (цикл; пять стихотворений) 128
- Письмо в редакцию («Вечерней Москвы») 29, 32
- Потоки халтуры 32, 34–38, 40, 43
- Призыв (пер. из М. Бартеля) 41
- Путешествие в Армению 49, 63, 66, 72, 81, 86, 89–90, 120, 138, 151

- Разговор о Данте 64, 119, 121, 138
- «С примесью ворона голуби...» 145, 166, 167
- Скрябин и христианство 86
- Слово и культура 17, 18, 157
- «Солдат» см. Стихи о неизвестном солдате
- «Средь народного шума и спеха...» 145
- Стансы («Необходимо сердцу биться...») 145, 161–168, 172, 173–175, 177–178
- Стансы («Я не хочу средь юношей тепличных...») 144, 169
- Стихи о неизвестном солдате 67, 152, 158–160
- Стихи о русской поэзии (цикл; три стихотворения) 66, 117, 136, 138
- Стихи о Сталине 7–11, 145, 158–161, 163, 167, 171, 172, 202
- Сумерки свободы 17
- Татарские ковбои 43
- «Турчанка» см. «Мастерица виноватых взоров...»
- «Ты красок себе пожела-ла...» (Армения; 2) 120
- «Умывался ночью на дворе...» 81
- «Флейты греческой тэта и йота...» 160
- «Холодная весна. Бес-хлебный робкий Крым...» 84
- «Черкешенка» см. «С примесью ворона голуби...»
- Чернозем 145
- Четвертая проза 26, 41, 44–47, 68, 69, 76, 78, 88, 95, 127, 128, 132, 133, 135
- Шум времени 18, 31, 44, 88
- «Я пью за военные астры, за все, чем корили меня...» 118

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авербах Л.Л. 38–43, 47–49, 70–75, 110,
 121, 124, 132, 148
 Аверинцев С.С. 177, 187
 Агранов Я.С. 42, 77, 138, 140, 141, 143,
 148, 194, 196, 198
 Адалис А.Е. 150
 Адамович Г.В. 19, 40, 69
 Азадовский К.М. 45, 98, 100, 105, 106, 198
 Аймермахер К. 39
 Акимова М.В. 13
 Алешина Н.Г. 125
 Аллилуева Н.С. 170
 Алтайский *см.* Эльсберг Я.Е.
 Альбрехт I 121
 Алянский С.М. 33
 Андреев А.А. 183
 Андронников И.Л. 51, 163
 Анисимов А.И. 105, 113
 Антипов Н.К. 108
 Ардов М.В. 10
 Ариас-Вихиль М.А. 110
 Аронов Л.Г. 70
 Артизов А.Н. 37
 Архипов Н.И. 113
 Архиппов Е.Я. 34
 Асеев Н.Н. 206
 Афиногенов А.Н. 148
 Ахматова А.А. 7, 8, 30, 31, 37, 38, 49,
 51–64, 67, 78, 84, 86, 93, 95–98, 110, 115,
 117–120, 128, 139, 146, 157, 166, 169, 184,
 203, 204, 208
 Ахметьев И.А. 115

 Бабаев Э.Г. 97
 Бабель И.Э. 60, 74, 132–133
 Бабиченко Д.Л. 71
 Базанов В.Г. 101
 Баран Х. 87
 Баратынский Е.А. 129–130
 Бартель М. 40–41
 Басалаев И.М. 63, 118
 Батюшков К.Н. 199
 Бахман Г. 80

 Бедный Д. 54, 140
 Безыменский А.И. 72, 132
 Беллей В.С. 19
 Белодубровский Е.Б. 121
 Белый А. 22–24, 30, 33, 119, 127, 128
 Бениславская Г.А. 98
 Берберова Н.Н. 199
 Берггольц О.Ф. 80
 Берия Л.П. 206, 207
 Берлинер В. 37
 Бернштейн А.Я. 85
 Берштейн Е.В. 13
 Бескин О.М. 119
 Благой Д.Д. 44–46, 88, 199
 Блок А.А. 23, 33, 51, 55, 87
 Блок Л.Д. 33
 Блонский П. 85
 Блудов Ю.В. 123
 Блюм А.В. 82
 Блюмкин Я.Г. 76–78
 Бонч-Бруевич В.Д. 30, 31, 112
 Борисов В.М. 18, 123
 Борисоглебский М.В. 58
 Бранденбергер Д.Л. 125
 Браун К. 7–8, 11, 42, 65
 Браун Н.Л. 107
 Бродский И.А. 59, 204
 Брыкин Н.А. 118
 Бубнов А.С. 113
 Будыко М.И. 61
 Букс Н. 154
 Булавин М.Я. 200
 Булгаков М.А. 39, 50, 66, 88
 Бурлешин А.В. 111
 Бутрин Д.Н. 13
 Бухарин Н.И. 16, 25, 26, 60, 70, 71, 73, 78,
 126, 138, 140, 141, 148, 149, 170, 185–187,
 194–198, 205
 Бухштаб Б.Я. 78, 79
 Быстрова О.В. 40, 72, 197

 Вакар А.Э. 53
 Ваксель О.А. 31

- Василенко С.В. 16, 18, 44, 45, 159, 176
Васильев П.Н. 97, 106–110, 114, 116, 117, 123, 126, 127, 140
Вахитова Т.М. 33
Вейдле В.В. 53
Великанова О.В. 189, 199
Венус Б.Г. 122
Верховский А.И. 198
Вечерний С. (Богданов А.В.) 111
Видгоф Л.М. 12, 13, 35, 46, 70–73, 116, 122, 136, 139
Виницкий И.Ю. 130
Виола Л. 190
Вихрев Е.Ф. 106
Вишневский В.В. 147, 181, 200, 201, 205
Войтинская В.Л. 36
Войтинская Н.С. 36
Волгин В. 113, 127
Волин Б.М. 82, 91, 149
Волков А.А. 199
Волошин М.А. 31, 156, 204
Вольпе Ц.С. 120
Вольпин М.Д. 46, 79
Вольфсон М.Б. 26, 37
Воронский А.К. 25, 40
Ворошилов К.Е. 90–91, 108, 198
Вроон Р. 27
Выгодский Д.И. 41
Высоцкий Л. Н. 125
Вышеславцева С.Г. 17
- Галл Клузиний 156
Галушкин А.Ю. 25–26, 28, 39, 50, 92
Гальперина-Осмеркина Е.К. 134
Гарнин В.П. 24, 99, 102
Гаспаров Б.М. 27, 28, 116, 117
Гаспаров М.Л. 12, 26, 67, 81, 139, 144, 152, 158–160, 187, 202
Гаузнер Г.О. 194
Гачева А.Г. 97
Гейблер Н.И. 115
Гейне Г. 93
Генкин М.И. 197, 203
Геринг Г. 79
Геркен Е.Г. 112
Герра Р. 53
Герцен А.И. 84, 93
Герцык Е.К. 94
- Герштейн Э.Г. 10, 11, 32, 43, 44, 48, 56, 59, 61, 69, 76, 117, 120, 122, 129–131, 135, 139, 145, 154, 156, 166, 184, 203, 207
Гехт С.Г. 85
Гёте И.В. фон 36, 86, 151
Гиндин С.И. 87
Гинзбург Л.Я. 9, 78–80, 82, 84, 171
Гиппиус В.В. 31
Гиппиус З.Н. 199
Гитлер А. 79, 80
Гладков А.К. 16–17, 42, 134, 174, 181, 203
Гладков Ф.В. 119
Гладкова С.В. 119
Глазов Л.И. 131
Глухов-Щурицкий А.И. 35
Гоголь Н.В. 47, 69
Головин В.В. 138
Голубева О.В. 130
Гольдфарб С.И. 131
Горб М.С. 77
Горбачев М.С. 12
Горбачева В.Н. 99, 105
Горбунов Н.П. 17
Гордина Н.В. 156
Горенко И.Э. 53
Горнфельд А.Г. 16, 26–33, 36, 38, 42, 43, 47, 48, 61, 68, 69
Городецкий С.М. 35, 60, 77, 98, 110, 118
Горская Е.М. 77
Горький М. 34, 40, 42, 53, 66, 74, 85, 88, 107, 110, 118, 124, 149, 178–179, 190–192, 194, 197
Горяева Т.М. 87
Гринберг Р.Н. 7, 69
Гришина Я.З. 108, 126
Громова Н.А. 194
Гронская С.И. 34
Гронский И.М. 24, 34–35, 103–104, 106–111, 114, 119, 191
Гуковский Г.А. 63
Гумилев Л.Н. 59–61, 117, 169–170, 203
Гумилев Н.С. 51, 53, 55, 59, 61, 81, 87, 98
Гусев А.Н. 16, 20, 49
Гыдов В.Н. 200
Гюнтер Х. 39
- Данилов В.П. 190
Данте Алигьери 64, 96, 97, 121, 123

- Двинятина Т.М. 13, 34, 55, 59, 61
 Де Костер Ш. 26
 Дедюлин С.В. (Кириллов К.) 11, 22
 Дерман А.Б. 28, 29, 33, 42, 47
 Дзержинский И.И. 179
 Дзержинский Ф.Э. 17
 Динерштейн Е.А. 25
 Дичаров З.Л. 33
 Дмитренко А.Л. 63
 Добренко Е.А. 39
 Долгова Е.А. 59
 Домиций Аполлинарий 156
 Дубинская-Джалилова Т.И. 107, 190
 Дувакин В.Д. 118
 Дутли Р. 45, 184, 198
 Дынник В.А. 194
 Дэвис Р.У. 74
- Евгеньев-Максимов В.Е. 199
 Ежов И.С. 54
 Ежов Н.И. 49, 75, 140, 161, 182, 183, 205,
 207
 Енукидзе А.С. 16
 Ермилов В.В. 39
 Есенин С.А. 45, 51, 86–88, 94, 105, 122,
 123, 127
 Ефимов Е.Б. 178
 Ефремов 113
- Жирмунский В.М. 78–80
 Жолковский А.К. 124, 172, 173
 Жуковская Т.Н. 94
 Журбенко А.С. 183
- Заболоцкий Н.А. 11, 173
 Зайцев П.Н. 127, 128
 Замошкин Н.И. 106
 Замятин Е.И. 39, 47, 49, 50, 57, 59
 Зарецкий А.Р. 130
 Заславский Д.И. (Осипов Д.) 37, 38, 48,
 83, 178, 197
 Захаров-Мэнский Н.Н. 112
 Зелинский К.Л. 74, 191
 Зельченко В.В. 13
 Зенкевич Е.П. 129
 Зенкевич М.А. 34, 118, 135, 139, 193
 Зиновьев Г.Е. 131
 Золотоносов М.Н. 80, 81
- Золян С.Т. 120
 Зонин А.И. 101
 Зощенко М.М. 33, 59
 Зуев Д.В. 12
 Зыкова Л.А. 55
- Иванов В.А. 111, 112
 Иванов Вс.В. 49
 Иванов Вяч.Вс. 174
 Иванов Г.В. 55
 Иванов-Разумник Р.В. 30
 Иванова И.Г. 31
 Иванова Т.Г. 100
 Ивнев Р. 49, 66, 105
 Илюшенко И.И. 109
 Иоанн XXII, папа римский 121
 Ионов И.И. 32–34, 39, 47, 53, 98–99,
 102
 Иосиф (Петровых), митр. 58
 Иремашвили И.Г. 124
- Каганович Л.М. 20, 71, 74, 75, 100, 108,
 115, 140, 147, 148
 Калугин О.Д. 51
 Каменев Л.Б. 48, 73, 131
 Каменева О.Д. 48
 Кан Э. 89
 Канатчиков С.И. 36–39, 47
 Канторович С.И. 85
 Карельская А.В. 18
 Карякин В.Н. 26
 Катаян Р.П. 203
 Кафка Ф. 207
 Хахиани М.И. 108
 Кацис Л.Ф. 26
 Качалов В.И. 86
 Квакин А.В. 71
 Квашонкин А.В. 187
 Киров С.М. 16, 173
 Кирпотин В.Я. 74, 83, 108, 119, 147–149,
 193
 Киршон В.М. 71, 74, 148
 Киселева А.В. 126
 Киянская О.И. 33, 79
 Кларк К. 39
 Клычков Г.С. 102
 Клычков С.А. 97, 104, 105, 110, 113, 116,
 117, 119–120, 127, 128

- Ключев Н.А. 23–25, 51, 54, 95–111, 113–119, 121, 127, 128, 151
 Князева Н.Г. 94
 Колмогоров А.Г. 19
 Кольцов М.Е. 77
 Конар Ф.М. 26, 57, 73, 79–81, 203
 Конджария Р. 124
 Кондрашин В.В. 85
 Коркина Е.Б. 94
 Корниенко Н.В. 39
 Коряков М.М. 170
 Костарев Н.С. 181
 Костров Т. (Мартыновский А.С.) 41, 132
 Котрелев Н.В. 17
 Кошелева Л.П. 40, 42, 187
 Кравченко Б.Н. 98
 Кравченко Г.С. 85
 Кравченко Л.Э. 25
 Кравченко Т.А. 25
 Крайнева Н.И. 48, 56, 58, 96, 204, 205
 Крестинский Н.Н. 108
 Криворученко В.К. 131
 Кривулин В.Б. 11
 Крупская Н.К. 126
 Кузин Б.С. 11, 48, 81–84, 127, 139, 156, 161, 171, 181, 182, 184, 204–206
 Кузмин М.А. 18, 26, 30, 51–52, 54, 112
 Кузнецова С. 124
 Куйбышев В.В. 173
 Кукушкина Т.А. 47, 100
 Куняев С.С. 105, 108, 183
 Куняев С.Ю. 105, 109, 183
 Курилов А.С. 107
 Курс А.Л. 42, 43, 75, 85, 88, 132
 Кутейникова А.А. 72
 Кушнер А.С. 187, 198
 Кюхельбекер В.К. 31

 Лавров А.В. 30
 Лаврова Т.В. 30
 Лавут П.И. 62
 Лангерак Т. 150
 Ласкин А.С. 31, 51
 Лахути А.А. 166
 Левин 147
 Левин Б.М. 77
 Левин Ю.И. 12

 Левина Т.М. 203
 Левинг Ю.П. 13, 117, 150, 173
 Левинтон Г.А. 13, 127, 150
 Лежнев И.Г. 27, 53
 Лейбов Р.Г. 13
 Лекманов О.А. 12, 13, 35, 40, 86, 163, 165, 171, 187
 Ленин В.И. 17, 37, 44–46, 51, 99, 192
 Леонов Б.А. 77
 Леонов Л.М. 85
 Леонтий (Филиппович), архиеп. 98
 Леонтьев Я.В. 76
 Лесневский С.С. 119
 Лившиц Б.К. 26, 33, 139, 203
 Лившиц Е.К. 41
 Липкин С.И. 69, 116, 124, 127
 Липскеров К.А. 112
 Литвин А.Л. 75
 Литвинов В.Б. 7, 42
 Литвинов М.М. 108
 Ло Гатто Э. 105
 Логачева Т.Ю. 111
 Лозинский М.Л. 52, 121
 Лозинский С.М. 121
 Ломинадзе В.В. 16, 40, 42, 49, 71–74, 125, 132
 Ломов И.Н. 41
 Лубяникова Е.И. 35, 72, 116
 Луговская Н.С. 127
 Луговской В.А. 121
 Лукницкая В.К. 68
 Лукницкий П.Н. 31, 34, 37, 51, 53, 55–61, 68, 95
 Лукьянов С.С. 140
 Луначарский А.В. 17
 Луппол И.К. 176
 Лухманова Н.А. 19
 Львов-Рогачевский В.Л. 43
 Любимов Н.М. 75

 Мазур Н.Н. 127
 Макаров И.И. 123
 МакЛейн Х. 87
 Максименков Л.В. 43, 100, 185, 187, 191, 192
 Максимов Д.Е. 33, 199
 Макфадьен Д. 58
 Мальмстад Дж. 9, 27, 30

- Мамедова Д.Н. 177
Мандельштам Е.Э. 65, 69, 129
Мандельштам Н.Я. 7–12, 16, 18–22, 25, 26, 34, 35, 42, 44, 46–51, 61, 64–65, 68–72, 78–83, 91, 95, 103, 118–120, 122, 123, 125, 128, 134, 135, 139, 142–148, 152–160, 163, 165–167, 169, 174–177, 179, 181–186, 198, 200–207
Маннинг Р. 190
Мансуров П.А. 105
Манухина Н.Л. 122
Марголина С.М. 145
Марков В.Ф. 27
Маркс К. 192
Мартин Т. 125
Марченко И.А. 153, 200, 201
Маршак Б.И. 159
Маяковский В.В. 20, 28, 52, 62, 77, 85–88, 101, 102
Мейерхольд В.Э. 179
Мейлах М.Б. 9, 10
Менский Р. 98
Мехлис Л.З. 74, 108
Мец А.Г. 10, 17, 22, 31, 35, 46, 55, 66, 72, 116, 129, 135, 145, 159, 162, 167, 172–173, 181, 205, 206
Микоян А.И. 108
Миллиор Е.А. 63
Мильчина В.А. 127
Мирбо О. 192
Михайлов А.А. 119
Михайлов А.И. 25, 97, 118
Михайлов А.Д. 151, 159, 165, 167
Михайлова Е.И. 66
Михеев М.Ю. 16, 42, 203
Мнухин Л.А. 18
Мозохин О.Б. 77
Молотов В.М. 16, 19, 20, 25, 26, 34, 35, 40, 41, 65, 69, 70, 73, 75, 80, 91, 103, 108–109, 134, 157, 158, 189
Морев Г.А. 22, 24, 30, 27, 59, 86, 94, 112, 140, 170, 195, 196, 198, 203
Морозов А.А. 44
Мурын Ю.Г. 185
Мурина Е.Б. 167
Мусатов В.В. 37
Мяздриков Б.В. 139
Надсон С.Я. 69
Назаров И.А. 66
Нарбут В.И. 26, 32–33, 37, 42
Наседкин В.Ф. 126
Наумов О.В. 37
Недоброво Н.В. 57
Некрасов Н.А. 117, 121, 135–138
Немов М. 165
Нерлер П.М. 7, 10, 12, 15, 16, 18, 27, 45, 49, 61, 68, 70, 78–82, 84, 86, 128, 129, 138–140, 142, 147, 151, 156, 159, 161, 162, 165, 167, 176, 177, 180, 182–184, 187, 197, 202, 204, 205, 207
Нефедьев Г.В. 17
Нечипорук Д.М. 12
Нешумова Т.Ф. 13, 34
Нива Ж. 17
Никё М. 24, 71, 73, 118
Никитаев А.Т. 86, 203
Никольская Т.Л. 31
Никулин Л.В. 118
Нобуаки С. 132
Новиков В.И. 111
Нович И.С. 57
Огрызко В.В. 37, 39, 75, 183
Оксман Ю.Г. 44
Олейников Н.М. 47
Олеша Ю.К. 123
Орджоникидзе Г.К. 72, 74, 83, 132
Орлов В.Н. 10, 23
Осмеркин А.А. 10
Осмеркина Е.К. 10, 184
Осокина Е.А. 65
Павленко П.А. 16, 54, 139, 159, 161, 162, 168, 172–173, 182, 205–206
Панова Л.Г. 124
Панферов Ф.И. 71, 85
Паперно И.А. 9, 13
Парнис А.Е. 17, 87, 139
Парнок С.Я. 94
Пастернак Б.Л. 8, 12, 16, 35, 42, 47, 54, 59, 60, 62, 72, 77, 83, 86, 88, 91, 109, 110, 125, 128, 134, 140–142, 157, 162, 168–176, 178, 194–196, 200, 202–205
Пастернак Е.Б. 91, 169, 203
Пастернак Е.В. 35, 91, 169, 203

- Пережогина Е.А. 48, 205
 Перцов П.П. 199
 Песков А.М. 130
 Петровых М.С. 166, 198
 Пильняк Б.А. 47, 49, 57, 59
 Платон 151
 Плиний Младший 156, 204
 Поберезкина П.Е. 24, 97
 Поварцов С.Н. 109
 Полонская Е.Г. 18
 Полонский В.П. 89–90
 Полякова С.В. 47, 62–63, 94
 Попова Е.Е. 163, 165–167, 172, 177
 Поскребышев А.Н. 142
 Постышев П.П. 71, 148
 Презент М.Я. 78
 Примочкина Н.Н. 53
 Прицкер Е.Д. 74, 191
 Пришвин М.М. 108, 126, 144
 Пулин Л.И. 114, 115
 Пулина А.А. 114
 Пулькин И.И. 115
 Пунин Н.Н. 55, 59, 169–170, 203
 Пушкин А.С. 59, 64, 72, 86, 88, 96, 118,
 123, 163, 168, 172
 Пшавела В. 152
- Рабинович Б.Л. 77
 Радек К.Б. 91–93
 Радлова А.Д. 52, 151
 Разумов А.Я. 60
 Раковский Л.И. 103
 Рашковская М.А. 35
 Рейсер С.А. 78
 Робеспьер М. 181
 Рогинский А.Б. 22
 Рогинский Я.Я. 145
 Роговая Л.А. 42, 187
 Роговин В.З. 132
 Рождественский В.А. 52, 60, 99
 Розанов В.В. 22–24, 103
 Розенгольц А.П. 108
 Розенталь Л.В. 86
 Розенталь С.Д. 138
 Ролдугина И.А. 112, 113
 Ронен О. 69, 72, 117, 130, 133, 136, 191
 Рубашкин А.И. 18
 Рубенс П.П. 59
- Рубинчик О.Е. 9, 54
 Рудаков С.Б. 17, 30, 31, 42, 61, 67, 116,
 142–146, 150–155, 158, 166, 169, 179,
 193, 194, 199, 200
 Рыжманов Г.Н. 150, 206
 Рыков А.И. 126
 Рыкунина Ю.А. 31
 Рютин М.Н. 72, 133
 Рязанова Л.А. 126
- Саакянц А.А. 18
 Сажин В.Н. 22, 33
 Салтыков-Щедрин М.Е. 75
 Сандомирский Г.Б. 36
 Санников Г.А. 153
 Саргиджан А. 90, 122
 Сарнов Б.М. 187
 Саянов В.М. 42, 63
 Светозарова Н.Д. 80
 Святополк-Мирский Д.П. 86–88
 Сегал Д.М. 121, 163, 168
 Седов Л.Л. 131
 Селивановский А.П. 39, 42
 Семенко И.М. 67–69
 Семенова С.Г. 97
 Сергеева Л.Г. 167
 Сергей (Страгородский), митр. 59
 Серебренников Н.В. 117
 Серж В. (Кибальчич В.Л.) 63, 66, 79,
 203–204
 Серман И.З. 47
 Силлов В.А. 77
 Симонов К.М. 174
 Синяевский А.Д. 195
 Скалдин А.Д. 102, 103
 Скворцов-Степанов И.И. 34
 Скипетров 113
 Скрыбин А.Н. 86
 Скуратовский В.Л. 17
 Сломова Н.А. 81
 Слонимский М.Л. 33, 63, 193
 Смеляков Я.В. 133
 Соболев А.Л. 13, 49, 59, 70, 112
 Соколова Н.А. 86
 Соколовский А.Л. 151
 Сокольников Г.Я. 108
 Сологуб Ф.К. 51, 54, 55, 199
 Сольский В. 71

- Сорокин Г.Э. 122
 Спивак М.Л. 30, 128
 Ставский В.П. 74, 85, 121, 161, 162, 165, 166, 175–176, 180–183, 200, 201, 205–206
 Сталин И.В. 7, 8, 12, 37, 40–42, 44–46, 50, 64, 65, 71–77, 80–83, 89–91, 100, 104, 106–109, 111, 112, 118–136, 138–149, 153–155, 158–160, 163, 164, 167–176, 178, 180, 185–208
 Старков А.Н. 81
 Стенич В.О. 33
 Степанова М.М. 13
 Стефен А.И. 145
 Стецкий А.И. 108, 148, 197
 Стойчев С.А. 147, 179, 180
 Струве Г.П. 10, 44, 168
 Струве Н.А. 10, 168
 Стэн Я.Э. 40
 Субботин С.И. 13, 35, 72, 88, 95, 97, 102, 103, 107, 116, 122, 127
 Субоцкий Л.М. 193
 Суварин Б. 74
 Суворин М.А. 23
 Суворова К.Н. 56
 Сукач В.Г. 23
 Суперфин Г.Г. 18
 Сурат И.З. 142, 168
 Сутырин В.А. 39
 Сырцов С.И. 40, 42, 74, 75, 85, 132
- Тагер Е.М. 51, 122, 123
 Тагер М.Н. 122
 Талов М.В. 116–118, 122, 129, 130
 Талова М.А. 122, 129
 Талова Т.М. 129
 Тан В.Г. 27
 Тарановский К.Ф. 8, 9
 Тарловский М.А. 150
 Терновский Е.С. 53
 Тименчик Р.Д. 13, 27, 31, 51, 54, 55, 60, 62, 63, 66, 147, 153, 154, 156, 158, 169, 200, 201, 204
 Тиняков А.И. 24, 33, 102, 126
 Тихонов А.Н. 94
 Тихонов Н.С. 54, 63, 99, 157, 158, 175, 205
 Тодд У.М. 9
- Тоддес Е.А. 12, 16–18, 28, 31, 43, 46, 61, 85, 87, 95, 122, 127, 128, 130, 163
 Токер Л. 154
 Толстой А.Н. 57, 122–123, 138, 194
 Томашевская З.Б. 51
 Томский М.П. 17, 73, 126
 Топиков А.Д. 74
 Топоров В.Н. 56
 Торбин М.А. 46
 Тренев К.А. 16, 49
 Третьяков С.М. 42
 Троцкий Л.Д. 19, 20, 37, 39, 47, 53, 73, 74, 77, 93, 121, 131
 Тухачевский М.Н. 165, 175
 Тынянов Ю.Н. 63, 93, 157, 202
 Тюрина Е.А. 85
- Усов Д.С. 34, 52, 60
 Успенский Ф.Б. 136
 Устинов А.Б. 18
- Фабрикант Я.О. 79
 Фадеев А.А. 16, 39, 71, 108, 147, 148, 183
 Файбышенко В.Ю. 191
 Федин К.А. 48, 59, 81
 Федина Н.К. 81
 Федоров А.В. 52
 Федорченко С.З. 31
 Федотова С.В. 33
 Фельдман Д.М. 33, 79
 Фет А.А. 136
 Фигурнов М.В. 34, 198
 Фигурнова О.С. 34, 198
 Филиппов Б.А. 10, 24, 44, 54, 168
 Флаттеров И. (Добкин А.И.) 123
 Флейшман Л.С. 42, 44, 47, 60, 72, 83, 88, 110, 172, 175, 178, 195
 Фрезинский Б.Я. 18
 Фрейденберг О.М. 91
 Фрейдин Г.М. 11, 35–36, 38, 172
 Фрейдин Ю.Л. 9, 10, 16, 159, 173
 Фриновский М.П. 183
 Фурманов Д.А. 134
- Хазин Е.Я. 18, 123
 Халатов А.Б. 34, 64–65, 70, 73
 Халфин И. 84
 Харджиев Н.И. 9–11, 71, 87, 118, 150, 159

- Хелльбек Й. 84
Хили Д. 111
Хлебников В. 87
Хлевнюк О.В. 40, 42, 72, 74, 75, 121, 132, 149, 187, 188, 190, 196
Ходасевич В.Ф. 53, 199
Христофоров В.С. 60, 79, 133
Хьюз Р.П. 9
- Царенкова Е.М. 63
Царькова Т.С. 102
Цветаева М.И. 11, 18, 35, 53, 62
Цинциннат Луций Квинций 156, 204
- Чаплин Н.П. 132
Чернев А.Д. 190
Чернобаев А.А. 108
Черных В.А. 30, 52, 56
Чернышева С.А. 58
Чернявский Г.И. 133
Чудаков А.П. 28, 85
Чудакова М.О. 85, 93, 122
Чуковская Л.К. 11, 56
Чуковский К.И. 48, 52, 53, 175, 201, 203
Чулкова А.Д. 122, 129
Чумандрин М.Ф. 80
Чурилова Е.Б. 31
- Шагинян М.С. 52, 81–83, 91, 143, 155, 202
Шаляпин Ф.И. 86
Шамурин Е.И. 54
Шаховская З.А. 53
Шацкин Л.А. 40, 41, 71, 73, 132
Швейцер В.А. 166–168, 178
Шейнина Р.М. 28
Шекспир У. 151
Шелепин А.В. 59
Шенгели Г.А. 122, 142
Шенталинский В.А. 75, 92, 105, 115, 186
Шешуков С.И. 39
Шиваров Н.Х. 206
Шилкин П. 15, 183, 207
Ширияевец А.В. 102
Шкаровский М.В. 59
Шкваркин В.В. 112
Шкловский В.Б. 28, 54, 91–94, 122
Шмаков Г.Г. 9
Шнейдерман Э.М. 139, 182
- Шолохов М.А. 140
Шостакович Д.Д. 178, 179
Шошин В.А. 55
Штемпель Н.Е. 11, 156, 163, 171, 176–178
Шумихин С.В. 30, 89
- Щелокова О.Р. 125
Щербаков А.С. 140, 200, 201
- Эдельман О.В. 124
Эйхенбаум Б.М. 19, 47, 63, 80–81, 85–88, 93–95, 118, 122
Эльсберг Я.Е. («Алтайский») 74, 75
Энгельс Ф. 192
Эренбург И.Г. 18, 87
Эткинд Е.Г. 11, 27
Эфрос А.М. 129
- Юдин П.Ф. 74, 142, 149, 150, 180, 197, 198, 203
Юркевич В.И. 182–183
- Ягода Г.Г. 75, 106, 108, 111, 112, 194
Языков Н.М. 116
Якобсон Р.О. 86–88
Яковлев А.И. 108
Яковлев А.Н. 74
Ямпольский И.Г. 78
Янгфельдт Б. 8–11, 166
Яр-Кравченко А.Н. 25, 97, 99, 100, 103, 105–107, 114, 116
Яхонтов В.Н. 162–163, 167
- Berelowitch A. 91
Depretto-Genty C. 94
Freiberger-Sheikholeslami E. 199
Freidin G. см. Фрейдин Г.М.
Jangfeldt V. см. Янгфельдт Б.
Leving Yu. см. Левинг Ю.П.
Mari E. 22
Ospovat K. 84
Subbotin S. см. Субботин С.И.
Trukhanova O. 22
Valeri M. 22

ГЛЕБ МОРЕВ
ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ
ФРАГМЕНТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ БИОГРАФИИ

Выпускающий редактор Татьяна Григорьева
Корректор Светлана Крючкова
Верстка Ильяс Лочинов
Производство Сергей Николаев

Новое издательство
123022, Москва
Столярный переулок, дом 3, корпус 1
e-mail: info@novizdat.ru
www.novizdat.ru

Подписано в печать 1 ноября 2021 года
Формат 70x100/16
Гарнитура Spectral
Объем 17,88 условного печатного листа
Бумага офсетная
Печать офсетная
Заказ № 349-11/21

Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг Радуга»
115280, Москва, Варшавское шоссе, дом 28А

Литературная биография Осипа Мандельштама советских лет — это история его попыток быть писателем и зарабатывать литературным трудом в эпоху радикальных социальных изменений, касавшихся и самого статуса литературы, и устройства ее существования в обществе. Детальная реконструкция советского литературного быта 1920–1930-х годов и новый взгляд на социальные стратегии Мандельштама — в книге Глеба Морева.

ISBN 978-5-98379-264-7

9 785983 792647

